

Н. СКОТТ МАМАДЭЙ

ДУХ
ОСТАЮЩИЙСЯ
ЖИТЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СФЕРА» МОСКВА

Редколлегия серии: др. А.В.Ващенко, др. С. Скаррбери-Гарсиа (США), др. Э.Уигет (США), Д.Н.Попов.

Составитель: А. В. Ващенко

Портрет Н. Скотта Момадэя «Тсоай-тали – Юноша Каменного Древа» – Д.Попова.

Редакция выражает особую признательность г-же Сьюзан Скаррбери-Гарсиа за помощь в подготовке этого издания.

Момадэй Н. Скотт «Дух, остающийся жить». – Иллюстрации автора. – Составитель А.В.Ващенко. – М.: Сфера, 1997. – (Серия «Священная трубка»).

Автор – крупнейший представитель индейской литературы США, лауреат премии Пулитцера 1968 г.

Истинный мастер слова, в своих произведениях он выступает самобытным продолжателем мистической традиции коренных американцев.

В настоящий сборник включены: повесть «Путь к Горе Дождей» и литературно-художественный цикл «В присутствии Солнца: собрание щитов». В приложении публикуется пиктографический ряд и текст одной из летописей родного племени Момадэя – кайова.

ISBN 5-85000-008-9

© Издательство «Сфера», 1997.

А.В. Ващенко

Путь к диву и упоению

Путь к Горе Дождей

Пролог

Вступление

Отправление

Странствие

Завершение

Эпилог

Щит, что станет мною

Щит левой руки

Щит орлиного крыла

Щит бизоньего хвоста

Щит рогатой лошади

Звёздный щит

Щит охоты на антилоп

Вместо послесловия. *Из книги Ч. Вударда «Голос предков. Беседы с Момадзем»*

В присутствии солнца: собрание щитов

История хорошо сделанного щита

Слово о степном щите

Щит потрясённых небес

Щит, который вернулся

Щит кружащихся перьев

Щит Бот-тали

Щит Солнечной Пляски

Самый заурядный щит

Щит васильковой поры

Щит, о котором чем меньше сказать, тем лучше

Щит, который умер

Щит бродящего медведя

Щит брата Паи-матоне

Щит, о котором пеклись собаки

Щит лошадей, вязнувших в топях

Щит, привезённый с горы Тсоай

Щит двух вещей снов

Человек, сотворенный из слов

Приложение

Г.Б. Борисов

Пиктографические летописи кайова

Перечни зим кайова и кайова-апачей

Перечень зим Сет- тана/ Дохасана (1833-92)

Магические щиты степных воинов

Заключение

Когда падали звёзды

Примечания

Handwritten signature in cursive script, likely reading 'H. Scott Momaday'.

*Н. Скотт Момадэй
Тсоай-тали́ — Юноша Каменного Древа*

Путь к диву и упоению

Феномену Н. Скотта Момадэя трудно подобрать аналог. Прежде всего, потому что у этой творческой личности множество ипостасей, каждая из которых подобна новому чуду, способному послужить темой самостоятельной беседы и анализа, ибо каждая связана с удивительными открытиями. Путь этого мастера богат откровениями, он полон новаторства во всех сферах творческой деятельности, где бы ни проявлялась щедрая натура этого человека.

Бросив взгляд из сегодняшнего дня, с вершины по имени Тсоай-тали (индейское имя Момадэя) в минувшее, отметим первое и самое заметное – роль писателя как основоположника целой литературы. Камерное событие, связанное с изданием в 1967 году повести «Странствие Тай-ме» (первоначальный вариант «Пути к Горе Дождей»), фактически положило начало современной литературе «коренных американцев», в том числе, так называемому «прерийному роману» и вообще всей системе приемов и средств этого направления в американской прозе, среди авторов которой Момадэй до сих пор остается высочайшей вершиной. К этой небольшой повести, со всё многообразием ее свойств, нам еще предстоит вернуться.

Новой этапной вехой в творческом развитии Момадэя-писателя стал роман «Дом, из рассвета сотворенный» (1968), через год награжденный премией Пулитцера. Книга сразу вызвала оживленные споры, поскольку вместе с новым героем и проблематикой в литературу вошел и новый художественный язык. Образ мятежного юноши, индейского ветерана Второй. Мировой, поставленного по воле XX века, между двумя мирами – американским и традиционно-индейским – вобрал в себя судьбы многих созвучных аборигенных характеров. Главный персонаж романа, с символичным именем Авель, действительно стал символом современной индейской молодежи, «витязем на распутье», дальнейший путь которого, при всей стойкости героя, полон неясностей, как и у многих его соплеменников. Но драма его судьбы явно контрастирует с впервые заявленной и мощно зазвучавшей темой «пути народа к рассвету» – идеей духовной неистребимости народа и его ценностей, воплощенных в традиционной культуре, среди которых – поддержание жизни и гармонии в мире и следование высоким урокам, преподносимым человеку самой природой. Поэтому в

романе в более явном виде, чем в предшествовавшей ему повести, проявился дух манифеста живой индейской культуры. Книга открыто выступила от лица всех аборигенных культур, поскольку обозначенный в ней конфликт – между природой и человеком, между цивилизацией и культурой – стал ведущим во второй половине нашего века. Вскоре по роману был снят фильм, где роль главного героя впервые сыграл актер-индеец Лэрри Литлберд

В крупной литературной форме рельефно выявились характерные качества Момадэя как художника слова: особое внимание к фразе, поэтичность и ритмика в неповторимой атмосфере особой «магии» речи. Сам роман, отчетливо уподобившись ритуалу от традиционного устного зачина до концовки, при кольцевой композиции и четырехчастной структуре – явил творческую парадигму для нарождающейся новой индейской прозы, воспринятую, осознанно и неосознанно, многими последователями его автора. Другими словами, о себе громко и внятно заявил невиданный дотоле мир, сопоставимый разве только с такими параллельными тенденциями и феноменами современности, как магические миры Гарсиа Маркеса и Чингиза Айтматова (позднее близко познакомившегося с Момадэем).

В связи с романом в критике встал вопрос о литературных пристрастиях и влияниях на Момадэя. Их действительно довольно много, и самых разных: это Уильям Фолкнер, Айсек Диннесен, Шекспир, Герберт Мелвилл и традиционные индейские сказители. Но все они лишь помогли ему «осознать некоторые вещи лучше, чем я сам их понимал», говоря словами самого писателя, которому во всем удавалось остаться неповторимым.

Однако истории племени, осмысленной через личную судьбу, оказалось недостаточно, и она была дополнена историей самостановления художника в аборигенной семье, прослеженной через несколько поколений. Книга «Имена» (1974) стала художественной автобиографией писателя и одновременно – индейской версией «Портрета художника в юности». В то же время она продолжила поиск аборигенных корней, истоков и смысла «имен», соединяющих поколения, культуры и традиции. Ибо, говоря словами автора, «представление о чьих-либо предках или потомках есть представление о самом себе». Момадэй вновь предложил читателям издание нетрадиционного типа. Книга «Имена», вобрав в себя множество

фотографий, авторских рисунков, шрифтовой игры, обозначившей различие планов повествования, воспоминаний и прозрений, стала поиском откровения – о себе, об упоении творчеством, о таинстве бытия. Характерно, что писатель начинает книгу одновременно с мифа о происхождении племени кайова и с происхождения собственного имени: появление этноса предшествует и обуславливает рождение автора, а на эстетическом и смысловом уровне оба события уравниваются.

Конечно, важна и биографическая канва, где многое раскрывается в авторской рефлексии. Будущий писатель родился в 1934 году в городке Лоутон штата Оклахома, неподалеку от Горы Дождя и резервации кайова. Ред-ривер, Уошито, Седловинная гора, форт Силл и другие названия, прочно вошедшие в историю страны, стали неотделимы и от его сознания. Отец – Эл Момадэй из племени кайова – был известным художником с собственной студией и «индейским торговцем». В жилах матери, Натачи, текла смешанная кровь поколений белых людей и индейцев чероки. Она была автором детских книг и преподавателем в индейской школе. Текст «Имен» проясняет двуаспектность аборигенного наследия Момадэя: синтез американского Юго-Запада, оседлых обитателей многочисленных деревень пуэбло (особенно Химес, где он прожил немало лет) и навахо, а также степняков–кочевников, кайова. «Я ступаю по земле Юго-Запада, – говорит писатель, – а след мой – на равнинах».

Книга, в числе прочего, рассказавшая историю обретения индейского имени писателя (поездка к Каменному Древу и наречение именем Тсоай-тали), стала метафорой обретения собственного места в искусстве, гимном Бытию и размышлением о преемственности поколений. «Всем, чьи имена я ношу, и тем, кто носит мое», – гласит ее посвящение. В этой книге, как и прежде, под одной обложкой сплетается много историй, и оттого знакомство с ней, обрамленной старыми фото из семейного альбома, становится удивительным опытом. Подобно описанным ранее героям (здесь он сам выступает в этой роли), автор воспринимает мир с таким «дивованием и упоением», что острота и самоотверженность его чувства легко передаются читателю.

Это обостренное переживание красоты и глубинной сути великого таинства бытия, требующее адекватного воплощения в не менее прекрасном и удивительном

таинстве речи, художественного слова, неизбежно привело писателя на стезю поэта. В этом качестве Момадэй начал свой путь сборником «Косяк гусей и другие стихотворения» (1974), пусть небольшим; но включившим несколько по-настоящему ярких вещей. А через два года в свет выходит гораздо более объемная книга его стихов: «Танцор с погремушкой». Смысл ее названия нуждается в пояснении. Речь идет о союзе тыквенной погремушки [В традиционных культурах шаманского типа бубен и погремушка или трещетка играют роль основных культовых предметов, позволяющих создавать необходимые ритмы для вхождения в измененные состояния сознания. – *Прим. ред*], обрядовом мужском союзе кайова. Момадэй вступил в это братство по примеру своего деда Маммедэйти (ему посвящен цикл из четырех стихотворений сборника). С тех пор он стал регулярно участвовать в собраниях этого союза с их ритуальными танцами и песнопениями.

Поэзия Момадэя обнаруживает не меньшую гамму влияний, чем его проза. Сам он не без оснований называет Э.Диккинсон, Р.Фроста и Ф.Такермана, стихам которого посвятил ранее диссертационное исследование. С благодарностью вспоминает поэт своего учителя Айвора Уинтерса, критика и поэта, экспериментировавшего с аборигенными образами и ритмами. Но не меньшее влияние оказали на поэта и собственно индейские устнопоэтические традиции – степная и юго-западная – во множестве их аспектов и форм, особенно же – так называемая «вещая песня» (или «песня вещего сна»).

Рисунок стиха Момадэя может быть весьма разнообразным, а стиль – и книжно-философским, и изобразительно-лиричным, или же полным традиционно-народными интонациями. Образы, навеянные аборигенной магией, в сочетании с особой мелодикой и ритмом поэтической речи, завораживают читателя, вовлекая его в некое сакральное действо в мире одухотворенного слова. Чаще всего это медитативная поэзия, с настроем от экстатически-гимнового до исполненного трагизма и меланхолии, словно под впечатлением приобщения к бесконечной драме вселенского бытия.

Постепенно одна из любимых поэтических форм Момадэя – стихотворение в прозе – обособилась в его творчестве в качестве самостоятельного направления. Таков, в частности, цикл «Цвета ночи». По существу, это – видения, исполненные

магической силы. Здесь проявилось новое качество художника слова – умение облекать фактическую реальность собственным душевным воображением, благодаря чему «видения» Момадэя образуют особую страну, попадая в которую читатель преображается всем своим существом.

Такие стихотворные циклы, как «Мы с землей подарили тебе бирюзу», «Песнь восторга Тсоай-тали», «Формы земли в Абикву», «Вид прерий № 2», стали весьма популярными, войдя в многочисленные поэтические антологии аборигенной и американской поэзии [На русском языке см.: «Я связан добром с землей». Из современной литературы индейцев США. – М., 1983. – Составитель А.В. Ващенко. Стихи Момадэя в переводе А. Сергеева. – *Прим. ред*].

Самостоятельной и неизменно впечатляющей стороной поэтического дара Момадэя является то, с какой удивительной выразительностью он умеет читать собственные стихи, обретающие живую объемность в модуляциях его глубокого и напевного голоса. Несомненно, это одна из причин той популярности, которой неизменно пользуются выступления Момадэя в университетских и других публичных аудиториях.

Период с середины 70-х до конца 80-х годов в развитии Момадэя-художника стал временем подспудного собирания сил и расширения творческого поприща. В области малой прозы это создание ряда эссе, документальных сценариев. Фильм Момадэя об историко-культурных судьбах индейцев произвел глубокое впечатление на американцев и по настоящее время остается наиболее популярным в этой области. В эти годы писатель преподает в университетах США и Европы, а в 1974 году он читает курс лекций в МГУ. С конца 70-х Момадэй заявляет о себе как художник–график, продолживший путь отца. Все это время неспешно, но интенсивно созревает новый большой роман, которому суждено еще долго «не даваться» конечному выражению.

В 80-е годы Момадэй становится живой легендой. О его жизни и творчестве пишут биографии и исследования, защищают диссертации. Его произведения обильно цитируются. Чарльз Вудард выпускает в свет характерную и своевременную книгу «Голос предков. Беседы с Н. Скоттом Момадэем» (1989).

И вот, наконец, публикуется роман «Древнее дитя» (1989). Те, кто ждал от писателя нового «Дома, из рассвета сотворенного», определенно ошиблись. Критика вновь, как и двадцать лет назад, пребывает в недоумении, несмотря на помещенные на обложке отзывы крупнейших писателей Юго-Запада – Тони Хиллермана, Уоллеса Стегнера и других. Читатель и вправду оказывается перед дилеммой: либо перед ним явная неудача, либо он не в состоянии постичь скрытого «кода» предлагаемого повествования. Это и в самом деле непросто: произведение строится на борьбе противоречивых тенденций, сообщающих ему и силу, и слабость одновременно.

Есть что-то, грозящее разорвать сюжет изнутри, уничтожить цельность художественной Вселенной, имя которой – автор; и оттого-то столь явственно ощущается внутренняя напряженность повествования. «Древнее дитя» – это рассказ о самом себе, о годах внутреннего кризиса и его преодолении в мужественном и мощном единоборстве с самим собой, с разрушительными тенденциями, размывающими традиционную культуру извне и изнутри.

В книге два героя: художник-метис Сет (на языке кайова – Медведь), и его индейская подруга Грей. Оба ищут друг друга и самих себя, и в частности – гармонии с собственным прошлым, которое внезапно и властно прорывается изнутри собственного естества каждого из них, устанавливая связь личности с уходящей культурой. Сета этот путь ведет через безумие к выявлению и высвобождению в самом себе духа

Медведя, а Грей – к обретению призвания целительницы и подруги Сета.

И вместе с тем, в романе спорят две параллельные силы, две стихии – аборигенная и «фронтирная» [Фронтир (англ., граница) – термин для обозначения американского пограничья между белым и индейским мирами в эпоху колонизации страны. – Прим. ред] , воплощенная в Билли Малыше, фигуре Старого Запада Америки, особо симпатичной писателю. Ранее Момадэй посвятил Билли обширный цикл стихов «Странная, но подлинная история моей жизни с Билли Малышом».

Сюжет романа словно носится по бурным волнам без руля и ветрил, но подлинное средоточие этого произведения совсем в другом: вся армада стиливых и композиционных средств брошена автором на консолидацию распадающейся Вселенной, и в этом ему помогает соединение изобразительных и выразительных

средств. Роман косвенно раскрывает происходившее с автором в годы между его дебютом и новым этапом творчества, помогает понять, что годы поиска и «молчания» выводили к новой степени гармонизации.

Роман выдержан в поэтике живописного полотна. Об этом красноречиво говорит его четырехчастная композиция: «Планы», «Линии», «Очертания»; «Тени». Таким образом, по мере прочтения перед читателем проявляется как бы художественное полотно. Действительно, стены особняка в Тусоне, где жил писатель, свидетельствуют об интенсивном углублении в графику и изобразительность: именно тогда, когда Момадэй «задержался» с романом, он сложился как крупнейший график, лауреат многих премий, удостоенный ряда персональных выставок. Развивая наследие отца, он изучал народную живописную традицию (в основном, на воинских щитах), а также живопись европейских мастеров (из них он особо выделяет влияние Эмиля Нольде, Фрэнсиса Бэкона и Пабло Пикассо).

Итак, «Древнее дитя» – свидетельство личной битвы за сохранение гармонии бытия, за творческую взаимосвязь с индейским наследием. В этой книге вновь проявляются и Момадэй-поэт, и Момадэй-сказитель. Роман как бы смонтирован из множества фрагментов (именно в малой форме Момадэй всегда был особенно силен). Каждый озаглавлен ключевой фразой своего содержания, выделяя ведущий мотив, например: «Последующий миг вечно не наступит», «Она прекрасна во всей цельности бытия», «В отсутствии имени, быть может, и заключается суть всей истории» и т.д. В результате читателю передается ощущение всемирного конфликта хаоса с космосом и в муках обретаемая связь времен, самостоятельной личности и памяти поколений.

В творческом почерке Момадэя постепенно сформировалась одна характерная особенность. Поверхностному наблюдателю она может показаться просто повторением. Но углубленному взгляду здесь предстает ряд мотивов, проявляющихся в новых и новых вариациях от произведения к произведению. В общей ткани повествования они напоминают мотивы единой симфонии. Это темы Имени, Маски, Медведя и пр. Поэтому «Древнее дитя» можно представить и как роман-симфонию, выдержанную и в музыкальной гамме (тема Билли Малыша), и в живописной (тема

Сета). Тема Медведя, подспудно управляет всем развитием сюжета и несет кульминационный смысл. Это одна из доминирующих линий и в графике Момадэя.

По воле providения, случилось так, что в творческую судьбу Момадэя органично вошла и тема России. Сначала – через знакомство с Советским Союзом, куда он был приглашен в числе первых иностранных профессоров для чтения лекций в Московском университете. Он провел в России полгода – достаточно долгий срок. И хотя многое было закрыто для иностранного преподавателя, никто не навязывал ему своего общества, не мешал бродить по улицам Москвы, и он спокойно мог наблюдать жизнь города, поглощая горячие пирожки среди зимней стужи. В России Момадэй много фотографировал, и в этом амплуа проявив глаз подлинного художника. Он завел немало знакомых и друзей, побывал в республиках Средней Азии. Студенты, слушавшие его лекции в ту пору, помнят, что каждую он начинал новым, только что рожденным стихотворением. Так появились «Вид прерий №1», «Абстракция: старая женщина в комнате», «Станция Краснопресненская» и, наконец, «Везде есть улица в ночь».

Русская тема – особое измерение в творчестве Момадэя; далеко не сразу, но она заняла по-настоящему сквозное место в его творчестве. Сначала – всего два упоминания в «Именах» – о самаркандских базарах, да о сопоставимости территориальных размеров СССР и США; позднее – более подробные пассажи в «Беседах с Момадэем»: «Ч. Вудард: “Вы сказали, будто пребывание в России благотворно сказалось на Вашем сочинительстве и на графике. Отчего, как Вы думаете?” Момадэй: “Мне кажется, сыграла роль изоляция... Ощущение, что я нахожусь так далеко от родной земли. В России во мне изнутри разрасталось чувство одиночества, какого я не знал прежде – в других местах и периодах. А обернулось оно творчеством. Я стал писать. И начал рисовать, как никогда прежде. Что-то произошло: я просто не мог остановиться. А потом все переросло в нечто большее. Россия стала для меня стимулом. Но в точности сказать трудно, как именно все сложилось”».

С течением времени многое прояснилось – в том числе, потому что «Россия стала стимулом» и навсегда осталась приятным воспоминанием, в которое писатель-художник не раз с охотой возвращался. И вот, спустя годы, в последней книге –

окончательное признание: «Нечто, скрытое в той поре и местопребывании вызвало во мне волну – своего рода творческий взрыв. Я без конца писал стихи, частью о природе родного Юго-Запада, вызванные, мне кажется, острой тоской по дому. И еще – я начал делать наброски. Рисование вдруг стало для меня очень важным делом. Я пропадал в музеях и галереях, углублялся в такое количество русских альбомов, какое только мог найти. Вернувшись из Советского Союза, я вывез оттуда новый способ видения мира и жажду запечатлеть его. Я переходил от угля к краскам, от черно-белого к цветному изображению, от бумаги к холсту и обратно».

И вот, уже к концу 70-х, возникла первая серия графических изображений степных воинских щитов, вместе с текстом прямо в пределах изобразительного пространства: «Щит левой руки», «Щит бизоньего хвоста», «Щит охоты на антилоп» и другие – всего шесть. Так родился новый жанр, вобравший изобразительность и музыку художественного слова, преображенный индейский традиционализм и европейскую школу. А во время визита 1993 года на выставку щитов в Доме Художника в Москве Момадэй категорично заявил: «Как график, я начался в России».

Так пришел Момадэй к двойному юбилею – тридцатилетию собственного творчества и 500-летию открытия Америки Колумбом. Небольшая книга подарочного исполнения – «В присутствии Солнца: собрание щитов» (1991) – была вскоре переиздана в расширенном варианте, с добавлением подборки стихотворений, накопившихся за тридцать лет (1961-91). Таков был вклад художника в спор о том, удалось ли аборигенной культуре пережить пять столетий этноцида и аккультурации.

Каждый из сколь-нибудь значительных индейских литераторов – Джеральд Визенор, Луиза Эрдрик, Лесли Силко, Джек Форбс и другие (если говорить только о прозе) – подготовил к этой дате по книге и постарался вовремя опубликовать ее. Путь Момадэя был иным: не публицистика, не сатира или бытовая эпопея – нужно было таинство прозрения в поэзии и прозе, священное откровение в традиции народных шаманов. Шестнадцать коротких «видений», стихотворений в прозе или легенд составили содержание «Собрания щитов». Каждому соответствовало и графическое изображение, неотделимое от поэтического текста. Здесь трудно отделить авторский вымысел от традиционного предания, подлинного происшествия, сохранившегося в

памяти народа – да и не нужно: в синтезе как раз и заключено обаяние Момадэя – сказителя.

Знакомясь с «Собранием щитов», в сопоставлении с ранними поисками Момадэя, можно явственно видеть, что образ магического воинского щита, с его богатыми эстетическими возможностями, не покидал автора многие годы. Смысл щита как культурной реалии и произведения искусства Момадэй прекрасно раскрывает во вступлении к книге. В нашем издании читатель найдет дополнительный материал по магическому значению воинского щита у степных племен (см. Приложение).

Важно осознавать, что в связи со щитом писатель-художник преображает уже имевшуюся отлаженную традицию богатого духовного содержания. В литературной части Момадэй развивает сакральные сюжеты о вещих откровениях, а в графике – традицию мистической живописи равнинных индейцев. В концепции современных индейских графиков и писателей семантика воинского щита сильно возросла. Он стал средоточием множества традиционных и современных идей; среди них – духовный портрет личности, которая должна составить себе щит, согласно содержанию своего пути, и тем найти собственное место в Круге Жизни (так осмысляет щит другой яркий аборигенный писатель, Хаймийостс Сторм). И наконец, само художественное произведение – будь то графическое изображение, новелла, роман или стихотворение – становится завершенным «щитом», заключая в себе живую силу, превращается в средство выживания культуры.

«Щитовым» композициям Момадэя свойственно и поэтическое, и медитативное, а подчас и притчевое начало. Нам открываются, собственно, человеческие судьбы, вместе с драматическими уроками или мучительными вопросами, на которые ум тщетно ищет ответа, склоняясь перед таинством бытия.

Все эти годы Момадэй активно погружается в эссеистику. Один за другим появляются очерки на темы индейской культуры, отклики на памятные встречи и посещения святынь (среди них – мистические «колеса» доисторических обитателей американских прерий и Троице-Сергиева Лавра), размышления над проблемами эстетического плана и устного народного наследия. В конце концов, они составили отдельную книгу: «Человек, сотворенный из слов» (1997).

Это заглавное и едва ли не самое пространное эссе, вошедшее и в настоящий сборник, имеет программное значение. Поясняя и развивая материал «Пути к Горе Дождей», оно раскрывает круг вопросов и художественных задач, решаемых писателем в своем творчестве. Здесь встает проблема выживания традиционных культур и различия систем ценностей, раскрывается логика и категории эстетики автора. Этот очерк, имеющий черты манифеста, стал, пожалуй, самым известным, а метафора, поставленная в названии, нередко применяется к самому Момадэю.

Несмотря на то, что писателю уже перевалило за шестьдесят, его творчество продолжает удивлять своей активностью и многообразием, новыми горизонтами и планами. Так, буквально «вчера» сбылась мечта Момадэя об успехе в драматургии. Первая пьеса, «Дерзкие парни» (основанная на историческом случае побега из интерната группы индейских школьников), имела довольно скромный резонанс; зато вторая, «Дети Солнца», построенная на материале мифологии кайова, прошла с большим успехом в театрах Вашингтона.

Богатство и разнообразие пути, пройденного Момадэем, позволяет по-новому взглянуть и на исток его творчества – «Путь к Горе Дождей» – и на место повести в современном литературном мире.

Когда книга вышла в свет, общество затруднилось найти ей определенное место на библиотечных полках и в собственном сознании. И это не удивительно, ведь состоялось рождение нового жанра, совместившего черты многих традиций, в том числе и еще неосвоенных массовым читателем. Повесть выполнила роль культурного манифеста литературы коренных американцев и утвердила «законность» своеобразие индейского мировосприятия. В поиске синтеза общинного и личного Момадэй совершил странствие– паломничество, повторив путь миграции родного племени. А затем, продолжив традицию народной историографии, писатель стал хронистом и интерпретатором народной судьбы, обогатив ее индивидуальным истолкованием, дополнив собственным образом мира. Разгадка сути родной культуры – да и всякой культуры – вот главная цель повести.

Три плана, в которых выдержано повествование, имитируют синкретизм пиктограмм, которыми записывались племенные хроники. Мифологический план позволяет развернуть представление народа о самом себе; этноисторический

комментарий – фактологическую канву движения этноса во времени и пространстве; личностный (стихотворения в прозе) – утвердить в цепи поколений собственную преемственность с предками во имя потомков.

Значение составленной Момадэем художественной «летописи» сегодня оборачивается насущной проблемой для традиционных культур. Недостаточность и односторонность, если не сказать, чужеродность принципов научной историографии, накопленной доминирующей культурой, ставит аборигенных историков на перепутье. Народное будущее можно строить только на народном прошлом – но каково это прошлое? И в этом еще одно значение «Пути к Горе Дождей»: повесть предлагает альтернативу общепринятому историческому подходу, вызывает к общественной дискуссии. Автор ставит перед читателем проблему исторической модели, существенно отличной по своим приоритетам от официально-американской и даже от западно-европейской.

Здесь отправной точкой послужили пиктографические летописи кайова, где канва событий разворачивается по весьма специфической логике. Пытаясь следовать ее принципам, Момадэй открывает непреходящую ценность своей культуры – «благородного и опасного сообщества воинов и конокрадов, охотников и солнцепоклонников». Повесть прочно вошла в учебные планы школ и университетов; методике ее преподавания посвящена отдельная монография.

Уже здесь писатель почувствовал необходимость дополнить выразительный план изобразительным. «Путь к Горе Дождей» стала первой из «книг о культуре» (посвященных одному племени) и одновременно – лирической автобиографией. В советской литературе она в чем-то сопоставима с «Моим Дагестаном» Расула Гамзатова и «Белым пароходом» Чингиза Айтматова.

Что касается автобиографичности, то Момадэю удалось сделать странствие племени собственным поиском, дополнив его мистической интуицией. Двойное видение – своей культуры и себя как производного от нее – стало чертой аборигенной автобиографии. Это же роднит «Путь к Горе Дождей» с родственными традициями и явлениями в других национальных культурах ~ в частности, с автобиографическими произведениями представителей коренных народов Сибири.

Произведение родилось у самого истока творческого пути писателя, искавшего убедительных средств, чтобы заявить о себе. А сделать это с наибольшей яркостью можно было, лишь провозгласив уникальность собственной культуры, которая под пером Момадэя как бы превращается в автобиографию племени. Воссоздавая языковыми и изобразительными средствами личностные прозрения в «моменты дивования и упоения», писатель сопрягает миф с событиями собственного детства, историко-этнографические заметки – с равноправной (а может быть, и более глубокой?) правдой народной памяти. За точку отсчета им принимается не рождение отдельной личности, а появление на свет целого народа как носителя особой своеобразной культуры. Одно из различий традиционной хроники и писательского текста – в отборе, пространности и оценке комментария. Войны, скитания, увлекательные приключения народа, обретающего свои святыни, свое имя и лицо и, наконец, крушение традиционного мира в конфликте с англо–американцами – впервые под пером писателя все это получает ценностное и, как справедливо считает он сам – наиболее полное бытие – жизнь в слове. Хотя о предках Момадэй говорит в тоне элегии, читателю «Пути к Горе Дождей» легко понять: ничто не утрачено навсегда там, где оно воссоздаваемо памятью.

Сравнивая повесть Момадэя с аборигенными автобиографиями Сибири, можно увидеть, что они ломают многовековую традицию молчания, сложившуюся вокруг целых народов. Сама традиция раскрывает жизнь аборигена как личности героической, полной самоотверженности. А этнос становится под стать мифологическому герою, творящему подвиги, остающиеся жить на века. Автобиографические произведения Д.Кимонко, Г.Кэптукэ и других представителей коренных народов Сибири заключают в себе мощный заряд нравственного самоопределения, важный для самосознания культуры. Возникающее при этом единство требует нового имени, новых рядов сопоставления, новых категорий анализа. Воистину, чтобы выжить в качестве представителя своей культуры, писатель должен взять на себя функции шамана-целителя, соединителя миров и ступить на путь добровольной жертвенности. Подобная роль естественно вытекает из магической функции устного слова, изначально присущего аборигенной традиции.

Подходя к творчеству Момадэя в целом, можно ясно видеть своеобразие и масштабность его эстетики и художественного новаторства. Подобно крупнейшим художникам слова, с каждой новой книгой он предлагает читателю и новый тип повествования. И этим писатель, несомненно, обязан тому, что его художественная система явилась органичным продолжением народной традиции – «духа, остающегося жить».

Примером этой живой связи стали: летописание по модели традиционных календарных хроник в «Пути к Горе Дождей»; беллетристическое повествование на обрядовой основе в «Доме, из рассвета сотворенном»; обретение имени в магическом акте оживления посредством активной деятельности, сопряженной с опасностью и упоением творчества, в автобиографической повести «Имена»; разработка малых форм опозитизированной прозы через переживание и осмысление феномена сакрального щита («В присутствии Солнца»); и, наконец, эксперименты с формой изобразительно-декоративного типа и создание лирико-философского романа в щитах-медальонах «Древнего дитя».

Основные категории эстетики Момадэя – «дивование» и «упоение» – проявляются во взаимодействии творческой личности с миром, приходя путем мистического откровения. Здесь способно помочь слово в его сакральном качестве – магическом соединении звука и смысла – что является основной чертой творчества аборигенного писателя, тогда как традиция вещего сна заявляет о себе и в живописи, и в прозе, и в поэзии, и в эссе. И, наконец, влияние народного мифа, проходящее через все творчество писателя. Эти многочисленные дары Великой Тайны [Дакотический термин для обозначения не имеющего ни конечного образа, ни конкретного имени высшего Божества, мыслимого как источник и совокупность всех священных сил Вселенной. – *Прим. ред.*], раскрывающиеся подобно лепесткам цветка, вняты чуткому уму. И самый важный среди них – способность видеть и выражать в «тонких этимологиях» и трепетных образах, «взгляд за пределы времени и пространства» – с вязь всего со всем, и одновременно – собственную причастность к тайне бытия, посредством «духа, остающегося жить».

А. В. Ващенко

ПУТЬ К ГОРЕ ДОЖДЕЙ

Иллюстрации Эла Момадэя

Истоки

Равнинный полдень между скал.

Едва низину различить:

Бревна пустого здесь оскал —

Мох, насекомое — пустяк.

Но воды быются в глубине,

Восходят к устью. Что же в них?

Что движет древний этот вал,

Бурлит могуче у начал.

Пролог

Странствие это началось однажды давным-давно на северных окраинах Великих Равнин. Длилось оно многие поколения и растянулось на долгие сотни миль. А в конце его было много о чем вспомнить, призадуматься и поговорить.

«Знаете, все имело начало...» Для кайова началом стала борьба за жизнь в бесплодных горах севера. Говорят, именно там вышли они в этот мир через полый древесный ствол. Конец странствия тоже был борьбой — и борьба эта была проиграна. Юная степная культура кайова высохла и умерла, как трава, сожженная ветром прерий. Настал день, подобный року: на все стороны, сколь хватало глаз, земля усеялась тушами бизонов. Бизон был живым воплощением Солнца, первой Жертвой на Солнечной Пляске. С истреблением диких стад была сломлена и воля народа кайова — не осталось ничего, что поддерживало бы их дух. Но все это — праздные воспоминания, Жестокие привычные корчи истории человечества. А промежуток стал порой великих приключений, полноты Жизни и духа.

Талисман Тай-ме явился кайова в вещем сне, порожденном страданием и отчаянием. «Возьмите меня с собой, — сказал Тай-ме, — и я дам вам все, что пожелаете». Так оно и случилось. Великим приключением стал для кайова путь в глубь континента. Они начали долгое переселение от истоков реки Йеллоустон на восток, к Черным Холмам, и на юг, к горам Вичито. По дороге они обрели лошадей, веру индейцев равнин, любовь и страсть к открытым пространствам.

Кочевой дух их вырвался на волю. В союзе с команчами они царили на юге Великих Равнин в течение ста лет. В ходе этой долгой миграции они возмужали как народ. Они обрели высокое понятие о себе. Они дерзнули воображать и определять свою судьбу.

Таким образом, в определенном смысле путь к Горе Дождей является, по сути, историей идеи, представления человека о самом себе, идеи, имеющей давнее и непосредственное бытие в народной словесности. Устная традиция, посредством которой она сохранилась, пострадала со временем. То, что осталось – отрывочно: мифы, легенды, фольклор да молва – и, конечно, сама идея, столь же важная и цельная, как прежде. В том-то и чудо.

Странствие, припоминаемое здесь, продолжает обновляться – каждый раз, как приходит на ум чудо, ибо таковы особое право и обязанность воображения. Это цельное странствие, тонкое по мысли и движению, и производится оно всей памятью сразу, тем опытом духа, который столь же легендарен, сколь и историчен, и принадлежит столь же личности, как и всей культуре. Странствие порождает, прежде всего, три реалии: пейзаж, ни с чем не сравнимый; время, ушедшее навсегда, и дух человеческий, остающийся жить. Опыт воображения запечатлевает предания человеческого бытия так же верно, как и опыт истории. Наконец, помимо прочего, припоминаемое странствие это способно стать откровением о том, как такие предания рождаются, развиваются и сходятся в сознании человеческом. На пути к Горе Дождей – множество вех, множество странствий, слитых воедино.

С самого начала странствие кайова было выражением человеческой идеи; и выражение это выглядит вернее всего в виде дивования и восторга: «Там было множество людей, и ах, как же все было прекрасно! То было начало Солнечной Пляски. Знаете, ведь все это было в честь Тай-ме и случилось давным-давно».

Вступление

Среди равнин Оклахомы, к северо-западу от хребта Вичито, высится одинокий холм. Для моего народа, кайова, это древняя вежа, коей они дали имя Горы Дождей. Климат этого края – суровейший в мире. Зима приносит метели, знойные смерчевые вихри встают весной, летом же прерия превращается в раскаленную наковальню. Трава буреет, делается ломкой и хрустит под ногой. Вдоль ручьев и рек зеленеют поясками рощицы ореха-хикори и пекана, ив и ведьминых орешков. В июле-августе издали кажется, будто листва парит и корчится от зноя. Крупные зелено– желтые кузнечики выпрыгивают повсюду из высокой травы, взлетая, словно кукурузные зерна, и ударяются о кожу, да черепахи ползают по красной земле, неторопливо бродя тут и там. Одиночество присуще этой земле. Все, что ни есть на равнине стоит обособленно, глаз не смешивает вещей – это всегда один холм, одно дерево, один человек. Взглянуть на этот пейзаж ранним утром, когда солнце стоит за спиной, – значит, потерять чувство пропорций. Воображение оживает: вот, думается, края, где началось Сотворение мира.

Я возвратился к Горе Дождей в июле. Весной умерла моя бабушка, и я хотел побывать на ее могиле. Она прожила долгую жизнь и к концу сделалась совсем дряхлой. Единственная дочь была при ней, когда та умирала, и мне говорили, будто в смерти лицо ее стало детским.

Мне нравится думать о ней как о ребенке. Когда она родилась, кайова переживали последний величайший миг своей истории. Более столетия они были хозяевами просторов между Смоук-Хилл и Ред-Ривер, от истоков Кэнедиэн-Ривер до развилки Арканзаса и Симаррона. В союзе с команчами они царили по всему югу Великих Равнин. Война была их священным делом, и принадлежали они к числу лучших наездников, каких только знал мир. Но война для кайова была в основном делом выбора, а не выживания, и они так и не смогли постичь мрачного смысла неумолимого наступления американской кавалерии. Когда, наконец, рассеянные и голодные кайова были изгнаны на Меченые Равнины, в холод осенних ливней, – они впали в отчаяние. В каньоне Пало-Дуро они бросили свои пожитки на разграбление и не располагали больше ничем, кроме собственной жизни. Чтобы спастись, они

сдались армии в Форте Силл и пошли в неволю – в старый каменный загон, что и ныне стоит, превращенный в музей. Бабка моя была избавлена от унижения этих серых стен, опоздав родиться лет на восемь-десять, но с рождения помнила горечь поражения и мрачный вид старых воинов.

Ее звали Ахо, и была она частью последней культуры, родившейся в Северной Америке. Предки ее пришли с возвышенности западной Монтаны почти триста лет тому назад. Они были горным народом, таинственным охотничьим племенем, чей язык никогда не был с уверенностью причислен к какой-либо группе. В конце XVII столетия они начали долгое странствие на юго-восток. По пути кайова подружились с кроу, передавшими им степную культуру и веру. Они обрели лошадей, и их древний бродяжий дух внезапно оторвался от земли. Они обрели Тай-ме, могучий фетиш священной Солнечной Пляски, с той поры – предмет своего поклонения, и таким образом приобщились к божественности солнца. Не последним было и обретение чувства судьбы, а отсюда – отваги и гордости. Вступив на юг Великих Равнин, они переродились. Отныне не были они рабами нужды да простого выживания – это было благородное и опасное сообщество воинов и конокрадов, охотников и солнцепоклонников. По мифу о Первотворении, кайова вступили в мир через полый древесный ствол. В известном смысле – странствие их стало следствием этого древнего прозрения, ибо они и в самом деле вышли из небытия.

Хотя бабка моя прожила свою долгую Жизнь в тени Горы Дождей, необозримый пейзаж глубин континента хранился в ее кровной памяти. Она рассказывала о кроу, с которыми никогда не встречалась, и о Черных Холмах, где никогда не бывала. Я хотел воочию повидать то, что в более совершенном виде являлось ее мысленному взору, и проделал путь в полторы тысячи миль, пустившись в свое паломничество.

Йеллоустон, казалось мне, был вершиной мира, краем глубоких озер и тенистых лесов, каньонов да водопадов. Но как он ни был прекрасен, там возникало чувство замкнутости пространства. Горизонт отовсюду подступает вплотную высокой стеной лесов и глубоких тенистых впадин. Приволье гор – совершенно, но оно – удел орла и оленя, барсука и медведя. Кайова же мерили собственный рост открытым пространством, а глушь сгибала их и слепила.

Спускаясь к востоку, высокогорные луга сходят на равнины. В июле на внутренних склонах Скалистых Гор обильны лён и гречиха, очиток да спорыш. Земля раздается, и горизонт отступает. Кучки деревьев и стада животных вдали дарят взору простор, а уму – откровение чуда.

Дневной порой путь солнца дольше, небо же превосходит всякие мыслимые пределы. Огромные взмывшие облака плывут по небу, отбрасывая тени; те ползут по равнине, словно вода, разливая поля света. А дальше, в землях кроу и черноногих, равнина желтеет. Сладкий клевер наводняет холмы, полностью укрывая и скрадывая почву. Здесь кайова задержались в своем странствии: они подошли к пределу, где Жизнь их должна была претерпеть изменения. Равнина была подлинной обителью солнца. Именно здесь обрело оно облик божества. Когда кайова подошли к землям кроу – за рекой Бигхорн им открылись темные на восходе горные склоны с сияющими отрогами и мощь божества в пору солнцестояния. Они не сразу двинутся к югу, к котловине земной, простертой внизу, – они должны будут напитать свою кровь землями севера и задержаться взглядом на горах подольше. Они несли Тай-ме в пути на восток.

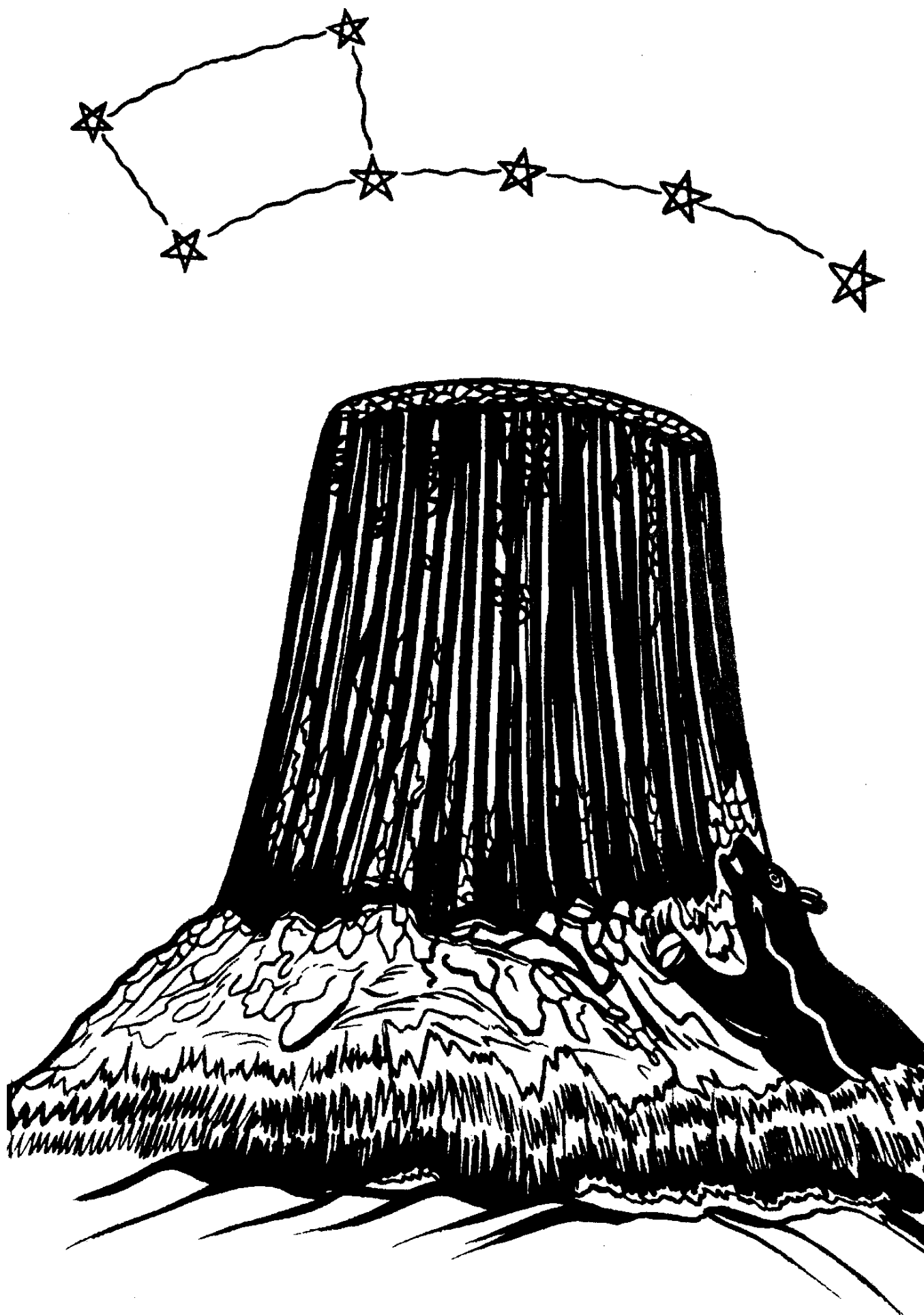
Густая мгла лежит в Черных Холмах, а земля там – будто Железо. С вершины хребта я различал Башню Дьявола, вставшую на фоне серого неба, словно в пору рождения времен утроба прорвалась сквозь покровы и началось движение бытия. Есть в природе вещи, порождающие устрашающую тишь в человеческом сердце; к ним относится и Башня Дьявола. Два столетия назад – и они не могли поступить иначе – кайова сложили легенду у основания этой скалы. Бабка рассказывала мне:

Играли восемь детей – семь сестер и брат. Внезапно мальчик утратил дар речи. Задрожав, он опустился на четвереньки. Пальцы его обратились в когти, а тело покрылось мехом. На месте мальчика встал медведь. Ужаснувшись, сестры помчались прочь, а медведь – за ними. Добежали они до огромного пня, и тут пень заговорил: он предложил им забраться на него, а когда они послушались, стал расти ввысь. Добрался медведь до пня, да не смог достать сестер. Уперся он в дерево и ободрал со всех сторон кору когтями. А семеро сестер поднялись на самое небо и стали звездами Большого Ковша.

С того часа и до сих пор, покуда живет легенда, у кайова есть родичи в ночном небе. Тем, кем были в горах, они уже быть не могли. Как ни превратно было их благополучие, сколько б они ни страдали и ни пострадают еще, – они нашли выход из диких пределов.

Бабка моя почитала солнце, храня в душе то святое благоговение, какое ныне почти исчезла в людях. Жили в ней осторожность и древний ужас. На склоне лет приняла она христианство, но прошла долгий путь и никогда не забывала веры своего детства. Ребенком видела она Пляску Солнца, принимала участие в этих ежегодных обрядах и через них постигала возрождение духа своего народа в присутствии Солнца. Ей было лет семь, когда в 1887 году состоялась последняя Пляска Солнца кайова на реке Уошито, выше ручья у Горы Дождей. Бизонов больше не было. Чтобы совершить древнюю Жертву – вздеть голову быка на священное древо – делегация старейшин отправилась в Техас просить и торговаться за животное из стада Гуднайта. Ей было десять, когда кайова сошлись вместе, как представители живой культуры Солнечной Пляски, в последний раз. Бизонов они не нашли. Им пришлось повесить на священное древо старую шкуру. Прежде чем началась пляска, из Форта Силл явилась рота солдат с приказом разойтись. Из-за беспричинного запрета на важнейший акт веры, став свидетелями истребления диких стад, брошенных гнить на равнинах, кайова навсегда отступились от священного древа. То было 20 июля 1890 года у большой излучины Уошито. Бабка моя была при этом. Без горечи до конца своих дней носила она в своей душе видение богоубийства.

Теперь, храня ее образ лишь в памяти, я вижу свою бабуку в нескольких присущих ей видах. Вот она стоит у печки зимним утром, переворачивая мясо на большой железной сковороде. Вот сидит у южного окна, согнувшись над бисерным шитьем, а впоследствии, когда зрение изменило ей, – подолгу, опустив глаза и положив голову на сложенные руки. Вот она выходит, опираясь на трость, медленно, под гнетом прожитых лет. Вот стоит на молитве. Чаще всего я вспоминаю ее на молитве. Она возносила долгие, неспешные молитвы, рожденные страданием и надеждой, опытом многих дней. Все время я мучился – имею ли право слышать их, столь далеко отстояли они от всякого общения и обычая.

В последний раз, что я видел ее, она молилась, стоя ночью у постели, обнаженная до пояса, и свет керосиновой лампы скользил по смуглой коже. Ее длинные черные волосы, всегда подобранные и заплетенные днем, лежали на плечах и груди, будто шаль. Я не говорю на языке кайова и потому никогда не понимал слов, но в звучании молитв было что-то изначально трагичное, некое неустойчивое равновесие на грани горя. Начинала она на высокой ноте и шла по нисходящей, пропадая в молчании; потом снова и снова, и всегда с той же напряженностью усилия, с чем-то похожим и не похожим на призыв в человеческом голосе. Преображенная так в неверной светотени своей комнаты, она виделась мне за пределами времен. Но то было иллюзией. Мне кажется, тогда я понял, что не увижу ее больше.

Дома стоят на равнинах словно стражи – древние хранители круговорота времен года. Дерево здесь очень скоро принимает вид древности. Любые краски выветриваются и жухнут под дождем, и дерево выгорает до серого цвета, проступают прожилки, а гвозди краснеют ржавчиной. Оконные рамы черны и непроницаемы: вам кажется, что внутри пусто, а на самом деле там полно призраков тех, чьи кости преданы земле. Эти хижины высятся тут и там на фоне неба, и подходишь к ним дольше, чем рассчитываешь. Они – порождение далей, и они их предел.

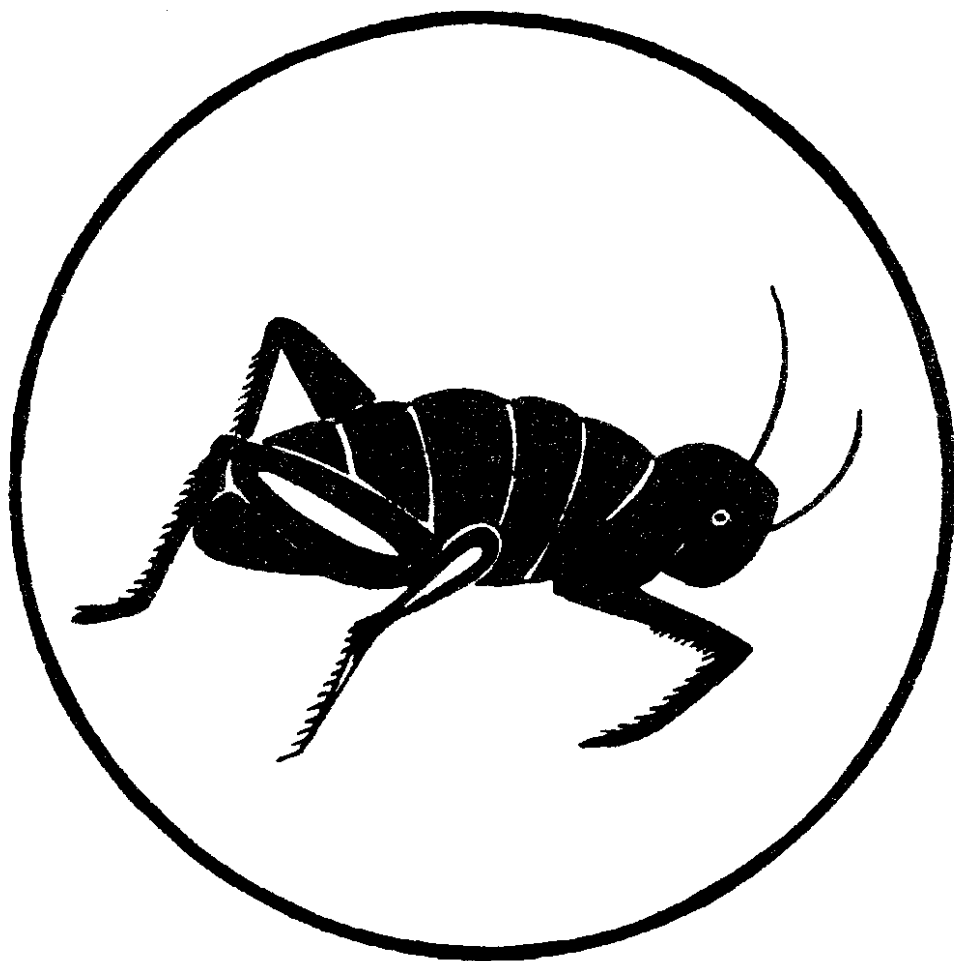
Когда-то в доме бабки стоял шум, входили и выходили люди, звучали беседы, шли празднества. Лето наполнилось оживлением и встречами родичей. Кайова – летний народ, они не любят холодов и замыкаются в себе, но при смене времен года, с потеплением почв, с пробуждением Жизни они не в силах усидеть дома – к ним возвращается исконная жажда странствий. Преклонных лет гости, навещавшие дом бабки в пору моего детства, были из одних кожи и жил и держались гордо и прямо. На них были черные шляпы с большими полями и яркие свободные рубахи, полоскавшие на ветру. Волосы они натирали жиром, а косы подвязывали лентами цветной ткани. Некоторые раскрашивали лица, носившие на себе шрамы давних и славных битв. То были представители древнего совета военачальников, приходившие напомнить о себе. Жёны и дочери достойно о них заботились. Тут женщины получали возможность передохнуть – посиделки были одновременно и знаком, и наградой их подчиненного положения. Они заводили громкий и неспешный разговор,

с жестами и шутками, ахами да охами. В гости они отправлялись в бахромчатых цветастых шальях, ярких бисерных бусах и серебряных украшениях. На кухне они чувствовали себя как дома и готовили трапезы подобно званым обедам.

Нередко собирались для молений и великих ночных празднеств. В детстве я играл с племянниками снаружи, свет лампы падал на землю, а пение стариков раздавалось вокруг нас, уносясь во тьму. Было много доброй еды, много смеха и приятных неожиданностей. А после, когда воцарялась тишина, я ложился с бабкой, слушал вдали на реке лягушек и чувствовал дуновения ветра.

Ныне — похоронная тишина в комнатах, бесконечный помин какого-то прощального слова. Стены сомкнулись вокруг дома моей бабки. Когда я вернулся туда, чтобы оплакать ее, то впервые в жизни заметил, какая она маленькая. Была поздняя ночь, стояла белая луна, почти полная. Я долго сидел на каменных ступенях у двери на кухню. Отсюда было видно далеко вокруг. Я видел длинную полосу деревьев у ручья, слабый свет на волнистых равнинах и звезды Большого Ковша. Раз, взглянув на Луну, я увидел необычную вещь. На перила крыльца сел кузнечик, всего в нескольких дюймах от меня. Угол моего зрения был таков, что насекомое вписалось в Луну, словно высеченное на ней. Он отправился туда, подумал я, чтобы жить и умереть, ибо там, из всех мест, его малое бытие обрело целостность и вечность. Теплый ветер, поднявшись, отозвался во мне тоской.

На следующее утро я поднялся с рассветом и отправился по грунтовой дороге к Горе Дождей. Уже припекало, и кузнечики полнили воздух. Все же утро еще было раннее, и птицы начинали подавать голоса из теней. Высокие желтые травы на горе сияли в ярком свете, и вспархивали поспешно стрижи над землей. Там, где ей и следовало быть — в конце долгого и легендарного странствия, — покоилась могила моей бабки. Здесь и там на потемневших камнях виднелись имена предков. Обернувшись еще раз, я взглянул на гору и пошел прочь.

I

Знаете, все имело начало, и вот как оно было: кайова вступили один за другим в этот мир через полый древесный ствол. Их было куда больше, чем теперь, да только не все вышли наружу. Была там женщина, ожидавшая ребенка; она застряла внутри. После этого уже никто не мог пройти, и вот потому-то кайова – такое малое племя. Они огляделись вокруг и увидели мир. Им стало радостно оттого, что их окружает так много вещей. Они назвались *квуда* – выходящие в мир.

*

Они назвались *квуда*, а позже – *тенда*: то и другое означает «выходящие». А еще позднее они приняли имя *гайгву*, что означает предмет, две стороны которого отличаются внешне. Некогда у воинов кайова было в обычае обрезать волосы справа на уровне мочки уха, тогда как слева они отпускали длинную прядь и носили ее толстой косой, обернув мехом выдры. «Кайова» на языке жестов обозначается поднятием руки ладонью вверх и чуть пригоршней справа от головы; ее покачивают легким движением из стороны в сторону от кисти. «Кайова», как полагают, – смягченная форма команчского «гайгву».

* *

Я помню, как вышел однажды на просторы Великих Равнин поздней весной. Кругом на склонах простирались луга голубых и желтых цветов, а внизу – неподвижная, залитая солнцем равнина, уходящая за горизонт. Поначалу глаз не различает ничего, кроме самой земли, цельной и непроницаемой. Но затем в далих начинают проступать мельчайшие

предметы – стада, реки и рощицы, и каждый обретает совершенное бытие в пределах пространства, времени и безмолвия. Да, – подумалось мне, – теперь я вижу землю такой, какая она доподлинно и есть: никогда больше не смогу я видеть вещи такими, как видел их вчера или прежде.

II

Они шли кочевьем, а некоторые охотились. Подстрелили раз антилопу и на лугу разделали тушу. Ну, и один из старших вождей, подойдя, взял себе вымя животного. Но другой тоже пожелал вымя, и разгорелась меж ними великая ссора. Тогда, в ярости, один из тех вождей, собрав всех своих сторонников, ушел прочь. Их прозвали *атсатанхон* – ушедшие в ссоре из-за вымени. И никто не знает, куда ушли они и что с ними случилось.

*

Вот одно из древнейших воспоминаний племени. Говорили, будто оно известно и людям с северо-запада, говорящим на языке, родственном кайова.

Зимой с 1848-го на 49-й год бизоны откочевали далеко и пища была скудной. Но в районе Форта Бент, что в Колорадо, объявилось стадо антилоп. По древнему обычаю, применили антилопью магию, и кайова отправились за добычей пешком и верхами – мужчины, женщины и дети. Они выступали широким кругом, охватывая обширную территорию равнины, и стали смыкаться. Этим способом антилоп и другую дичь загоняли в ловушку и убивали дубинками, а часто просто голыми руками. Нужда заставила кайова вспомнить былой обычай.

* *

Как-то утром на высоких равнинах Вайоминга я увидел вдали несколько антилоп-вилорогов. Они двигались так – медленно, под углом и прочь от меня, – будто никакое понятие бега не было им ведомо. Но я помню, как когда-то застал вспугнутого самца в беге – белая розетка крестца его, казалось, на краткий миг повисала на вершине каждого стремительного скачка, словно череда солнечных вспышек на фоне лиловых холмов.

III

Прежде лошадей кайова познали собак. Было то в давние времена, когда собаки еще умели говорить. Жил один человек отдельно от других. Его изгнали из племени, и лагерь он разбивал то здесь, то там на холмах. Но жить одному было опасно, ибо повсюду были враги. Охотясь на дичь, индеец истратил все свои стрелы. Вот осталась у него последняя, и он подстрелил медведя; но тот был только ранен, и ушел. Не знал человек, что и делать. Тут подошла к нему собака и поведала о том, что враги уже здесь – они повсюду и совсем рядом. Не в силах был индеец найти путь спасения. Но собака сказала: «Знаешь, у меня есть щенки. Они еще маленькие и слабые, и им нечего есть. Если ты позаботишься о моих щенках, я укажу тебе, как спастись». Собака провела индейца там и сям, кружными путями, и они оказались в безопасности.

*

Сто лет назад команч по имени Десять Медведей отметил, что кайова владели огромными табунами лошадей. «Когда мы впервые встретились с вами, – сказал он, – вы знали только собак да волокуши». То была правда – собаки изначальны. Быть может, они были вызваны к жизни вещим видением.

Важнейшим воинским союзом у кайова были *ка-итсенко*, «истинные собаки», и составляли его лишь десять мужей, десять нахрабрейших. Каждый из них носил длинную обрядовую перевязь и священную стрелу. В битве он должен был приколоть этой стрелой конец перевязи к земле и на этом месте стоять насмерть. Предание рассказывает, как основателю союза *ка-итсенко* приснился сон, в котором он увидел отряд воинов, наряженных таким образом, а вела их собака. Собака исполнила песнь *ка-итсенко*, а затем промолвила: «Ты тоже пес; рычи и пой песнь собаки».

* *

Вокруг дома бабки всегда жили собаки. Часть из них были безымянными и вели независимую жизнь. Они были местной принадлежностью – но не в смысле собственности. Старики едва обращали на них внимание, но им было бы грустно знать, что собаки останутся в прошлом, – думалось мне.

IV

Поначалу жили они в горах. Тай-ме они еще не знали, а знали вот что: жил-был человек с женой. Был у них чудесный младенец, девочка, которой они не велили уходить далеко. Но однажды пришла подруга и спросила; нельзя ли ей вывести девочку погулять. Мать решила, что все будет в порядке, но велела подруге оставить девочку в колыбельке, а колыбельку повесить на дереве. Пока колыбелька была на дереве, на ветку уселась малиновка. Не похожа была она ни на одну из птиц, известных прежде, – была она очень красива и не улетала. Неподвижно сидела она на ветке подле ребенка. Вскоре девочка выбралась из колыбельки и принялась карабкаться к малиновке. И

тот час же дерево стало расти, все выше и выше, и девочка поднялась высоко в небо. Теперь она была женщиной и очутилась в незнакомом краю. А вместо малиновки ей предстал молодой юноша. Он сказал ей: «Долго наблюдал я за тобой и знал, что найду способ доставить тебя сюда. Я доставил тебя к себе, чтобы взять в жены». Тут женщина огляделась и увидела, что он здесь совсем один. Она поняла, что пред нею Солнце.

*

Сама земля там восходит к небу. Эти горы лежат на вершине континента и отбрасывают к востоку длинный шлейф дождей на море трав. Они поднимаются из последней глуши Северной Америки, и имена у них подобающие: Васатч, Биттеррут, Бигхорн, Уинд-Ривер.

* *

Я бродил по горному лугу, пестреющему индейским люпином и дикой гречихой, и увидел высоко в ветвях сосны самца дубоноса, круглую розовую птичку; ее темные, полосатые крылья были почти невидимы в мягком раздробленном свете. А верхние ветви дерева, казалось, плывут медленно-медленно в синеве неба.

V

Скоро женщине стало одиноко. Она вспоминала о своих соплеменниках и гадала, как там они живут. Однажды она поссорилась с Солнцем, и тот ушел. В досаде она подкопала корень куста, а ведь Солнце велел ей и близко не подходить к нему. От корня отвалился ком земли, и далеко внизу увидела она свое племя. К тому времени она уже родила Солнцу сына. Из жил она

сплела веревку, взяла сына на спину и стала спускаться, но когда добралась до конца бечевы, племя по-прежнему оставалось далеко внизу, и она осталась висеть с сыном за спиной. Наступил вечер, муж – Солнце воротился домой и хватился жены. Тотчас вспомнил он о кусте и отправился к нему. Там он увидел и жену, и ребенка – оба висели на веревке на полпути к земле. Сильно разгневался он и взял в руки кольцо – игральный обруч. Велел он кольцу слететь вниз по веревке и убить женщину. Потом отпустил кольцо, и оно исполнило приказ – ударило женщину и убило. Сын Солнца остался один.

*

Говорят, что у бродяг-вожжёров растение это называлось «помм бланш» или «помм де презри». В дневниках они постоянно упоминают о его употреблении индейцами. Растет оно на высоких равнинах и имеет мучнистый корень, вкусом и видом похожий на редьку. Этот корень – сытная пища; растение даже пробовали возделывать как заменитель картофеля.

Этнограф Муни в 1896 году писал: «В отличие от соседей – шайенов и арапахо, которые еще помнят, как когда-то проживали восточнее Миссури и возделывали кукурузу, – у кайова нет преданий о том, что они были когда-то земледельцами или кем-либо еще, кроме как племенем охотников».

* *

Даже теперь они предпочитают мясо; мне кажется, не созданы они были для земледелия. Дед мой, Маммедэйти, немало потрудился, заставляя пшеницу и хлопок расти на своей земле, но результат был неутешителен. Как-то маленьким мальчиком я перешел ручей, чтобы добраться до дома, где жила старуха Кеади– некеа. Несколько мужчин и юношей пришли с пастбища, только что забив и освежевав бычка. Один из юношей держал

печень – еще теплую и полную былой жизни, – лакомясь ею с огромным наслаждением. Слышал я, что охотники равнин ставили сырую печень и язык бизона превыше прочих лакомств.

VI

Ребенок, сын Солнца, подрос и принялся бродить по земле. Неподалеку заметил он лагерь. Подошел поближе и увидел, что там живет большая паучиха – та, кого зовут бабушкой. Паучиха заговорила с сыном Солнца, и тот испугался. Бабушка исполнилась негодования; видите ли, она ревновала, ведь дитя еще не было вскормлено материнской грудью. Захотелось ей узнать, мальчик это или девочка, и потому изготовила она две вещи: хорошенький мячик и лук со стрелами. Она оставила их ребенку на весь следующий день. Возвратившись, она обнаружила, что мячик весь утыкан стрелами; тут она поняла, что дитя – мальчик и что вырастить его будет непросто. Раз за разом пыталась бабушка поймать мальчика, но тот всегда убегал. И вот однажды она сделала силок из веревки. Мальчик попал в силок; плакал он и плакал, но бабушка принялась напевать ему, и наконец он уснул.

Ах, не плачь, спи-усни,
А все же, пусть ты сирота,
Грудь матери тебя накормит.
Баю-баюшки-баю.

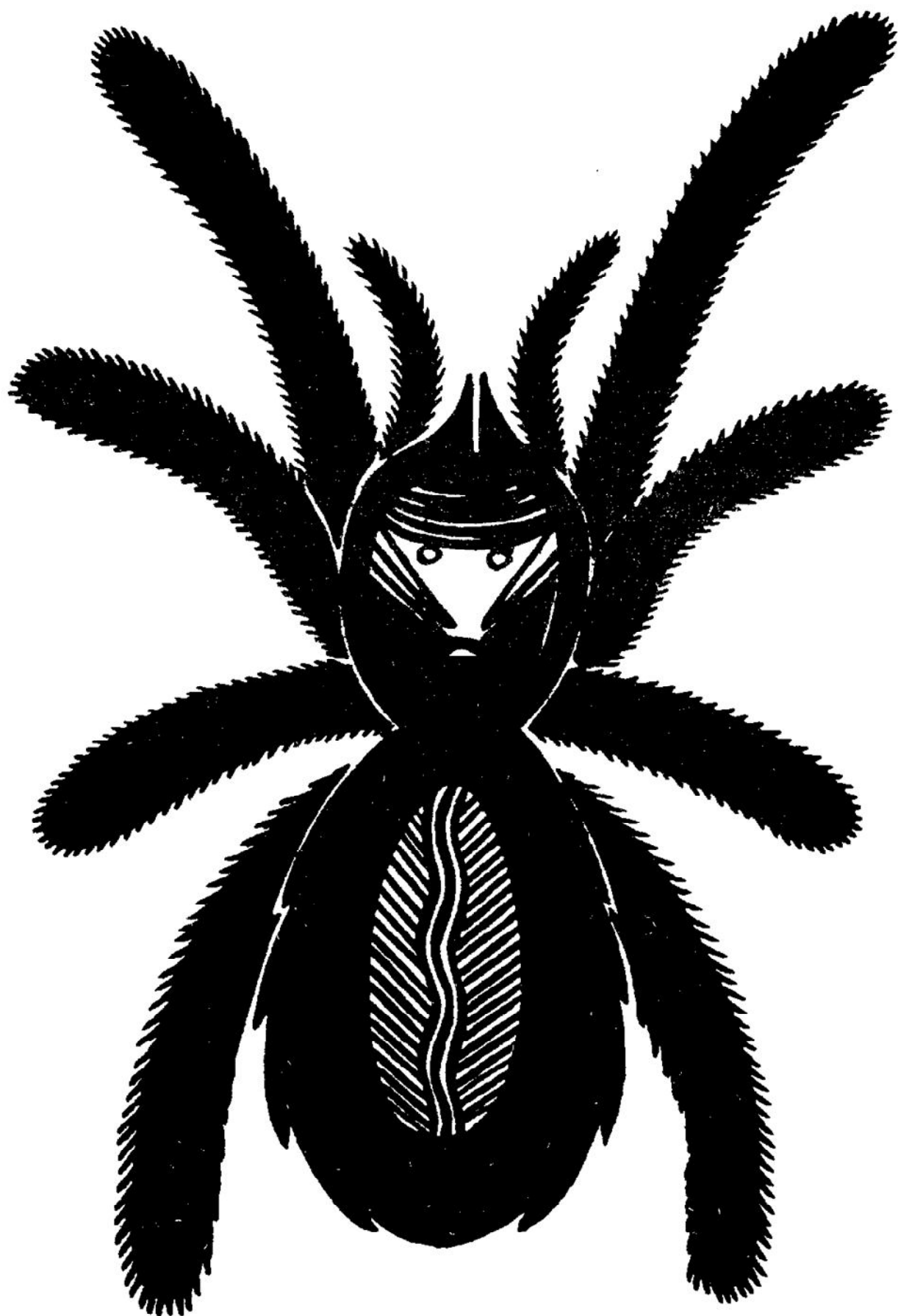
*

Осенью 1874 года племя кайова прогнали с Меченых Равнин на юг. Со всех сторон вокруг их теснили колонны войск, они же были измотаны и

устрашены. Стали они лагерем на Элк-Крике, а на другой день пошел дождь. Он лил вовсю целый день, и кайова ждали верхами, пока не прояснеет. И тут, под вечер, вся земля внезапно покрылась пауками – большими черными тарантулами, кишевшими в потоках воды.

* *

Я знаю пауков. По равнинам пролегли грунтовые дороги. Глядя на них, задумаешься – как и куда они ведут? Они кажутся очень древними и заброшенными, словно все ведут к забытому жилью. Но дороги эти пересекают различные существа: навозные жуки, кузнечики, небольшие гремучки да черепахи. Время от времени пробежит тарантул – вечерами, всегда по размеру больше, чем ожидаешь, неказистый и темно-бурый, покрытый длинными пыльными волосками. Есть в них что-то причудливое: замрет, двинется и попетляет прочь.

Всегда по размеру больше, чем ожидаешь, неказистый и тёмно-бурый

VII

Шли годы. У мальчика по-прежнему было кольцо, сразившее его мать. Бабушка-паучиха наказывала ему – ни за что не подбрасывать кольцо в небо; но однажды он подбросил, оно упало прямо ему на голову и раскололо надвое. Огляделся он, а рядом стоит другой мальчик-близнец, точь-в-точь такой же. Оба засмеялись, а потом пошли к бабушке-паучихе. Та едва не зарыдала, увидев их, – ведь было довольно трудно вырастить и одного. Но все равно, она очень о них заботилась и сшила обоим прекрасные одежды.

*

Маммедэйти имел лошадей. Он вспоминал, как хорошо было сознавать, что они у тебя есть, и как трудно без лошадей. И все же настал день, когда Маммедэйти сошел с лошади в последний раз. Из всех равнинных племен кайова владели наибольшим поголовьем на человека.

* *

Летними днями я уходил, купаться к реке Уошито. Течение было медленное, и казалось, что теплая бурая вода стоит неподвижно. То было святое место. Там, в сплошной тени, заключенной в густых зарослях по берегам, ум мой приковывало то порхание стрекозы, то стремительный бег водомерки. Огромный же открытый край там, впереди, было просто невозможно представить. Но он лежал рядом, камнем можно было добросить. Однажды с ветки дерева я увидел свое лицо в бурой воде, но тут с берега прыгнула лягушка, и образ пропал.

VIII

Теперь у каждого близнеца было по кольцу. Бабушка-паучиха наказывала им ни за что не подбрасывать колец в небо. Но вот однажды они подбросили свои кольца высоко вверх, на самый ветер. Кольца укатились за холм, близнецы побежали следом. А спускаясь с холма, свалились в пещеру. Там жили великан с великаншей. Великан погубил уже немало людей, наполняя пещеру дымом костра так, что люди задыхались. И тут близнецы припомнили, что говорила им бабушка-паучиха: «Если случится вам попасть в пещеру, повторяйте про себя слова: "таин-мом" – "иди поверх глаз"». И только начал великан разводить костер, близнецы стали повторять слова «иди поверх глаз» – и дым собирался у них над головой. Вот великан напустил уже три большие тучи дыма, а близнецы не плачут и не задыхаются. Заметила это великанша и испугалась. «Отпусти их, – сказала она, – не то мы попадем в беду». Подхватили близнецы свои кольца и возвратились домой, к бабушке-паучихе. Она очень им обрадовалась.

*

Слово обладает собственной и особой властью. Из ничего приходит оно, обретая звук и смысл, и дает начало всему. Через слово способен человек общаться с миром на равных. И слово священно. Имя человека принадлежит только ему – он волен хранить его или отдать другому, по желанию. До недавних пор кайова избегали называть имя умершего. Поступить так было бы позорно и оскорбительно. Умершие забирают имена с собой, в иной мир.

* *

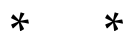
Когда Ахо слышала, думала или сталкивалась с чем-то недобрым, она произносила слово «зейдл-беи» – «страшно». Одним-единственным этим словом противостояла она злу и неизвестности. Я любил, когда она произносила его, – ведь при этом она сморщивала лицо в чудной гримасе неодобрения – и прищелкивала языком. Мне кажется, то было не столько восклицанием, сколько оберегом, проекцией речи на тайну и хаос.

IX

А потом с близнецами случилось вот что: они убили огромную змею, которую нашли в типи. Когда рассказали они о содеянном бабушке, та горько заплакала. «Ведь вы убили своего дедушку», – сказала она. И промолвив так, бабушка-паучиха умерла. Близнецы завернули ее в бизонью шкуру и, положив у воды, засыпали листьями. Близнецы прожили еще долго, и кайова глубоко чтили их.

*

В другой, быть может, более древней версии предания, дикобраз, а не малиновка, становится воплощением Солнца. В той версии говорится еще, как один из близнецов вошел в воды озера и канул навсегда, а другой в конце концов разделился на десять частей «магической силы», с того момента заставляя свою плоть племени кайова как святое причастие. Десять священных укладок «тали-даи» , или «магии юноши», являются наряду с Тай-ме важнейшими святынями самого истого поклонения.

Ребенком мой отец вместе со своей бабкой Кеадинекеа ходил к святилищу одной из укладок тали-да-и. Старуха сделала подношение в виде куска яркой материи и помолилась. Святыня пребывала в небольшом специально воздвигнутом типи; там, подвешенный на веревке с шестов, находился сам амулет. Отец знал, что тот очень силен, и один вид святыни исполнил его дивованием и благоговением. Святость таких предметов способна сообщаться людскому духу, верю я, ибо помню, как сияла она в незрячих глазах Кеадинекеа. Как-то меня взяли с собой проведать ее в старой хижине по ту сторону ручья, у Торы Дождей. В комнате было темно, а бремя лет наполнило ее словно живое существо. Кеадинекеа была безволоса и слепа. Она пребывала в том странном попятном движении, какое совершают люди преклонного возраста, и кожа ее была мягкой, как у младенца. Я помню звук ее благодарного плача и подобное воде касание руки.

Х

Как-то давным-давно пришла тяжкая пора. Кайова голодали – пищи не было нигде. Жил-был человек, долго слушал он плач голодных детей и отправился искать добычи. Шел он четыре дня и сильно ослаб. На четвертый вышел он к глубокому каньону. Внезапно Загремел гром и сверкнула молния. И раздался голос: «Зачем ты идешь За мной? Что тебе нужно?» Испугался охотник: у существа, представшего ему, были ноги оленя, а тело из перьев. Ответил он, что кайова голодают. «Возьми меня с Собой, – промолвил голос, – и я дам тебе все, что пожелаешь». С того дня Тай-ме принадлежал племени кайова.

*

Важнейший персонаж обряда Солнечной Пляски, или Кадо, – это Тай-ме. Небольшой фетиш, менее двух футов длины, в виде человеческой фигуры, наряженной в рубаху из белых перьев, с убором из одного прямо стоящего пера и подвесок из шкур горностая, с бесчисленными нитками бус вокруг шеи; сама личина, грудь и спина покрыты изображениями солнца и луны. Выполнена она из темно-зеленого камня и формой напоминает грубую человеческую голову и грудь – вероятно, слегка обработанную на манер каменных фетишей племен пуэбло. Хранится Тай-ме в коробе из сыромятной кожи, на попечении потомственного хранителя и никогда, ни при каких условиях, никому не показывается, кроме как на ежегодной Солнечной Пляске, когда фетиш подвешивают на коротком вертикальном шесте, установленном в знахарском типи, ближе к западной стене. В последний раз он был показан всенародно в 1888 году. – Муни.

* *

Однажды вместе с отцом и бабкой я ездил поглядеть на укладку Тай-ме. Она была подвешена на шнурке, свисая с развилки невысокого обрядового дерева. Я поднес дар в виде яркого куска материи, а бабка вслух прочла молитву. По-моему, мы провели там немало времени. Никогда прежде не бывал я в присутствии Тай-ме и никогда после. Все вокруг было исполнено духа святости, словно тут умер старец или родился ребенок.

XI

Много лет назад жили-были два брата. Была зима, и бизоны ушли далеко. Есть было нечего. Братья голодали и не знали, как им быть дальше.

Один из них встал рано поутру, вышел наружу и увидал на земле, перед типи, грудку свежего мяса. Он очень обрадовался и позвал брата. «Гляди, сказал он. – Нам повезло, теперь у нас много еды». Брат же его испугался и сказал: «Все это очень странно. Я думаю, нам лучше не есть этого мяса». Но брат выбранил его, назвав глупцом. Потом выступил вперед и наелся до отвала. А через некоторое время с ним стало твориться что-то страшное: он начал меняться. После превращения он был уже не человеком, а чем-то вроде водяного духа с маленькими короткими ножками и длинным тяжелым хвостом. Тогда он обратился к брату и сказал: «Ты был прав, есть это мясо нельзя. Теперь я должен идти жить под водой, но мы братья, и тебе придется приходить навещать меня». После этого брат его время от времени спускался к озеру и подзывал брата. Он рассказывал ему о том, как живут кайова.

*

В обрядах пейотля в центре типи поддерживают огонь, разложенный внутри алтаря в форме полумесяца. На алтаре находится одна-единственная головка священного пейотля. После того как верховный жрец прочтет заглавную молитву, по четыре головки выдается каждому прихожанину, который съедает их одну за другой. Затем, поочередно, каждый из них исполняет по четыре священные песни, и все время звучит стук погремушки и барабана и видно многоцветное пламя костра. Песни звучат всю ночь, прерываемые лишь молитвами, новой раздачей пейотля и, в полночь, особой церемонией посвящения.

* *

Маммедэйти был мужем пейотля и оттого был наделен особыми знаками: ожерельем из бус, отделанным бисером жезлом с погремушкой, свистком из орлиной кости и веером из перьев баклана. Ему случалось наблюдать вещи, каких другие не видывали. Однажды в сильный ливень река Уошито вышла из берегов; ручей у Торы Дождей вздулся, а потом отступил. Маммедэйти отправился к переправе у ручья купаться. И пока он был там, вода начала странным образом прибывать, подступая к ногам, сначала медленно, потом все быстрее – высокими, мощными волнами. В глубине творилось какое-то ужасное бурление, и Маммедэйти, выскочив из воды, помчался прочь. Позже он вернулся к тому месту. В прибрежном кустарнике виднелась широкая борозда и следы крупного зверя, уходившего в воду.

3. Н-252.

В глубине творилось какое-то ужасное бурление

XII

Жил однажды старик с женой и детьми. Как-то ночью рубила жена мясо, и мальчику захотелось его попробовать. Дала она ему кусочек, а тот вышел наружу есть его. Потом вернулся и еще просит. Она дала новый, и опять он вышел наружу. В третий раз пришел он просить мяса. Старик встревожился. Велел он своей жене дать ребенку кусок побольше, да ничем не подавать вида – будто все так и должно быть. Когда мальчик вернулся опять, следом вошел враг. Он сказал: «Нас много, и мы здесь повсюду. Мы задумали убить вас, но сын ваш дал нам еды. Если вы всех нас накормите, мы никого не тронем». Не поверил старик врагу, и пока жена разогревала Жир на огне, он пробрался наружу и вывел вверх по ручью лошадей. Отойдя подальше, он крикнул по-птичьи. Тут жена поняла, что пора уходить. Подожгла она жир да и расплескала во все стороны, на врагов, рассевшихся вокруг, а потом схватила мальчика на руки и пустилась бежать вверх по ручью. Вот так-то старик, его жена и ребенок спаслись от беды. С безопасного расстояния наблюдали они огонь и слушали вопли врагов.

*

Зимой с 1872-го на 73-й год чудный священный типи случайно сгорел в пожаре. Известный под именем *До-гайагйа гуат* – Типи с боевой раскраской – он был изукрашен прекрасными картинами бьющихся мужей и оружием с одной стороны, а с другой – широкими горизонтальными лентами черного и желтого цвета. *До-гайагйа гуат* принадлежал семье великого вождя Дохасана и в дни торжеств ставился на втором месте в племенном круге.

На открытой равнине много жаворонков и куропаток. Однажды ближе к вечеру я бродил среди надгробий по кладбищу у Горы Дождей. Тени сильно удлинились, в небе густо рдела заря, и темно-красная земля, казалось, вспыхивает в лучах заходящего солнца. На какой-то миг, в это особое время суток, нисходит глубокое безмолвие. Все замирает, и даже в голову не придет хоть чем-то нарушить этот покой. Что-то происходит там, среди теней. Все замедляется до предела, чтобы дать солнцу расстаться с землей. И вдруг раздается пронзительный крик мухоловки. Он потрясает весь мир.

XIII

Если стрела сделана хорошо, на ней имеются следы зубов. Так и можно ее узнать. Кайова делали отличные стрелы и выпрямляли их, сжимая между зубами. Потом они прикладывали стрелу к луку, проверяя, прямая ли она.

Жил некогда муж с женой. Ночной порой они были одни в типи. При свете костра мужчина делал стрелы. Через некоторое время он что-то почуял. На стыке двух шкур типи было небольшое отверстие. Кто-то стоял снаружи, заглядывая внутрь. Человек продолжал работать, но сказал своей жене: «Кто-то стоит снаружи. Не бойся. Давай говорить спокойно, как обычно». Он взял стрелу и сжал зубами. Потом, как и следовало, приложил ее к луку и прицелился, сначала в одном направлении, потом в другом. И все время он продолжал речь, будто обращаясь к жене. Но говорил так: «Я знаю, что ты там, снаружи, ибо чувствую твой взгляд. Если ты кайова, то поймешь мою речь и назовешь свое имя». Но ответа не было, и человек продолжал свое дело, направляя стрелу поочередно во все стороны. Наконец, прицел совпал с

местом, где стоял его противник, и он спустил тетиву. Стрела вошла точно в самое сердце врага.

*

Старики были лучшими стрелоделателями, ибо они могли добавить к своему мастерству время и терпение. Молодые люди – воины и охотники – всегда готовы были уплатить большую цену за хорошо сделанные стрелы.

* *

Когда отец был еще мальчиком, в дом к Маммедэйти часто приходил с визитом один старик. То был сухопарый человек при косах, внушительный возрастом и осанкой. Звали его Чейни, и был он стрелоделателем. Каждое утро, говорил мне отец, Чейни окрашивал свое сморщенное лицо, выходил и молился вслух восходящему солнцу. Мысленно я вижу этого человека, словно он все еще там. Я люблю наблюдать, как возносит он свою молитву. Я знаю, и где он стоит, и куда доносится его голос по волнующимся травам, и где солнце встает над землей. Там, на восходе, можно ощутить безмолвие. Оно холодно, прозрачно и глубоко, как вода. Оно берет за душу и не хочет отпускать.

XIV

Речь кайова познать нелегко, но, поверите ли, дух бури ее понимает. Вот как оно было. Давным-давно замыслили кайова сотворить лошадь, решили делать из глины и потому стали месить ее руками. Что ж, лошадь начала оживать. Но то было страшное, страшное создание. Оно стало извиваться, сначала медленно, потом быстрее и быстрее, пока повсюду не поднялся вихрь. Ветер крепчал и все уносил прочь – с корнем взмывали ввысь огромные

деревья, и даже бизонов взметало высоко в небо. Кайова испугались этого ужасного существа и бегали вокруг, пытаясь уговорить его. И вот, наконец, оно угомонилось.

И даже теперь, когда кайова видят, как собираются грозовые облака, они знают, что это такое, – то страшный зверь бродит по небу. У него морда лошади, а хвост огромной рыбы. Молнии вырываются из его пасти, а хвост бьет и хлещет по воздуху, творя сильный и горячий ветер – торнадо. Но они беседуют с ним, увещевая: «Пройди надо мной». Они не боятся *Ман-ка-йи*, ибо ему внятна их речь.

*

Временами равнины яркие, спокойны и тихи, временами же они чернеют от налетающего погодного гнева. И всегда по ним бродят ветры.

* *

В нескольких футах к юго-западу от угла дома моей бабки стоит землянка от бурь. Она пребудет там, думается мне, даже когда дом, рощица и амбар исчезнут с лица земли. В этой части света много таких грубых укрытий. Они повинуются облику края и не выдаются ничем – низкие земляные холмики с тяжелыми деревянными дверьми, словно отверстыми в подземный мир. Я видел, как ветер с такой силой гнал дождь, что и взрослому не под силу было б отворить дверь. А однажды, спускаясь вниз, я увидел, как всю землю осветила фосфорно-синяя вспышка молнии.

Бьет и хлещет по воздуху

XV

Куототе был пригожим юношей и к тому же великим воином. Одна из жен воина Много Медведей влюбилась в него, и они сошлись. Потом как-то раз вышел Куототе из дому. Когда переходил он реку, Много Медведей выступил из укрытия на берегу, пустил в него стрелу и убежал. Куототе вернулся в лагерь, и кто-то вынул стрелу. Он очень мучился и потерял много крови. Знахарь долго им занимался, и на другой день Куототе выздоровел. Видите ли, он решил увести жену у Много Медведей. Вскоре воины собрались пойти набегом в Мексику. В ночь перед тем как мужчины выступят в поход, было принято устраивать пляску. Много было песен, и время от времени кто-нибудь вставал, чтобы дать храбрый обет. Тут, вызывая общее внимание, встала жена Много Медведей. Она сказала: «Слушайте все мою песню. Что-то да случится сегодня». Потом она запела – и, поверите ли, старики до сих пор помнят ее песню:

Я оставляю свои пожитки.

Я оставляю собственный дом.

Говорю вам, я оставляю и своего сына.

Куототе увел эту Женщину, и они кочевали с команчами пятнадцать лет. Когда, наконец, они возвратились к родному племени, Много Медведей первым вышел приветствовать их. «Куототе, – сказал он, – отныне ты и я будем братьями. Теперь же я дарю тебе шесть лошадей».

*

Художник Джордж Кэтлин кочевал с кайова в 1834 году. Он отмечал, что внешним обликом они превосходят команчей и вичитов. Они высоки и стройны, спокойны и грациозны. Черты лица у них правильные,

классические, и в этом смысле они больше походят на племена севера, чем юга.

* *

Кэтлиновский портрет Комсамоа – это поразительный образ мужа высокого и тонкого, но мощного и хорошего сложения. Он гибок и, вне всякого сомнения, сознает свою великую силу и доблесть. Стоит он совершенно непринужденно, а его длинная рубаха повторяет очертания тела. Левая рука оперлась на щит, сжимая лук и стрелы. Голова уверенной посадки, а в глазах застыло выражение задумчивости и долготерпения. Говорят, он был почти семи футов роста и способен пешком, загнать бизона. Хотел бы я повидать этого человека, как видел его Кэтлин; вот он идет ко мне или, быть может, удаляется прочь, один и на фоне неба.

XVI

Жил необычный зверь – бизон со стальными рогами. Однажды в степи на него набрел охотник как раз в том месте, где когда-то стояли рядом друг с дружкой четыре дерева. Человек и бизон вступили в битву. Лошадь охотника пала сразу, и тот взобрался на одно из деревьев. Огромный бык, опустив голову, принялся долбить дерево своими черными металлическими рогами. Вскоре дерево рухнуло. Но охотник был проворен – он спасся на втором дереве. Вновь ударил бык своими невероятными рогами, и вскоре дерево, треснув, упало. Прыгнул охотник на третье дерево. Он все время пускал стрелы в быка, но те отлетали, словно искры, от его черной шкуры. Наконец, осталось одно дерево, а у охотника – одна стрела. Тогда он понял, что гибель неминуема. Но тут послышался голос: «Каждый раз, прежде чем наброситься,

бизон широко растопыряет свои раздвоенные копыта и бьет ими оземь. Только там, в развилке копыт, он и уязвим. Туда и надлежит тебе целить». Отойдя, бизон повернулся, расставив копыта, а человек приложил к луку стрелу. Прицел был точен, и стрела глубоко вонзилась в мякоть меж копыт. Огромный бык весь затрясся и рухнул, и сталь его рогов в последний раз блеснула на солнце.

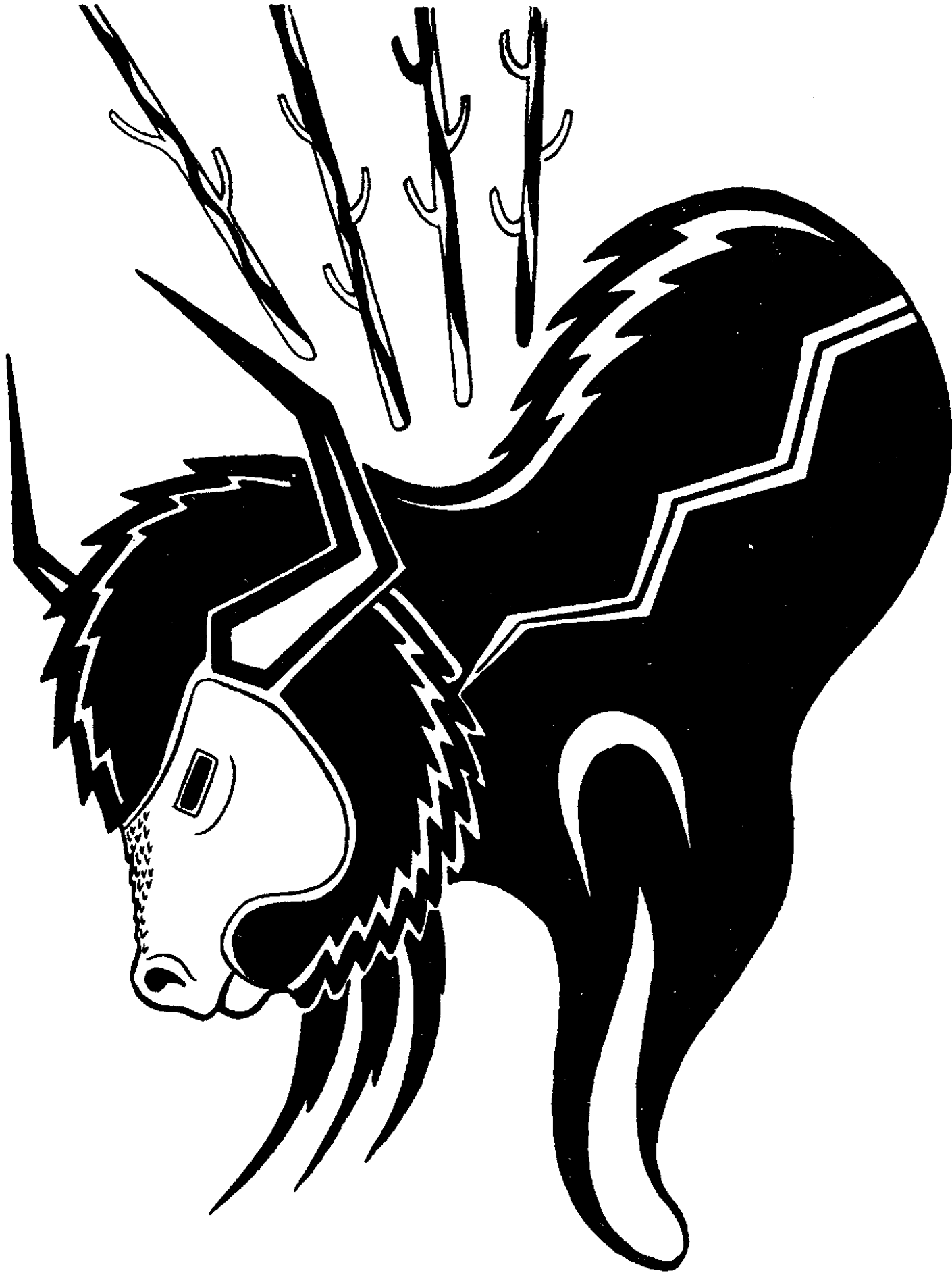
*

Сорок лет назад жители Карнеги, что в Оклахоме, собрались вокруг двух стариков кайова, оседлавших двух рабочих лошадей, вооружившись луком и стрелами. Кто-то привел бизона, бедного ручного зверя, в котором не осталось и следа дикой природы. Под говор и смех старики молча ждали. Потом, по сигналу, бизона пустили на волю. Сперва он артачился, быть может, больше озадаченный, чем испуганный; лошадей же пришлось понукать, а затем быстро пустить вслед. Люди подняли крик, и, наконец, бизон, покружив, бросился прочь. Старики погнались вслед и пропали вдаль в огромной туче красноватой пыли. Но они загнали этого зверя и убили стрелами.

* *

Как-то утром мы с отцом шли через Медисин-Парк обок небольшого стада бизонов. Была поздняя весна, и у многих коров появились новорожденные телята. Неподалеку в высокой траве лежал бычок. Масти он был красно-оранжевой, хрупко-красивый в своей недолгой жизни. Мы приблизились, как вдруг с устрашающим видом у нас на пути встала корова, нагнув огромную черную голову. Затем она бросилась на нас, а мы, развернувшись, по мчались прочь что было мочи. Она вскоре остановилась, и

я думаю, что большой опасности нам и не грозило. Но весеннее утро было глубоким и чудным, а сердца наши бились быстро, и мы познали тогда, что значит жить.

Сталь его рогов в последний раз блеснула на солнце

XVII

Скверных женщин изгоняют прочь. Жил однажды статный молодой человек. Был он буен и беспечен, и вождь говорил о нем с ветром. После того отправился человек на охоту. Вот налетел сильный ветер и ослепил его. Племена кайова слепец был не нужен, и они оставили его вместе с Женой и ребенком. Надвигалась зима, и еда была скудной. За четыре дня жене этого человека надоело заботиться о нем. Шло мимо стадо бизонов, человек узнал их на слух. Попросил он жену подать ему лук со стрелами. «Дай мне знать, – велел он, – когда бизон окажется прямо передо мной». Так убил он быка, да только жена сказала, будто он промахнулся. Попросил он еще стрелу и убил другого, но жена опять сказала, что он промахнулся. Ну а человек тот был охотником, он знал звук стрелы, попадающей в цель, но ничего не сказал. Затем жена его, набрав себе мяса, сбежала вместе с ребенком. Человек был слеп, но он питался травой и выжил. Через семь дней группа кайова набрела на него и отвезла в лагерь. Там, в кругу у костра, женщина рассказывала свою историю. Она говорила, будто мужа ее убили враги. Слепой прислушался и узнал голос. Скверная то была женщина. На восходе солнца ее выгнали прочь.

*

Календарные летописи кайова хранят верное свидетельство, что доля всякой женщины ~ «скверной» или нет – была тяжелой. Лишь пленницы, которые были рабынями, стояли еще ниже. Во время Солнечной Пляски 1843 года один человек ударил жену ножом в грудь за то, что та приняла приглашение вождя Дохасана ехать подле него в обрядовом шествии. А зимой с 1851-го на 52-й год Большой Лук выкрал жену воина, ушедшего в набег. Он привез ее в лагерь отца и заставил ждать снаружи на жестоком

морозе, а сам вошел, чтобы собрать пожитки. Но отец его знал, что происходит, и задержал Большого Лука, не пуская его. Женщина стояла в снегу до тех пор, пока не отморозила ноги.

* *

Бабка Маммедэйти, Кау-ау-ойнти, была мексиканской пленницей, которую разлучили с родиной еще когда та была ребенком восьми-девяти лет. Я совсем не знал ее, но побывал на могиле у Горы Дождей.

КАУ-АУ-ОЙНТИ
РОДИЛАСЬ В 1834
УМЕРЛА В 1929
ПОКОЙСЯ В МИРЕ

Говорят, она удивляла многих, ибо отказывалась играть роль женщины-кайова. Из рабства она поднялась, заняв в племени почетное место. Ей принадлежало большое стадо скота, а ездить верхом она могла не хуже любого мужчины.

XVIII

Знаете, племя кайова – летний народ. Давным – давно сидела компания юношей кружком да толковала о великих делах. Вот о чем говорили они: «Когда наступает осень, куда девается лето? Где оно живет?» Решили они пойти по следу солнца на юг, до самого его дома; взяли да отправились верхами. Ехали они много дней, недель и месяцев и забрались много дальше на юг, чем кто-либо из кайова прежде, и перевидали множество странных и

чудных вещей. Наконец, прибыли они к месту, где встретили самое необычное. Близилась ночь, от езды они сильно устали и разбили лагерь в густых зарослях. Все, кроме одного, сразу отправились спать. Он был хорошим охотником и прекрасно видел в лунном свете. И вот он кое-что заметил – повсюду на деревьях были люди, они безмолвно передвигались с ветки на ветку. Туда-сюда перепрыгивали они в свете полной луны, и заметил он, что они маленькие и хвостатые! Он не верил собственным глазам и на следующее утро рассказал спутникам об увиденном. Они же лишь посмеялись над ним да посоветовали не ужинать так плотно на сон грядущий. Но позже, когда сворачивали лагерь, всех разом охватило одно чувство – им почудилось, будто за ними следят. А когда они подняли головы, маленькие хвостатые тени засновали над ними по веткам. Вот тогда-то кайова повернули коней и двинулись в обратный путь – довольно было с них здешних мест. Они рассудили, что, в конце концов, нашли обитель солнца и теперь соскучились по доброму бизоньему мясу родной Земли.

*

Излишне распространяться о революции, внесенной в жизнь кайова обретением лошади. Без нее он был полуголодным лесным скитальцем, подбираясь ползком к неосторожному оленю да с огромными усилиями возводя изгородь из веток, чтоб загнать стадо антилоп, и редко пускаясь в путь дальше чем на несколько дней от дома. На коне же он превратился в отважного охотника на бизонов, за день способного заготовить еды довольно, чтобы обеспечить семью на год. Это позволило ему выделить время для странствий по прериям с военными отрядами, уходившими за тысячи миль. – Муни.

* *

Среди самых первых моих воспоминаний – лето у ручья близ Горы Дождей, когда мы жили в рощице к северу от дома бабки. Оттуда можно было видеть весь склон холма до рощи орехов-пеканов, густых, темных посадок вдоль водоема, а за ними – долгий разлет самой земли, восходящей к небу. Рощица наша со всех сторон была открыта и свету, и воздуху, и звукам земли. Видно было вдаль и вширь даже ночью при свете луны – ничто не застило взор. А когда время года менялось и надо было возвращаться в дом, на время возникало чувство заброшенности и уныния. Зимней порой, проходя мимо рощи за водой из колодца, я заглядывал внутрь и думал о лете. Твердый земляной пол был темно-красного цвета, цвета трубочного камня.

он превратился в отважного охотника на бизонов

Завершение

XIX

В набеге на ютов попал в плен один из двух братьев. Другой, в одиночку и по собственной воле, проник в лагерь ютов и пытался освободить брата, но тоже был схвачен. Вождь ютов, в знак уважения к его доблести, заключил с ним договор. Если он сможет, взвалив брата на спину, пройти по ряду обмазанным жиром бизоньих черепов, не упав на землю, то они с братом получат по лошади и невредимыми уедут домой. И вот брат, посадив брата на спину, прошел по черепам бизонов и не сбился с ноги. Вождь ютов был верен своему слову, и братья верхами возвратились к соплеменникам.

*

После битвы в каньоне Пало-Луро кайова приходили сдаваться поодиночке в Форт Силл. Коней и оружие у них отбирали, а самих сажали в тюрьму. В поле, чуть западнее агентства, истребляли индейских лошадей. Почти восемьсот голов забили сразу, а еще две тысячи было распродано, роздано, раскрадено.

ЛЕТО 1879

Тсен-пия Кадо – Солнечная Пляска на одной конине. В летописи Сет-тана год этот обозначен изображением конской головы над священной палаткой. Эта пляска состоялась на Элм-Форк, притоке Ред-Ривер, а была названа так, поскольку бизоны стали слишком редки и кайова, выйдя на сезонную охоту предыдущей зимой, обнаружили их так мало, что им

пришлось забить и съесть тем летом собственных коней, чтобы выжить. Эту веку можно считать датой исчезновения бизонов в краях кайова. С тех пор появление даже одного животного стало событием. – Муни.

* *

Земля в Нью-Мексико сотворена множеством красок. Мальчиком я скакал на лошади по красной, желтой и лиловой земле к западу от пуэбло Химес. Конек мой был низкорослый кауро-чалый, быстрый и легкий ходом. Я скакал меж песчаных дюн, вдоль подошвы мес и скал, по каньонам и арройо. Я хорошо узнал этот край, не так, как знает путник веки видимой дороги, но более верно и чутко, в каждый сезон года, с тысячи углов зрения. Я знаю живое движение лошади и топот копыт. Я знаю, каково августовским или сентябрьским днем въехать в тучу холодного, освежающего дождя.

по ряду обмазанным жиром бизоньих черепов

XX

Жил однажды человек, у которого была славная охотничья лошадь. Была она вороная, быстроногая и ничего не боялась. Когда пускали ее на врага, она летела по прямой и неслась во всю прыть, а всаднику не нужно было править поводьями. Но беда в том, что человеку тому был ведом страх. Как-то во время атаки он дернул поводья, сбив лошадь с верного пути. Ничего хуже нельзя было придумать. Охотничья лошадь умерла, не снеся позора.

*

В 1861 году у реки Арканзас, что в Канзасе, проводили Солнечную Пляску. В Жертву Тай-ме оставили на привязи в священной палатке саврасую лошадь, уморив ее голодом. Позже в тот год разразилась эпидемия оспы, и старик Гаапиатан принес в Жертву одного из своих лучших коней, великолепного черноухого, дабы его семья и он сам смогли выжить.

* * *

Я часто думаю о старике Таапиатане и его лошади. Думается, что чувством я понимал, как сильно любил он это животное; кажется, я знаю, что творилось в нем: «Если ты подаришь жизнь мне и моим близким, то я подарю тебе жизнь этого черноухого коня».

XXI

Маммедэйти был внуком Гуипаго, и потому все хорошо его знали. Раз от разу Маммедэйти снаряжал упряжку с фургоном и выезжал на равнины. Как-то рано поутру ехал он к Горе Дождей. Было лето, трава стояла высокая, и повсюду перекликались жаворонки. А дело в том, что поверхность равнин была гладкой и видно вдаль далеко-далеко. Никого не было вокруг, лишь раннее утро да земли окрест. И вдруг Маммедэйти что-то услышал. Кто-то ему свистел. Поглядел он и увидел невдалеке над травой головку мальчика. Остановил он коней, сошел с повозки и отправился поглядеть, кто там. Никого и ничего там не было. Долго смотрел он, но там ничего не было.

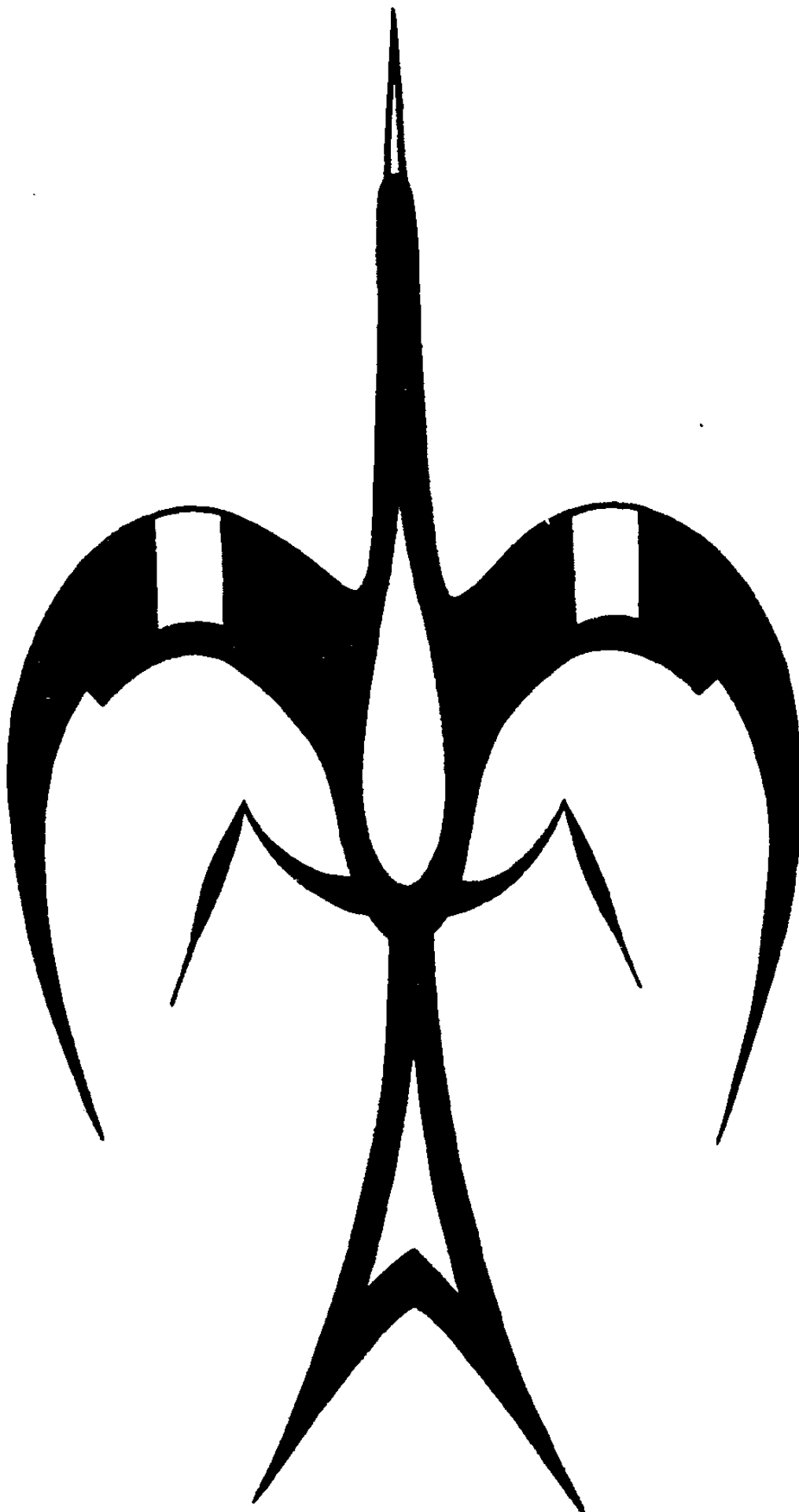
*

Есть только одна фотография Маммедэйти. Он глядит сквозь зрителя и чуть в сторону. В лице его – спокойствие и доброта, сила и ум. Волосы плотно приглашены, а косы длинные и обернуты мехом. На нем фартук, ноговицы с бахромой и бисерные мокасины. В правой руке – пейотистский веер. Семейная особенность – вены на руках резко обозначены, руки маленькие и довольно длинные.

* *

Маммедэйти довелось повидать четыре поистине исключительные вещи. Первой была та головка ребенка, след водяного чудовища – другая. Потом шел он как-то мимо рощи пеканов и увидел на бревне трех маленьких крокодиловых детенышей. Никто никогда прежде не видел такого, и никто – после. Наконец, было еще одно: что-то постоянно беспокоило Маммедэйти, мелкая досада, какая не идет из головы, словно имя на кончике языка. Он

всегда дивился, отчего так бывает, что холмик земли, насыпаемый кротом перед входом в норку, весь из такой мелкой пыли. Она почти столь же мелка, как порох, и кажется просеянной. Однажды Маммедэйти сидел совсем неподвижно, и вдруг крот выглянул из земли. Щеки у него были надуты, словно у белки, заготавливающей орехи. Оглядел он все вокруг, а затем выдул из пасти мелкую, черную землю. Так делал он много раз, пока перед ним не выросло колечко черной, пылеобразной земли. То было зрелище предивное и глубокое. Оно значило, что Маммедэйти обрел сильный талисман.

Поистине исключительные вещи

XXII

Маммедэйти был внуком Гуипаго и потому обычно хранил достоинство. Но, знаете ли, как-то раз и он потерял терпение. Вот как это было: на выгоне паслось несколько лошадей, и Маммедэйти хотел выпустить их наружу. Изгородь шла по кругу, и ворота были только одни. Места внутри было достаточно. Никак ему не удавалось выгнать лошадей вон. Один конь верховодил другими, и каждый раз как их подгоняли к воротам, он поворачивал и изо всех сил мчался обратно. Ну, так продолжалось долго, и Маммедэйти взорвался. Вбежал он в дом, схватил лук со стрелами. Кони скакали цепью, и он выстрелил в главного буяна. Только он промахнулся, а стрела вошла глубоко в шею другой лошади.

*

Зимой с 1852-го на 53-й год юноше из племени поуни, пленнику кайова, удалось бежать. Он увел с собой особенно ценную охотничью лошадь, известную в округе под кличкой Гуадал-тсейу – Малыш Каурый. То было самое памятное событие зимнего года. Потеря такой лошади явилась тяжким испытанием.

* *

Много лет назад в амбаре хранился короб с костями, и я часто ходил поглядеть на них. Позже их, должно быть, кто-то выкрал. То были кости лошади, которую Маммедэйти звал – Малыш Каурый. Был он низкорослым, глядеть-то не на что, рассказывали мне, да только лучший бегун во всем том краю. Белые люди, как и индейцы, издалека приходили, чтобы потягаться, выставив против него лучших своих коней, но тот никогда не проигрывал

скачек. Часто думал я об этой каурой лошади. Порой, казалось мне, я постигал, как может случиться, чтобы один человек пожелал сохранить даже кости коня, а другой – украсть их.

Стрела вошла глубоко в шею

XXIII

Помнился Ахо один случай – дело необычное. Вот как это было. Знаете, укладка Тай-ме не очень крупная, но исполнена большой силы. Однажды Ахо отправилась навестить жену хранителя Тай-ме. Обе уселись рядом, потолковать, как вдруг услышали ужасный грохот – словно упал на пол тяжкий груз или дерево. Испугались они и пошли взглянуть, что бы это могло быть. А то упала наземь укладка с Тай-ме. Никто не знал, как случилось, что Тай-ме упал. Насколько все знали, винить тут было некого.

*

Было время, когда Маммедэйти носил один из амулетов бабки. Он делал это в память своей матери Кеадинекеа – носил амулет на шнурке вокруг шеи. Ахо вспоминала: если кто-либо носивший священный амулет не оказывал ему должного почтения, связка огромной тяжестью ложилась ему на грудь.

* *

У дома моей бабки стоял большой железный котел – рядом с крыльцом, выходившим на юг. Был он огромен и неколебим – или так мне казалось в пору моего детства; я не мог себе представить, чтобы у кого-то хватило сил приподнять его. Не знаю, откуда он взялся; он всегда там стоял. Если его ударить, звенел он как колокол, и долго еще потом кончики пальцев ощущали, как поет черный металл. В котел собирали дождевую воду, в ней мы мыли волосы.

XXIV

Восточнее дома бабки, южнее рощи пеканов, лежит под землей женщина в чудном наряде. Маммедэйти знал ещё, где она лежит, теперь же никто не знает. Если встать на парадном крыльце дома и глядеть на восток в сторону Карнеги, ясно, что женщина находится где-то в поле вашего зрения. Но покой ее безвестен. Она была погребена в длинном ящике, и был на ней удивительный наряд. Как же был он хорош! То было одно из чудных замшевых, украшенное зубами оленя и бисером. Платье все еще там, под землей.

*

Высокие, с отворотами, мокасины Ахо снаружи сделаны из нежнейшей, кремового цвета, кожи. На каждом подъеме – блестящий бисерный диск, восьмиконечная звезда, красным и бледно-синим по белому полю; ленты бисера добавлены у подошв и щиколоток. Клапаны ноговиц – белые и богато расшиты голубым, красным и зеленым, белым и лавандовым бисером.

* *

Восточнее дома бабки солнце поднимается из самой равнины. Раз в жизни, верю я, должен человек задержаться умом на земле былого. Он должен отдаться неповторимому пейзажу, наставившему его на путь, рассмотреть его со множества точек зрения, подивиться и поразмыслить о нем. Он должен представить себе, будто касается его своими руками в каждую пору года и вслушивается в звуки, что раздаются на нем. Он должен вообразить тамошних обитателей и все легчайшие дуновения ветра. Он должен припомнить яркий свет луны, все краски восхода и заката.

Эпилог

13 ноября 1833 года, в первый послеполуночный час, мир, казалось, пришел к концу. Покой ночи внезапно нарушился; в небе вспыхнули слепящие искры света, света такой силы, что люди пробуждались от сна. С густотой ливня по всей Вселенной падали звезды. Некоторые были ярче Венеры, а одна, как говорили, была больше Луны.

Этот ярчайший метеорный дождь занял особое место в памяти племени кайова. Он вошел в число самых ранних событий в календарные летописи и на деле отметил начало хронологического этапа в сознании соплеменников. За год до того Тай-ме был похищен военным отрядом осейджей, и хотя позже он вернулся, утрата фетиша явилась немыслимой потерей, а в 1837 году кайова заключили свой первый договор с Соединенными Штатами. Падучие звезды, казалось, отразили внезапный и жестокий распад древнего порядка вещей.

Да и в самом деле, золотой век кайова был мимолетен – лет девяносто, считая примерно с 1740 года. Культуре этой осталось балансировать еще недолго, приходя в упадок, примерно до 1875 года, а потом уйти в прошлое – и останется крайне мало материальных свидетельств того, что она вообще была.

И все же она жива в пределах памяти, пусть уже непрочной. Более того, она присутствует в удивительно живой и богатой устной традиции, взывающей к сохранению ради себя самой. Живая память и несущая ее устная традиция слились для меня раз и навсегда в образе Ко-сан.

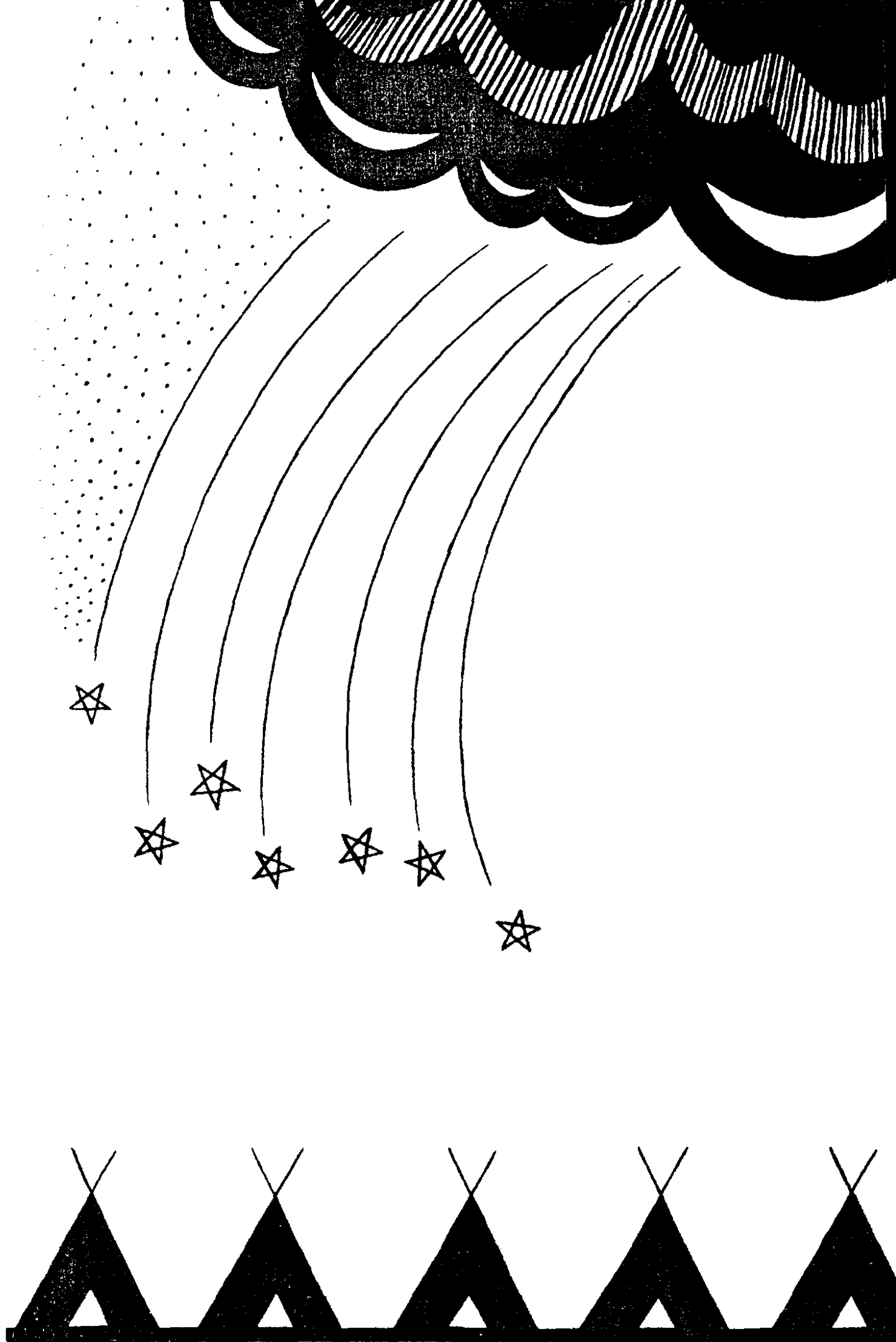
Как-то июльским днем, в полдень, к дому моей бабки пришла столетняя женщина. Ахо уже не было, Маммедэйти умер до моего рождения. Оставалось очень мало кайова, помнивших Пляску Солнца – одной из них и

была Ко-сан. Она была уже взрослой, когда появились на свет мои дед с бабушкой. Тело ее было согбенно, лицо же глубоко избородило время. Ее тонкие белые волосы были схвачены черной вязаной сеткой, хотя она носила и косы; зрячим был лишь один глаз. Одевалась она на манер почтенной дамы кайова, в темное глухого покроя платье, доходившее ей почти до щиколоток, с длинными свободными рукавами и широкой, наподобие фартука, лентой. Она уселась на скамью в палисаднике, так сильно уйдя в толщу лет, что казалась на удивление маленькой. Помолчала какое-то время – может, и задремала, – а потом начала говорить и петь. Рассказывала она о многом, а однажды поведала о Пляске Солнца:

Я и мои сестры были тогда очень маленькими, было это много лет назад. Как-то рано поутру нас пришли будить. С равнины принесли огромного бизона. Все вышли поглядеть на него и помолиться. Слышалось много голосов. Один человек сказал, что палатка уже почти готова. Нам велели идти туда, и кто-то дал мне кусок материи. Он был очень красивый. Тогда я спросила, что мне с ним делать, – и мне сказали, что я должна привязать его к дереву Тай-ме. На этом дереве были и другие куски ткани, и я прикрепила свой.

Когда каркас палатки был готов, начинала петь женщина, а иногда мужчина. Вот так:

*Все приготовлено,
Теперь пусть выйдут четыре союза.
Пусть выйдут и принесут листья,
Ветви к палатке.*

А когда ветви привязаны по своим местам, вновь запевают:

Пусть выйдут юноши.

вперед, юноши, теперь пора нести землю.

Вот юноши подняли крик. Теперь это уже не просто юноши, не всякие, а те, кому возносят молитвы, и одеты они по-особому. Есть там и старая-старая женщина. Она что-то несет на спине. Юноши подходят ближе, поглядеть. На спине у старухи – куль, полный земли. То песчаная почва особого рода. Именно она должна быть в священной палатке. Танцоры должны ступать по песчаной почве. Старуха держит в руках копалку. Вот она повернулась к югу и вытянула губы. Это было похоже на поцелуй. Вот она запела:

Мы внесли землю.

Теперь пришла пора играть;

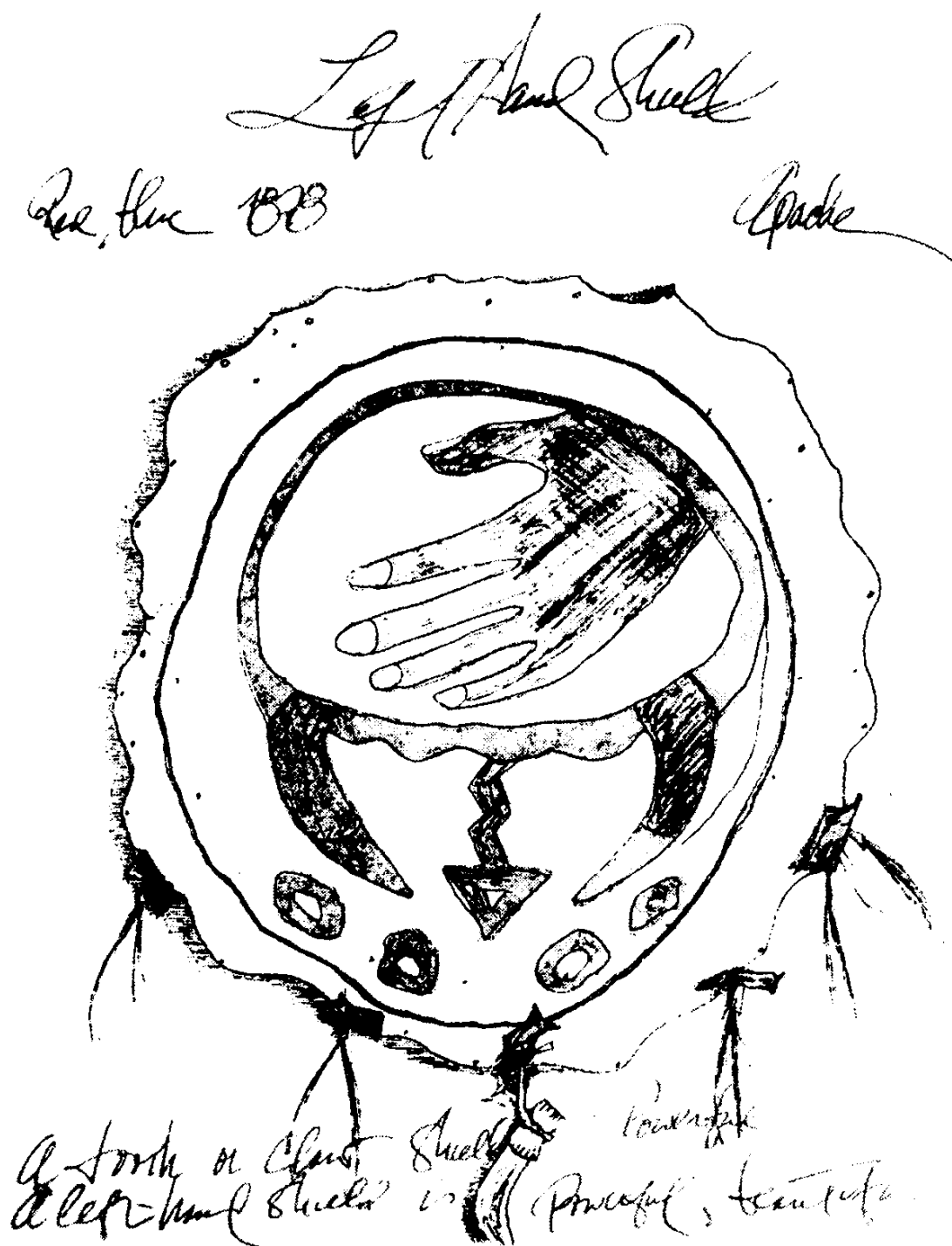
Как я ни стара,

мне по-прежнему хочется играть.

То было начало Пляски Солнца. Танцоры причастились к магии бизона и медленно начали пляску... И весь народ стоял там, все были в праздничных нарядах – прекрасных замшевых одеждах и бусах. На вождях были ожерелья, а подвески их сияли, как солнце. Много было народу, и ах! как это было прекрасно! То было начало Пляски Солнца. Знаете, все это было в честь Тай-ме и произошло давным-давно.

Это – все это и еще многое – было святым обетованным поиском, странствием на пути к Горе Дождей. Вероятно, Ко-сан сама ныне мертва. Временами, в тишине вечеров, кажется мне – она дивилась, гадая, кто же она такая. Становилась ли она в своем вещем сне той носительницей священной земли, а быть может, престарелой женщиной, которой, как ни стара она была, по-прежнему хотелось играть? А мысленным взором своим, временами, не прозревала ли она падучих звезд?

Щит, что станет мною

Щит левой руки

Красный, синий 1878

Апаче

Щит с Зубом или Когтем Могуч.

Щитлевой Руки могуч, красив.

safe being quick. They were coming down & we
 we are going to make for a long time. If we are gone,
 for the moment we must have strong medicine. The kind
 of medicine that works on when we are far from camp.
 Every one said that this was the best of all medicines.

Many said I had medicine. I have the whole thing
 as a gift on my shield. No one could say better
 than that, & so the next day they went on.

Щит орлиного крыла

Стояли они лагерем, и кто-то сказал:

– Долго придётся нам ехать, чтобы одолеть врагов. Сильный нужен нам талисман –
 столь сильный, чтоб действовал вдали от лагеря.

Все безмолвствовали, размышляя над этим. Наконец один мужчина промолвил:

– У меня есть такой талисман. Ведь на своём щите я ношу целиком крыло орла.

Никто не смог сказать лучше, и на другой же день они отправились в путь.

Щит бизоньего хвоста

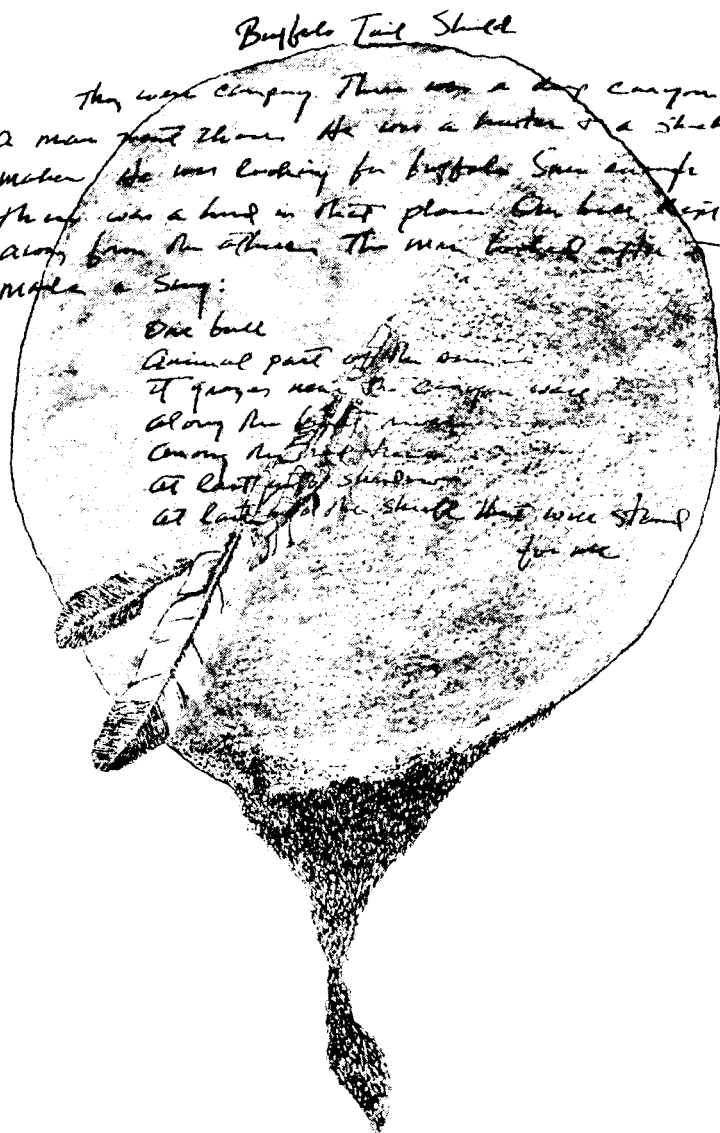
Стояли они лагерем. Там был глубокий каньон, и один человек вошёл в него. Был он охотником и мастером щитов. Он отправился на поиски бизонов. И точно, в том месте нашлось бизонье стадо. Один бык держался поодаль от остальных. Проследив за ним, охотник сложил песню:

Одинокий бык,
зверь — воплощение Солнца,
пасется у стен каньона,
у сверкающих вод речных,
среди бурых стволов.
Наконец-то в обитель духов,
наконец-то на щит,
что станет мною.

Buffalo Tail Shield

They were camping. There was a deep canyon
a man went there. He was a hunter & a shield-
maker. He was looking for buffalo. Saw a single
there was a herd in that place. One bull kept
along from the others. The man looked after it &
made a song:

One bull
Animal part of the sun
It grazes near the canyon wall
Along the light mountain
Among the dark trees
At last the shield that will stand
for me

you know, they were camping in the night - and
 all men full of trouble, wondering if they should
 stop in the day or go on with horse. It was raining
 in the morning at the place called Three Rivers.
 He made a shield for his son, but he was killed
 before he could use it.

To Anna's Horse Shield

Щит рогатой лошади

Знаете, стояли они лагерем, и в ночи один старик поведал о некоем чуде. Давным-давно случилось ему встретить лошадь с рогами. Она мчалась в стаде диких коней в том месте, что зовётся Тремя Ручьями. Он сделал щит для своего сына, но сына его убили и щит пропал.

Star Shield

*Crippled Bear saw a falling star in the Grand Plains
& he placed it on his shield. They say he carried it into
the South of Mexico.*

Звёздный щит

Хромой Медведь увидал упавшую звезду в Меченых Равнинах и поместил её на своём щите. Говорят, он брал его с собой в Южную Мексику.

Many were sleeping, that winter
 in Buffalo had ranged far to the
 west when the cold was not so
 sharp Antelope were for
 as one of the people was saying
 The women for some days had
 them from the men saying they
 kept hidden, saying they they
 they were dead, after a while
 the men spoke of them as being
 as women because the children
 had gone after the women, &
 they had not returned to
 camp. He was looking for
 her. He looked for a long
 time & grew very tired.
 He could not find her. He
 was growing colder & he
 missed the fire when he slept.
 He dreamed she was dead.
 The women of the people were
 concluded. The next day he went
 to look for her. He found her
 in a small hole under the snow.
 She was almost frozen, but he
 saw her & knew that she was
 young & he felt happy. The children
 were nearly frozen, & they came out from the
 hole. When the children came out
 they spoke to the camp. The children came
 out. The Antelope were very
 with their bare hands. The women & the
 time of the North Country. The land of the
 snow. The children were along the
 snow. The children were along the

Antelope Hunting

Щит охоты на антилоп

Стояли они лагерем. Той зимой бизоны откочевали далеко на восток, где холода не
 бывают столь резки. В одной из замерзших долин скопились антилопы. Их видела там
 женщина по имени Кой-эм-тойя. Много дней следила она за ними, боясь, что те
 разбегутся. А потом сын её, Зайде-тали, встревожился, что мать ушла за дровами и не
 вернулась в лагерь. Сын отправился искать её. Он шёл долго и очень устал. В конце концов
 пришлось ему стать на отдых. Холодало, и он разжег костёр. А заснув, увидал сон. Во сне
 явилось ему, что племя одолело голод. Проснувшись наутро, он двинулся дальше. На

пятый день он нашёл свою мать Кой-эм– тойю. Она совсем было замерзла, но, увидав сына, поняла, что всё кончится хорошо. Антилопы тоже совсем замерзли и не могли далеко и резво бежать. Когда Зайде-тали и его мать принесли эту весть в лагерь, охотники пришли и перебили антилоп дубинками. Некоторых брали просто голыми руками. Случилось это давным-давно в северном краю, в Землях кроу. И кроу знают эту историю. У них есть щит, отразивший ту охоту на антилоп.

Вместо послесловия

Из книги Чарльза Вударда «Голос предков. Беседы с Момадэем»

Ч.Вудард: *Какова взаимосвязь между тем, что вы делаете, и традиционной индейской живописью? В качестве предмета Вы используете традиционный материал вроде щитов или кукол-фетишей. Но есть ли и стилевые соответствия?*

Н.Момадэй: Что ж, моя работа, вероятно, вливается в традицию художественного самовыражения американских индейцев, начинающуюся с рисунков в конторских книгах и на шкурах бизонов, и в пределах обозримого времени, доходящую до наших дней. Думается, что меня можно представить в этой протяженности, хотя это, быть может, и не объяснит моего искусства в его частностях. Но – да, я вижу сходство. Мой отец был индейским художником-традиционалистом, и темы его работ были индейскими. Он писал и рисовал персонажей, связанных с пейотизмом, и охотников на бизонов, делал разного рода мистические композиции. Я думаю, он прямо «выходит» из предшествовавшей художественной традиции кайова; и в определенном смысле, особенно в том, что касается сюжетов, я иду по его стопам. Так что – преемственность налицо.

Ч.Вудард: *Изображения щитов тесно связаны с Вашим литературным творчеством, не так ли?*

Н.Момадэй: Очень тесно. Я уже несколько лет думал о том, чтобы нарисовать щиты или создать рисунки щитов для иллюстраций к собранию или сборнику чего-то вроде стихотворений в прозе – за неимением другого термина. Каждое – небольшая история щита и сам щит в картине или рисунке. Мне кажется, это будет нетрудно сделать. Я могу создавать тексты такого рода довольно быстро и весьма быстро рисовать или писать щиты: так что пришла пора перестать думать, а просто сделать это.

Ч.Вудард: *Почему именно щиты и стихотворения в прозе?*

Н.Момадэй: И то и другое я делаю хорошо. Щиты приковывают меня к себе. Это – флаги. Личные флаги. Моя первая выставка в 1979 году была собранием картин с изображением щитов. Я был просто заморожен щитами. Я повидал немало щитов степных племен и фотографировал их. А многие из них я вообразил. Мне они кажутся превосходным средством индивидуального самовыражения. Они – наподобие гербов, но более личного характера. Они индивидуальны и полны магии. Они заявляют о себе. Щит говорит от имени своего владельца, и тот обязан жить по заданному кредо. Это – чудесное символическое выражение личного идеала. Так что я хочу сделать книгу щитов. И это будет, как я уже сказал, сборник очень коротких историй-квинтэссенций: каждая в пассаж длиной, каждая описывает конкретный щит и его смысл или рассказывает его историю. С каждым из этих вербальных равенств я хочу сочетать щит – рисованный, соответствующий рассказу.

Ч.Вудард: *Каждый щит будет представлять отдельную личность?*

Н.Момадэй: Да. Каждый – личная история.

Ч.Вудард: *Как же Вы при этом действуете? Сочиняете для этого героев?*

Н.Момадэй: Да. Два-три случая касаются реальных людей и конкретных щитов, но я предвижу, что большинство щитов будет продуктом чистого воображения.

Ч.Вудард: *Вы создаете героя, а затем щит, который ему соответствует?*

Н.Момадэй: Или наоборот. И я представляю книгу, которая будет выполнена в подарочном издании – может быть, выйдет ограниченным тиражом. Она должна быть красивой. Я думаю о ней как о декоративно красивой.

Ч.Вудард: *Что-то вроде «Странствий Тай-ме», Вашей первой книги?*

Н.Момадэй: Верно. Пора мне вернуться опять к чему-то подобному, принимая во внимание мой интерес к изобразительному искусству в той же мере, как и к литературе. Мне кажется, это идеальный путь – соединить оба плана вместе.

В присутствии солнца

Собрание щитов

История Хорошо Сделанного Щита

На рассвете, прежде чем умереть, орёл широко облетает землю кругами, приближаясь постепенно к земле, месту первотворения. Ветра нет, но в воздухе нарастает рокот. Он схож с ветром, но всё же не ветер – он много могущественней.

Слово о Степном Щите

*Ойяте авикахипи кип хихан льоу васлахи эль васину уан бле чейяпи си Джек Кэрриган киси мазопайе юхати ка хи **щит Сидящего Быка** киу хи опетон.*

Мистер Один Бык говорит, что сможет нарисовать этот щит. Пожалуйста, пришлите ему бумагу и краски. Цвет зеленой травы, темно-синий, коричнево-алый. Да, Прыгающий Бык, отец Сидящего Быка, подарил ему этот щит и дал имя Сидящего Быка. Прыгающий Бык сделал этот щит согласно вещему сну. Когда Сидящий Бык носит этот щит, он определенным образом раскрашивает своего коня. Да, это отец научил его такой раскраске. Когда получают щит, нельзя лгать и замышлять зло. Нарушителя ждет рана или гибель. Когда род Сидящего Быка привели в агентство Стоящей Скалы, белый человек из лавки Джека Кэрригана по имени Билли (Уильям–Макнайдер) купил щит Сидящего Быка.

«О Сидящем Быке» Рассказано его племянником по имени Один Бык и записано его племянницей миссис Сесилией Один Бык Браун.

* * *

В основе своей степной щит округлой формы и делается из прочных материалов. Он довольно невелик и легок. Диаметр в 24 дюйма близок обычному. Выделка состоит из шкур и украшений. Толстая кожа высушивается, обретая поразительную прочность. Почти всегда это кожа бизона.

Лишь в ограниченном смысле щит можно считать средством защиты, хотя он, несомненно, достаточно надежен, чтобы отражать не только камни и удары боевой палицы, но и стрелы, и даже дробь и пули огнестрельного оружия, особенно если попадание скользящее. Но прежде всего и самое главное – щит является талисманом.

Степной щит отражает характер степной культуры, известной также под названием конной, или культуры кентавров. Он свидетельствует о жизни кочевого общества и его воинском идеале. Носители щитов были охотниками и бойцами, чей смысл жизни заключался в набегах, взятии пленных и демонстрации выдающейся отваги.

Эстетический аспект степного щита довольно ярко выражен. Это уникальное произведение искусства. Без исключения, украшению подобающего щита уделялось огромное внимание. Искусность отделки многих степных щитов достигла высокого уровня в смысле пропорций, рисунка, симметрии, игры цвета и воображения.

Искусство, присущее степному щиту, соперничает с великолепием конторских рисунков девятнадцатого века, которые, в свою очередь, сравнивались с росписью античных ваз. Это – искусство высокого порядка и неповторимого исполнения.

Щит находится в примечательной взаимосвязи с личностью своего владельца. В самом деле, связь эта столь непосредственна, столь близка, что ее практически невозможно определить. В самом прямом смысле, степной воин и является своим собственным щитом. Это – его личный флаг, реализация его видения и его имя, предмет его святейшего, обета, осязаемое выражение его сокровеннейшего бытия. Принимая щит, он говорит: «Мой щит представляет меня, а я представляю свой щит. Я есмь, и я есмь мой щит!»

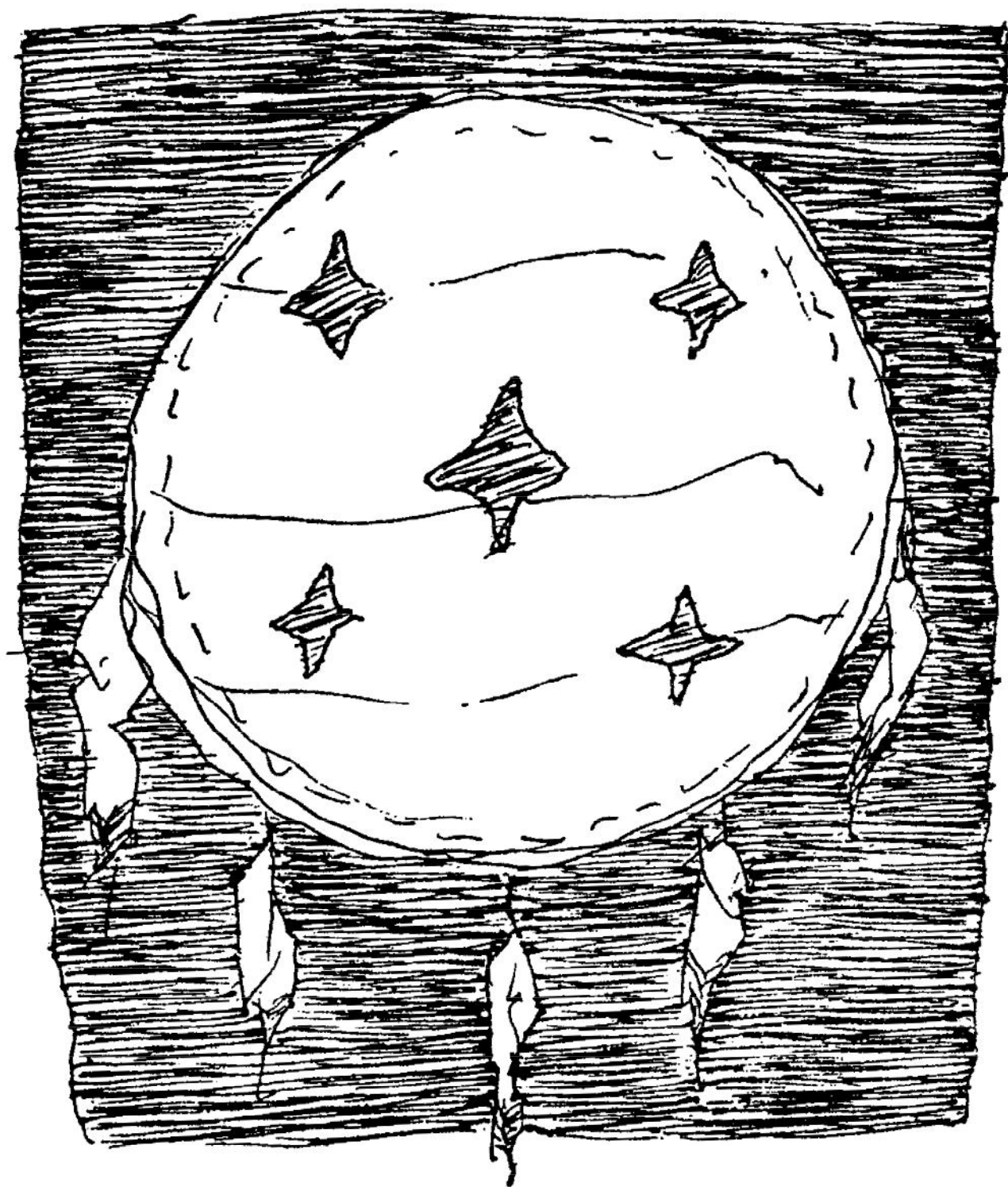
Щит – маска. Маска – внешность, раскрывающая реальность, спрятанную за этой внешностью. Как и другие маски, щит вещает о священной истине. Он – то, что ты видишь, верит степной воин. Щит выражает твою собственную сущность, как и мою, – говорит он. Щит раскрывает тебе существо твоей личности. Он чарует, пугает, обезоруживает, оставляет беззащитным. Узри мой щит, и вот ты уже опутан, или трансформирован, быть может, – одухотворен сверх пределов своего воображения. Ничто уже не останется для тебя прежним, ибо ты вступил в поле действия моей силы. О, враг мой! Узри мой щит!

Щит переплетен со словом, с рассказом. Щит и является своим собственным словом. Когда щит раскрывают для других, это означает: вот, перед вами моя история. Войдите в нее и подвергнитесь сотворению. Эта история расскажет о вашем истинном существе.

Щиты этого собрания пребывают в наивысшей степени в стихии языка, и они напрямую относятся к историям, песням, заклинаниям, заговорам и молитвам, составляющим устную традицию коренных американцев. Перед вами – шестнадцать щитов, число глубоко символичное, ибо оно кратно священной четверке. Вместе число щитов составляет четырежды по четыре.

И щиты – это медитации, составляющие жизненный цикл. Истории, начертанные на щитах, предназначены для передачи вслух: самому себе, слушателю или аудитории – по одной в день, на протяжении шестнадцати последующих дней, в течение которых на четвертый, восьмой, двенадцатый и шестнадцатый сказитель и слушатели могут совершать посты для оздоровления тела и очищения духа. Истории следует рассказывать ранним утром или ближе к вечеру, когда светило стоит низко над горизонтом, и непременно в присутствии Солнца.

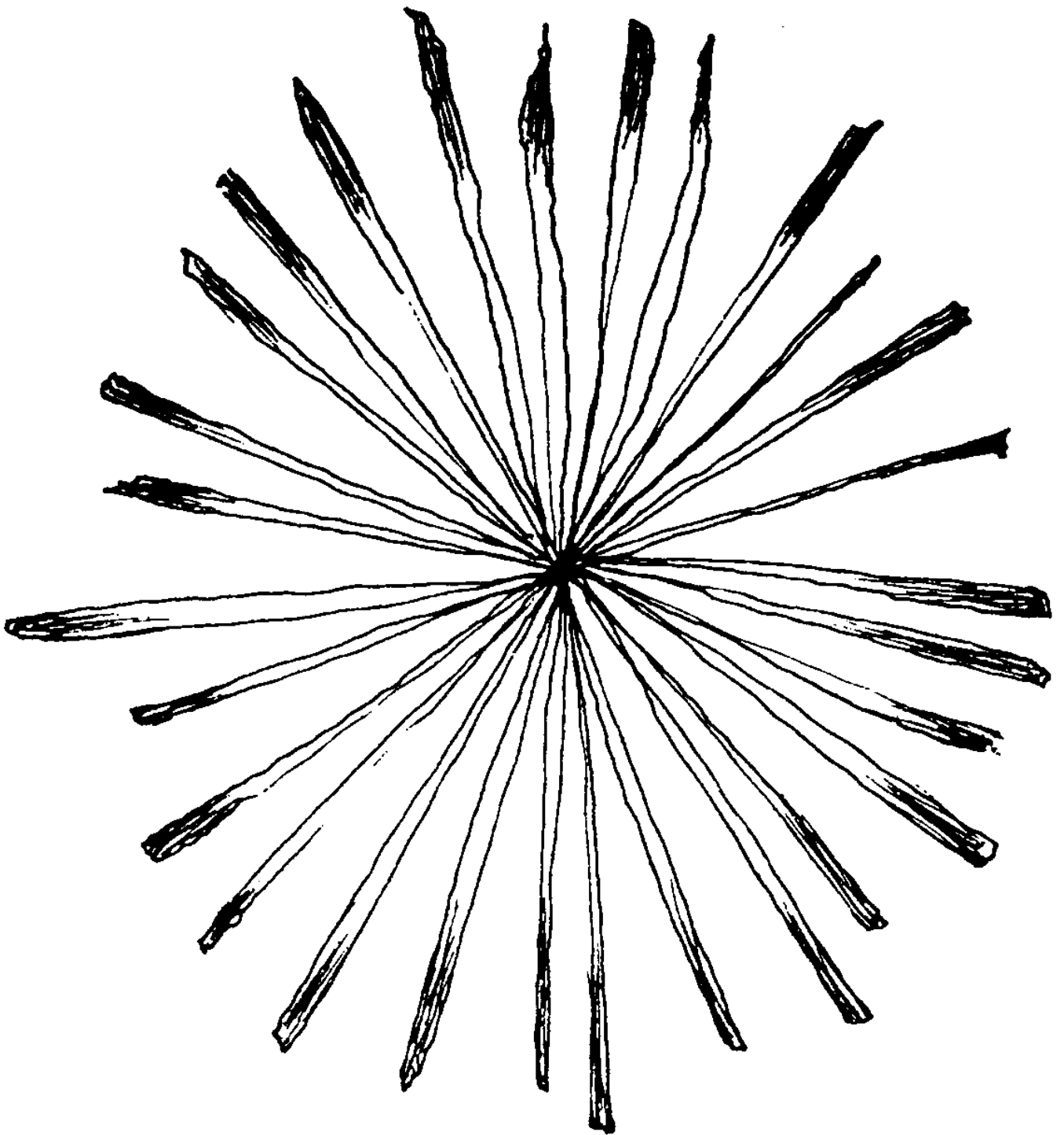
Н.С.М.

Щит потрясенных небес

Зимой 1833 года падали звёзды. В смертельном ужасе люди с воплями метались вокруг и рвали на себе волосы. Лишь один человек, старик Верните Его, не боялся. Когда поднялось смятение, он вышел из своего типи и уселся на землю, скрестив ноги, глядя на сверкающий хаос над головой. Повсюду холодные чёрные зимние небеса пронзали летучие вспышки огня. Казалось, свыше обрушивались мировые своды. Паника нарастала, но старик Верните Его оставался самым собою – пристальным наблюдателем. Заметьте: он вовсе не был невозмутим, но оставался внимателен, восприимчив. После, глядя на сделанный им щит, он сказал жене своей, Голубому Копытцу:

– Я хотел видеть всё целиком, эти потрясённые небеса, и вобрать их в себя. Мои старые глаза просто жаждали этого. Я был столь любопытен, столь захвачен дивом и ужасающим наслаждением – впервые с тех пор, как помню себя ребёнком. Я был словно щенок, гонящийся за бабочками.

Щит, который вернулся

Он Оглядывается испытывал сына своего, Жёлтую Траву.

– Ты должен убить тридцать стрижей и сделать мне веер из их оперенья.

– Я должен сделать весь веер? – спросил Жёлтая Трава. – Должен сделать и бисерное обрамление? – Он никогда прежде не делал вееров.

– Да. Ты должен сделать и бисерное обрамление: синим, чёрным, белым и оранжевым.

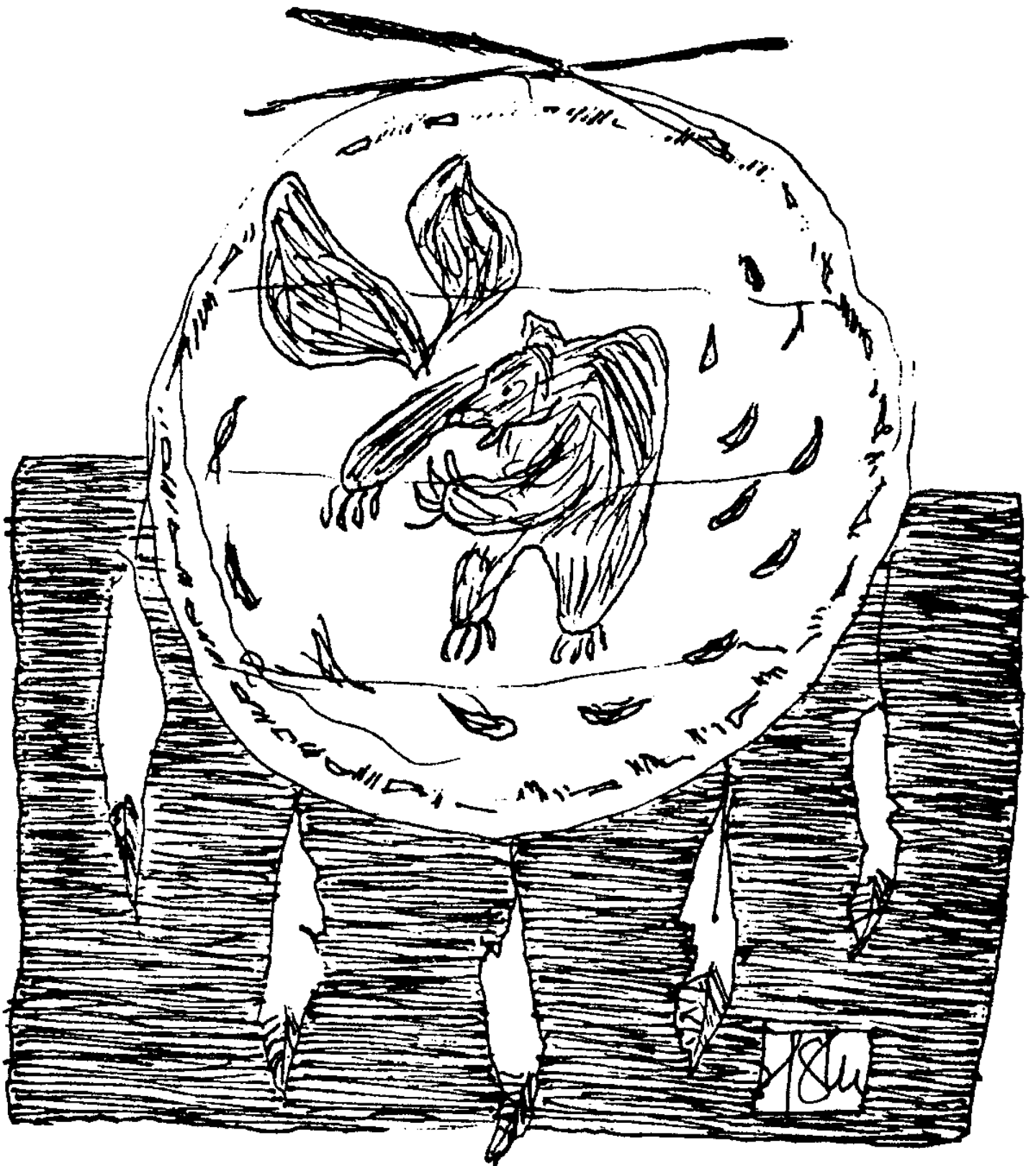
– Таковы цвета на твоём щите, – подтвердил Жёлтая Трава.

Жёлтая Трава волновался, изготавливая веер для своего отца, но когда веер был закончен – то была совершенная, прекрасная вещь. Перья плотно прилегали друг к другу, подобравшись одно к одному, и сияли, подобно радуге. И в то же время их можно было широко развернуть по кругу, словно щит. А рукоять была плотно отделана бисером. Голубой, чёрный, белый и оранжевый бисер блестел при любом освещении. И ещё – с конца рукояти свисала длинная прядь – бахрома из оленьей кожи.

Когда Он Оглядывается увидел веер, то ничего не сказал, но исполнился гордости и восхищения. Потом он ушёл в набег в земли пуэбло и там был убит. После этого Жёлтая Трава отправился к пуэбло и вернул щит отца. Но веер вернуть не удалось.

Когда Жёлтая Трава был уже стар, он сказал внуку своему, Красивой Лошади:

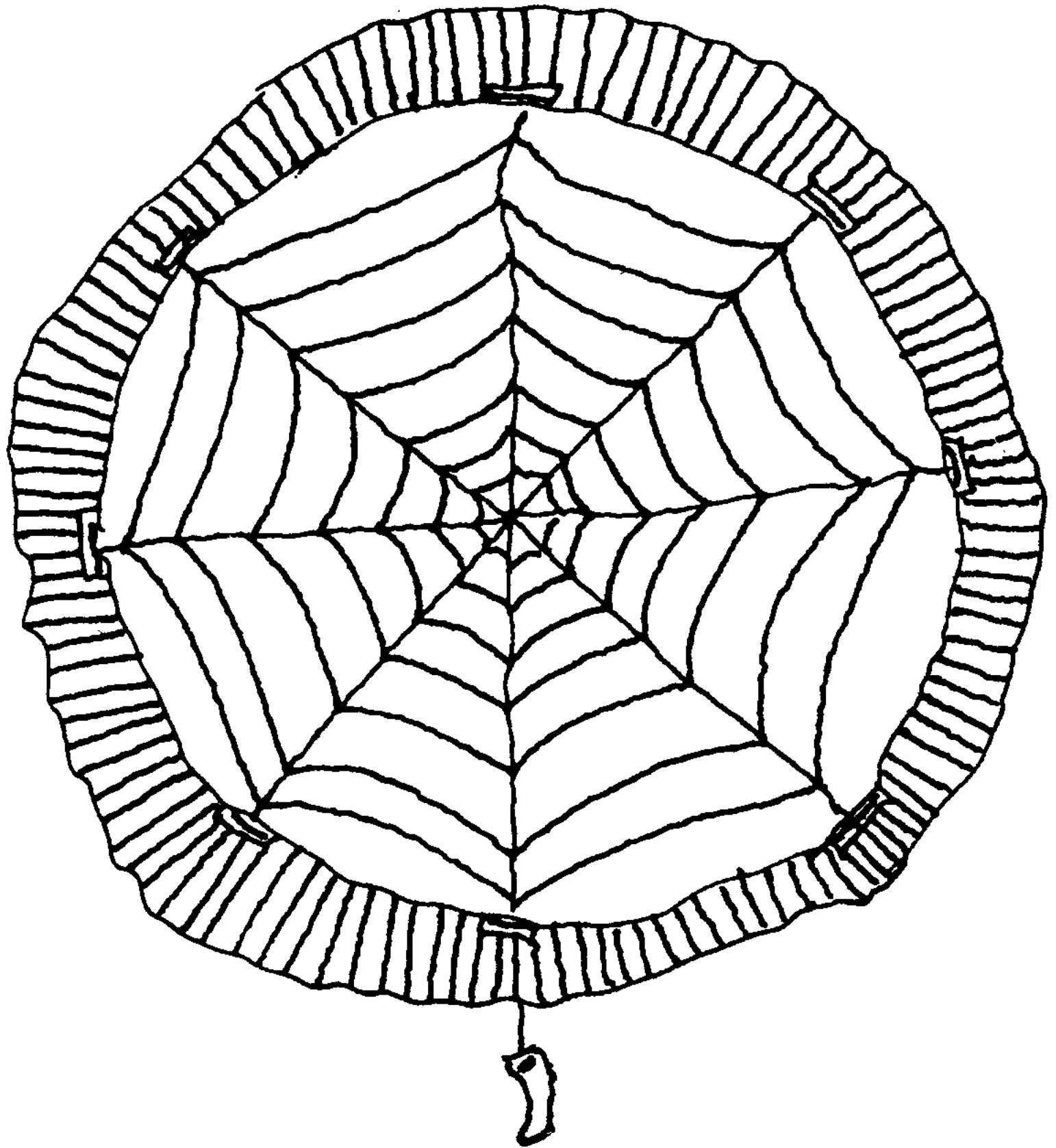
– Видишь, щит оказался сильнее веера, ведь щит вернулся, а веер нет. Некоторые вещи, если они очень сильны, возвращаются. Помни об этом. Так нам, в нашем стойбище, видится мир.

Щит кружащихся перьев

Когда Гай-тали был ещё мальчиком и только учился охотиться, он увидел чудесный сон. На склоне горы возник огромный медведь. Он долго стоял неподвижно, ожидая в тени высокого гребня скал, на самой грани лесного пояса. Потом на гребень упала тень, и медведь вдруг подался назад и схватил когтями в воздухе орла. На миг воцарилось ужасное неистовство. Потом опять тишина, и только тёмные перья закружились и запорхали в лёгком вихре.

Гай-тали поведал мастеру Много Сорок о том, какой щит ему нужен, и тот сделал его в согласии с этим сном. Гай-тали много раз ходил в набеги в Мексику и брал с собой этот щит. Говорят, щит Гай-тали широко известен за Льяно Эстакадо.

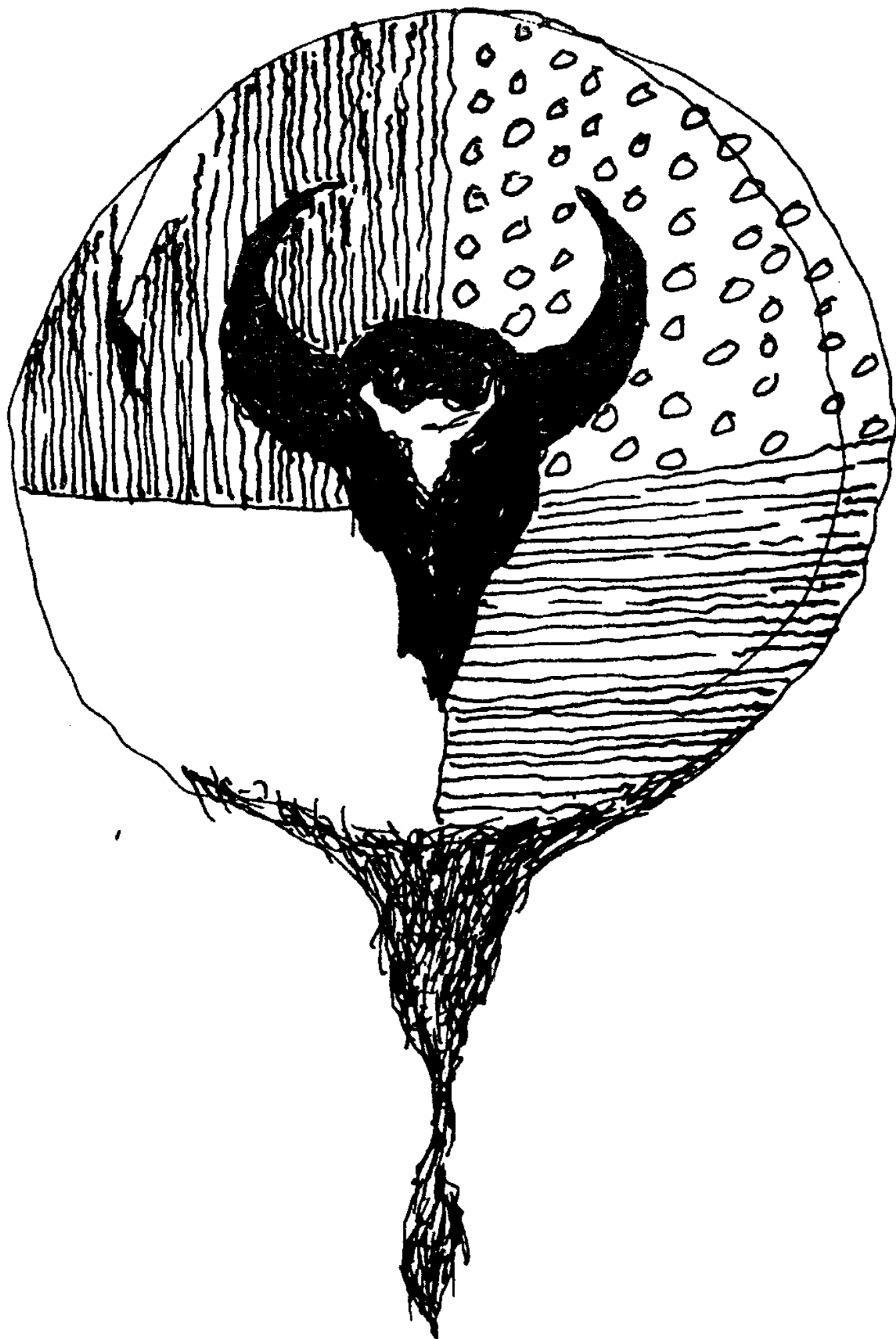
Щит бот-тали

Бот-Тали встретил Паучиху. Рано утром пошёл он купаться. А когда добрался до берега, взглянул перед собою вверх, на солнце. Там, прямо перед глазами, висела паутина. То был светящийся сверкающий щит. Бот-тали долго глядел на него. Щит был так прекрасен, что хотелось заплакать. Ему стало любопытно, так ли он прочен, как красив. Он стал плескать на щит водой полными пригоршнями, снова и снова, но тот оставался цел и лишь блестел ещё сильнее.

Потом в лучах солнца на паутине явился паук.

– Паучиха, – сказал Бот-тали, – подари мне этот совершенный щит!

– Бот-тали, – сказала Паучиха, – вот тебе щит.

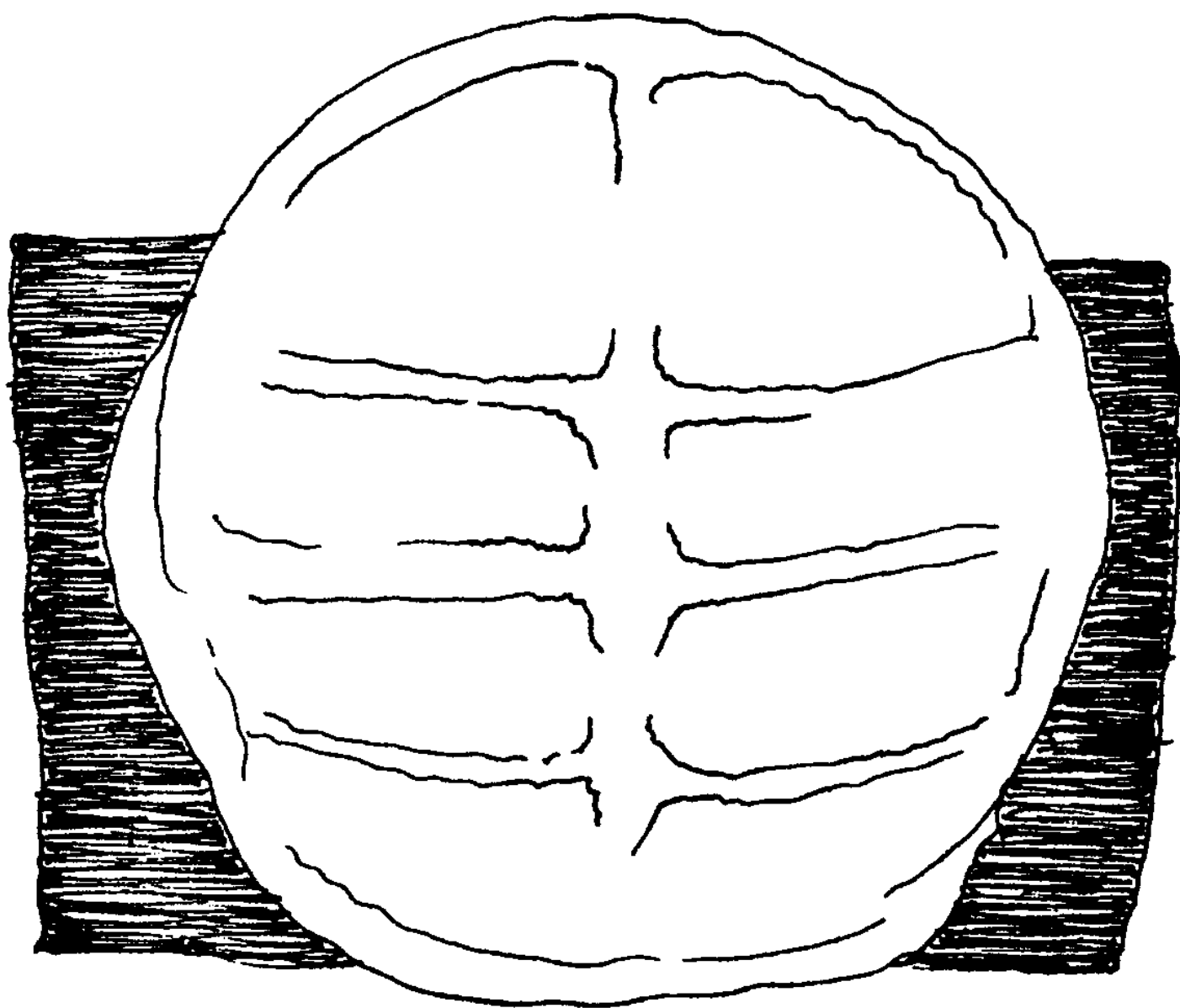
Щит солнечной пляски

Давным-давно, когда собаки могли разговаривать, Пылающий Юноша привёл в дом женщину из земель кроу. Была она стройной и сильной, и звали её – Чалая Кобылица. Пылающий Юноша рассказал отцу, что во сне пёс описал ему облик этой женщины и поведал, как её найти: она станет ему доброй женой.

Среди вещей Чалой Кобылицы был щит, принадлежавший её прежнему мужу, который умер у Голубых Лугов. То был щит Пляски Солнца, и отец Пылающего Юноши поместил его в обрядовом типи вместе с самыми сильными талисманами племени.

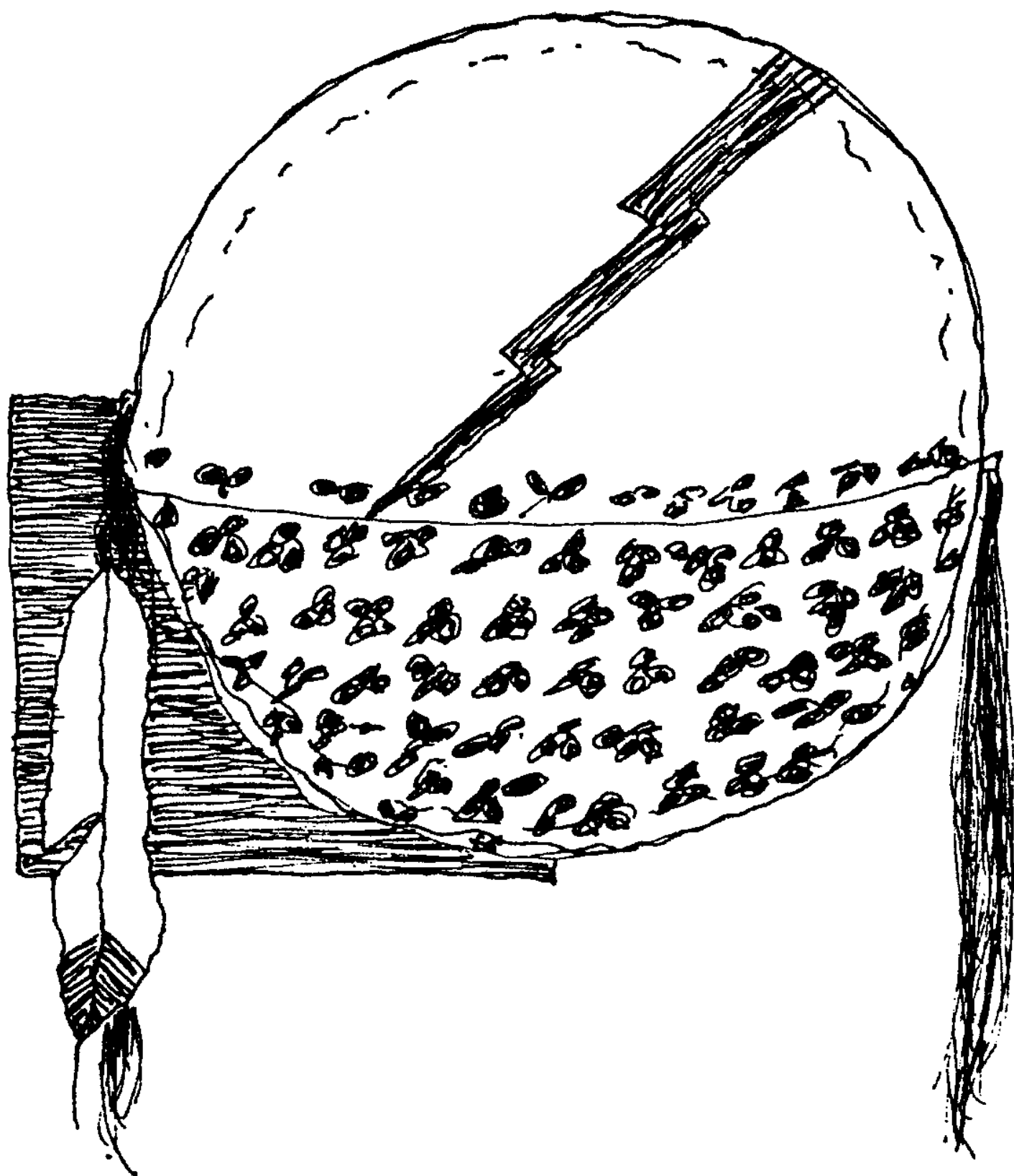
Женщина по имени Чалая Кобылица прожила долгую Жизнь. Её очень любили и почитали в стойбище Пылающего Юноши.

А щит все могли повидать ежегодно во время Солнечной Пляски.

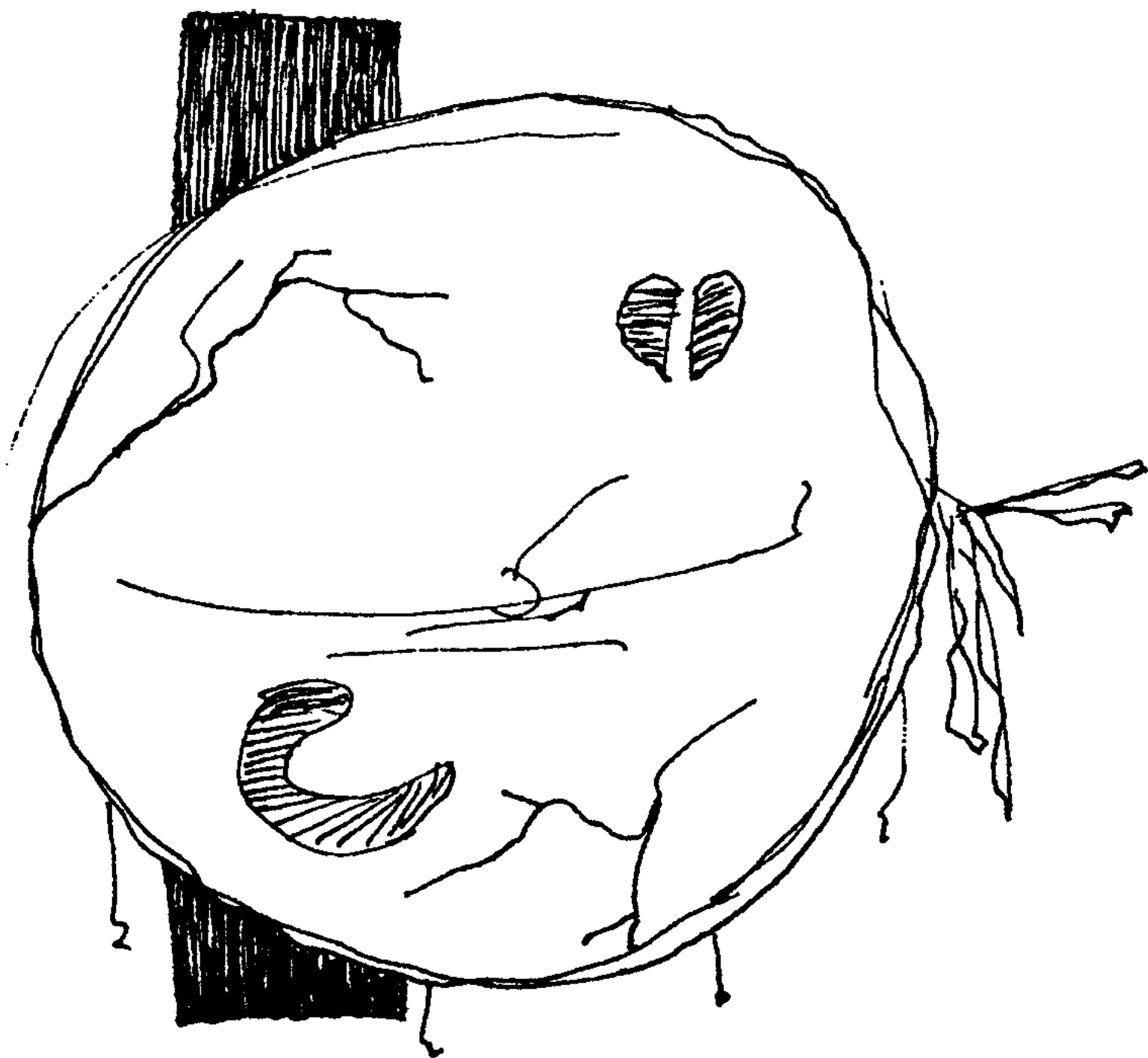
Самый заурядный щит

Акеа-де. Стояли они лагерем у Форта Бент. Был там человек, чья правая рука до кисти не повиновалась ему. Звали его Воронья Шея, и получил он рану в битве с ютами. Он едва не расстался с Жизнью. Как до, так и после битвы нашлись такие, кто укорял его, что он не раскрасил своего щита. «Это слабый щит, – говорили они. – В конце концов, он не спас тебя от увечья. Если бы ты раскрасил щит как должно, ты, конечно, владел бы по-прежнему своей рукой и кистью». Но Воронья Шея лишь пожимал плечами, отвечая: «А мне кажется, что щит мой спас мне жизнь. Отныне я буду носить его именно таким». Прежде он носил щит на левой руке. Теперь он подвешивал его на ремне с правого плеча, и тот скрывал мёртвую конечность. Подвешенный таким образом, щит смущал его врагов. И всё же сама по себе то была вещь, не привлекавшая внимания. Это был самый заурядный щит.

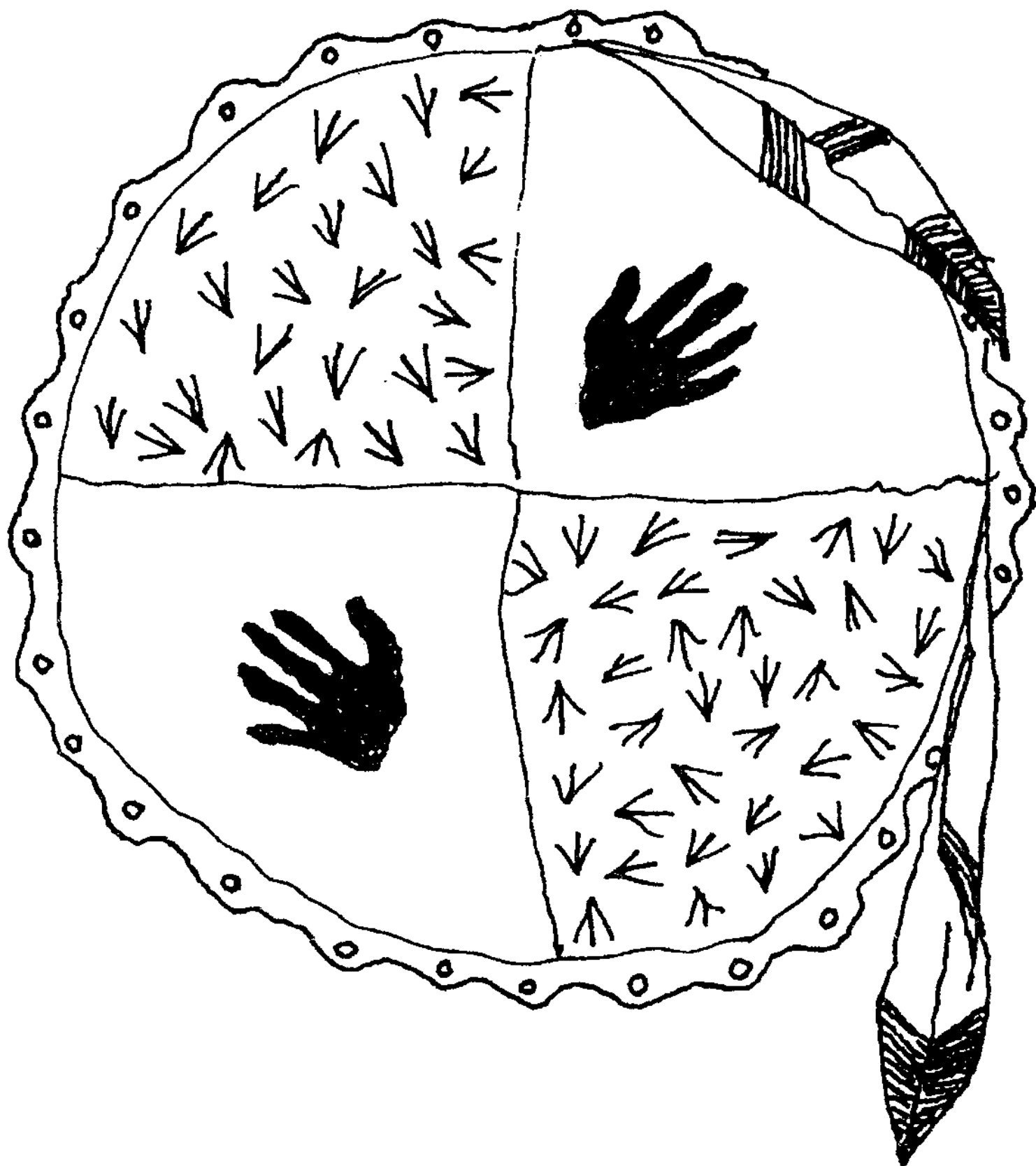
Щит васильковой поры

В то лето они похитили ребёнка, которого звали Кристиан, далеко на юго-востоке, среди широких васильковых лугов. Луга были больше всех встреченных военным отрядом прежде. Человека, приведшего с собой Кристиана, звали Мас-о-меносом, он сам когда-то был пленником. Мас-о-менос воспитал Кристиана как собственного сына и сделал ему щит из конских шкур, с длинными прядями конского волоса, прикреплёнными к нему. То был подобающий щит: на нем ярко расцвёл зигзаг молнии, бьющей в васильковый луг; и все восхищались им. Кристиан владел им всю жизнь, но не прожил дольше приёмного отца. Щит погребли вместе с Мас-о-меносом в 1922 году. Говорят, умирая, Мас-о-менос крепко прижимал к себе щит, обещая в целости передать его своему любимому сыну Кристиану.

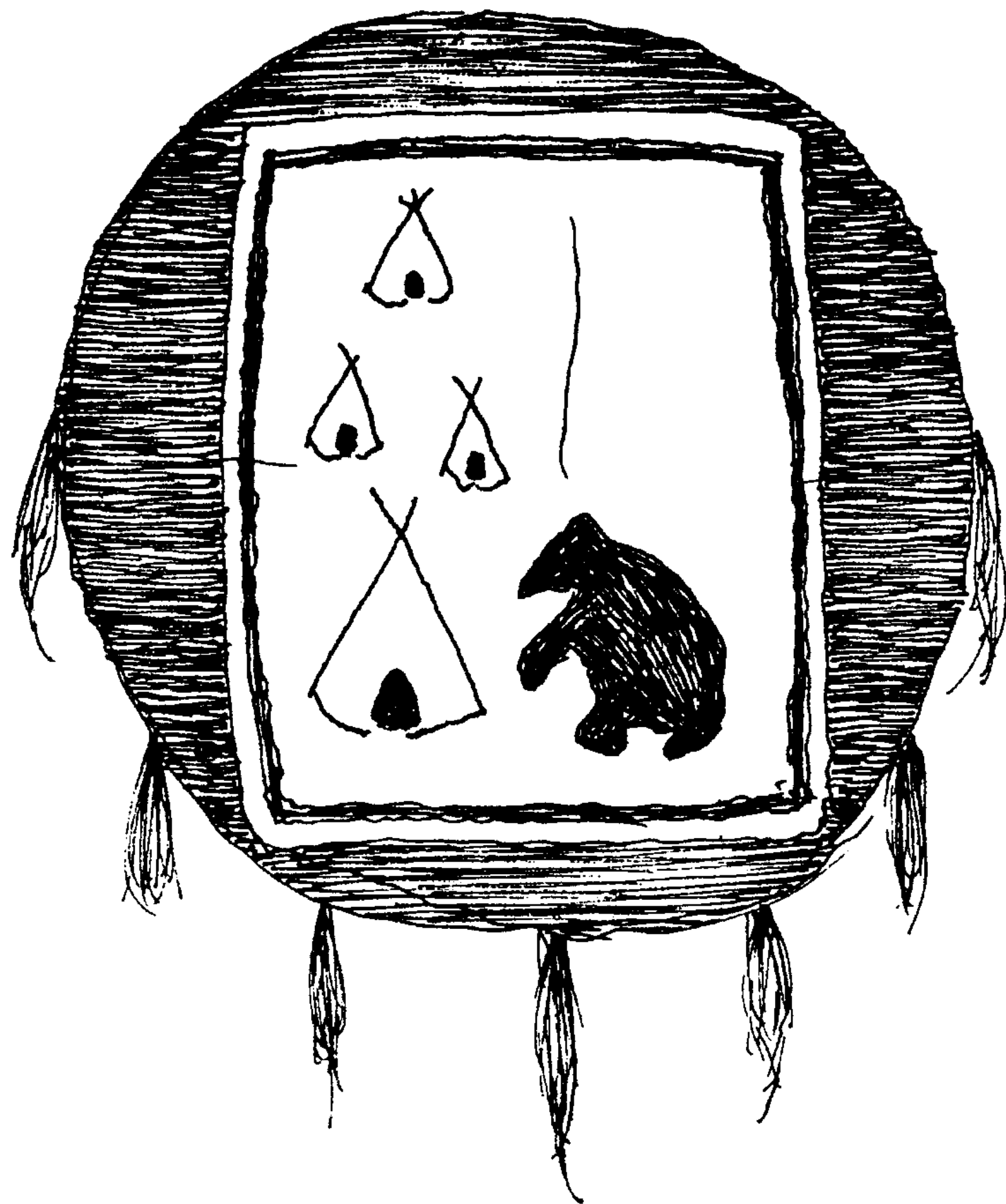
Щит, о котором чем меньше сказать, тем лучше

Один человек – имя его не имеет значения – был владельцем щита. Щит был его семейным достоянием. Внук этого человека отправился со щитом в бой у Пахучего Ручья и был убит. Солдаты забрали щит с собой. Несколько лет назад старик Красный Рог выкупил этот щит в лавке белых людей в Клинтоне, Оклахома, за семнадцать долларов. Щит и стоил семнадцать долларов – более или менее.

Щит, который умер

Жил человек, чей щит составляли ива, конские кожи, перья да краски. Дивными были украшения: на белом поле – отпечатки ног ящериц, а на синем – кисти врагов. Однажды этот человек, отправившись на запад, взял щит с собой. Он сказал, будто едет на охоту. Но когда вернулся – он появился в лагере без своего щита. Никто не решался прямо спросить его, что случилось со щитом. Но все полагали, что он утратил его по малодушию: перед лицом смерти бросил щит и бежал. Человек этот дожил до глубокой старости, и никто так и не узнал правды о щите. Люди глядели на человека с печалью и сомнением, а гостям они говорили, что щит его умер.

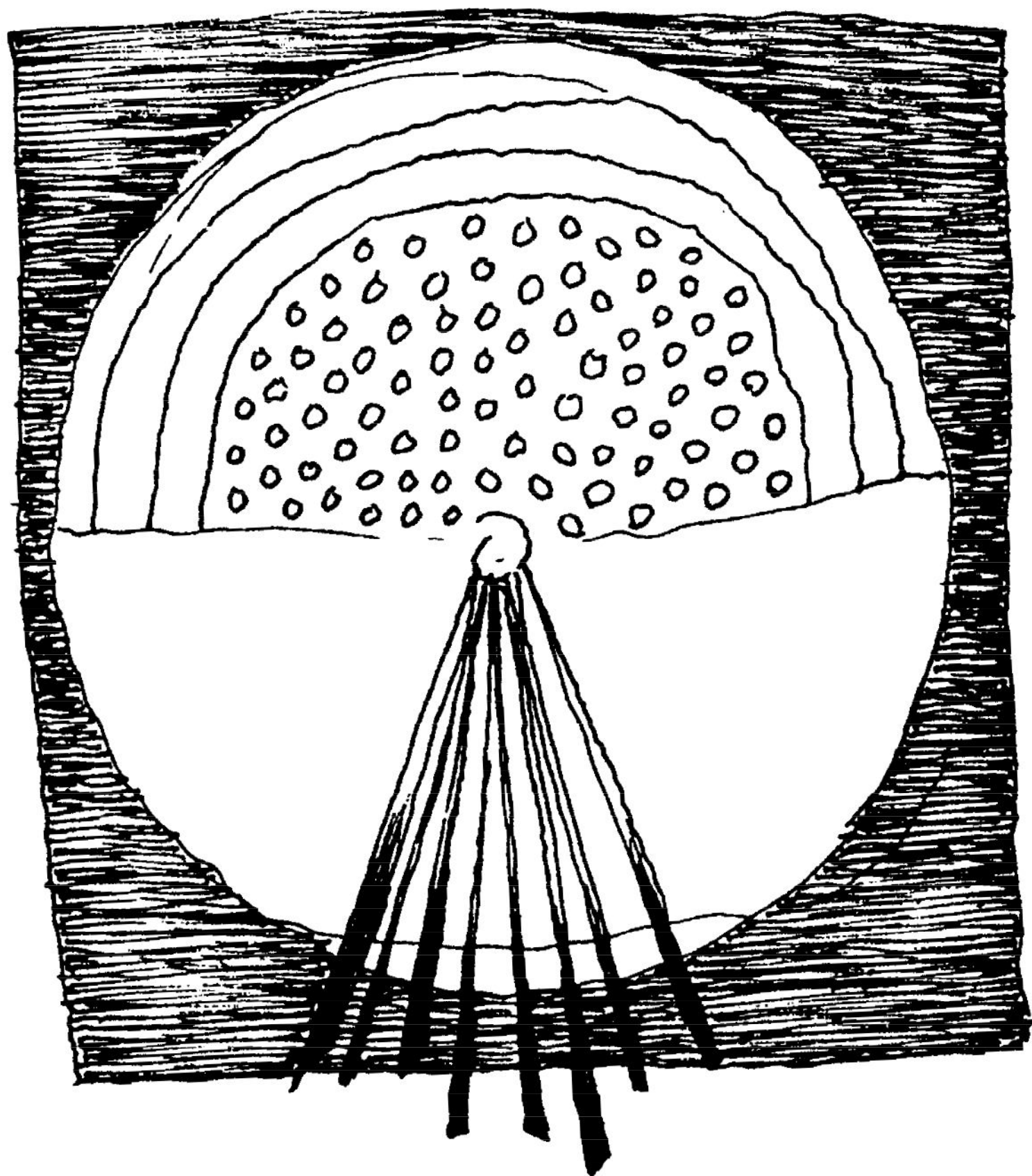

Щит бродящего медведя

Тем летом было много ягод. Люди стояли лагерем в Чёрных Холмах. Ах, поглядеть бы вам на те лагеря! Они были куда лучше, сверкали ярче камешков горного ручья на солнце.

В те дни повсюду водились медведи. Один из них явился и стал бродить среди палаток. Ясное дело – будь всё, как обычно, мужчины убили бы медведя. Но этот медведь не боялся. Он явно не испытывал голода, ведь в холмах было изобилие ягод, однако он пришёл в лагерь и не распугал людей. Он бродил вокруг типи, стоявших по кругу, и Задержался у палатки Идущей Выдры. Все до одного видели это и каждый был глубоко изумлён.

Когда Жена Идущей Выдры родила мальчика, Идущая Выдра сделал щит для него – могучий медвежий щит. Сетмаунт, Бродящий Медведь, сын Идущей Выдры, носил щит с собою повсюду, где ни бывал.

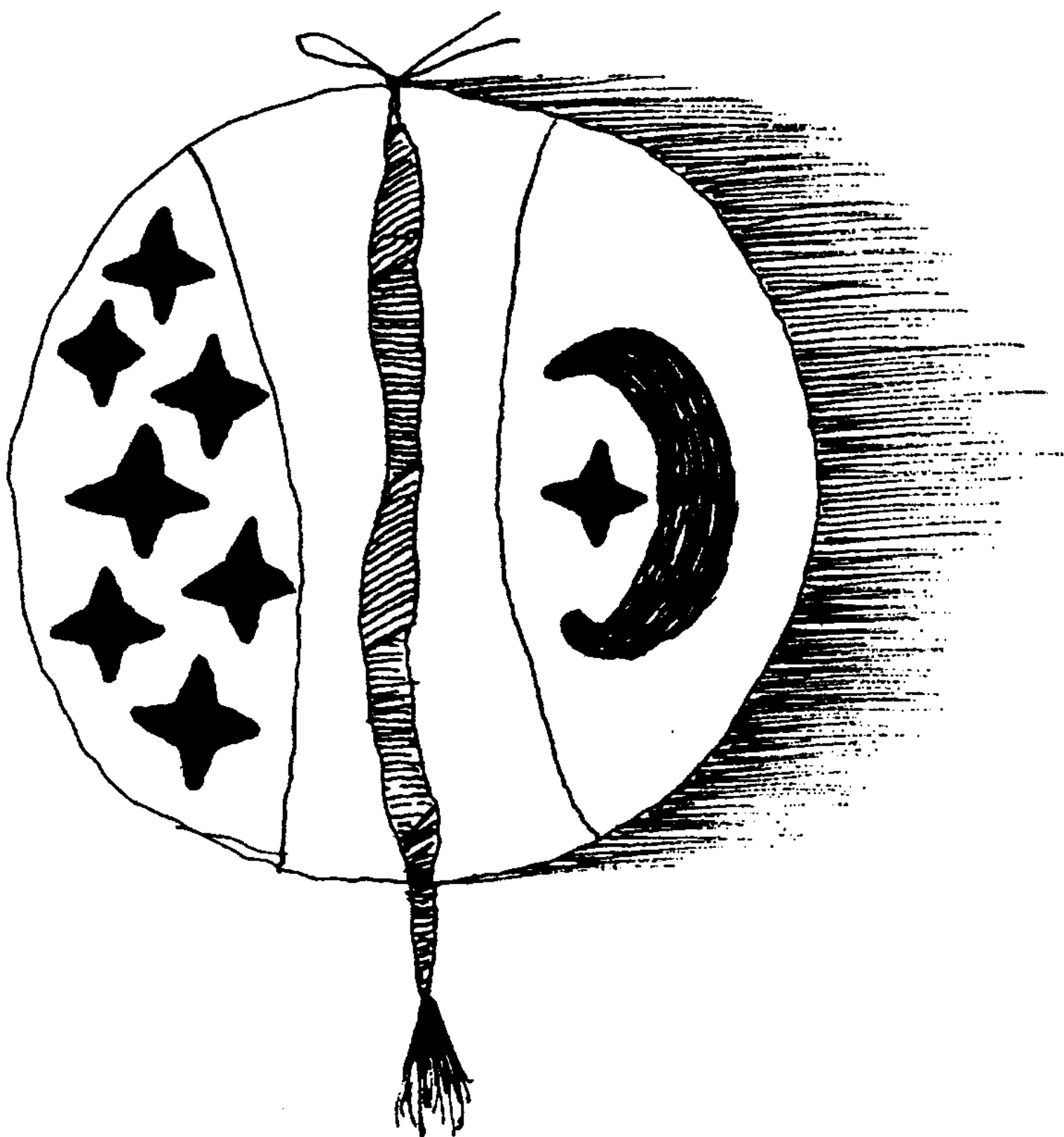
Щит брата Паи-матоне

Маленького мальчика, захваченного в плен в Техасе, воспитали в семье Малого Котла. Его звали Элайя, но людям не понравилось это имя, ибо его трудно было произносить. Поэтому мальчика нарекли Братом Паи-матоне. Паи-матоне в семье Малого Котла была очень красивой молодой женщиной.

Когда Брат Паи-матоне подрос и стал юношей, он увидел однажды необычную вещь: в северной части небес, почти горизонтально, над рекой Смоук-Хилл, простерлась радуга. И один из цветов её был лиловым, того же цвета, что и каньоны к востоку от Меченых Равнин. Юноша рассказал Паи-матоне об увиденном.

– Сестра моя, – сказал он, – я хочу увидеть этот цвет на своём щите.

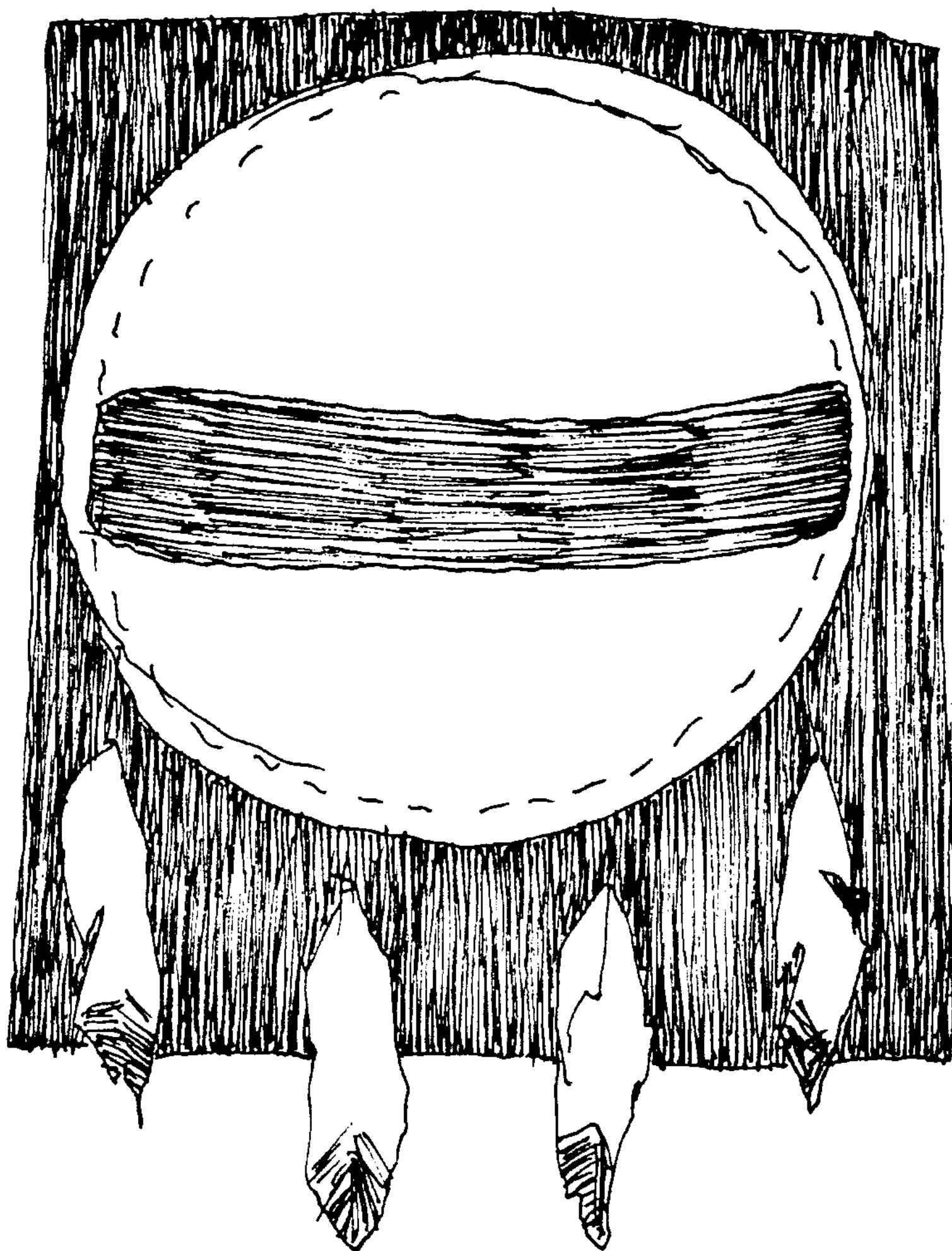
Долго искала там и сям этот цвет Паи-матоне и, наконец, нашла на глинистых берегах реки Смоук– Хилл. Там-то и была погребена радуга.

Щит, которого коснулись прекрасные уста

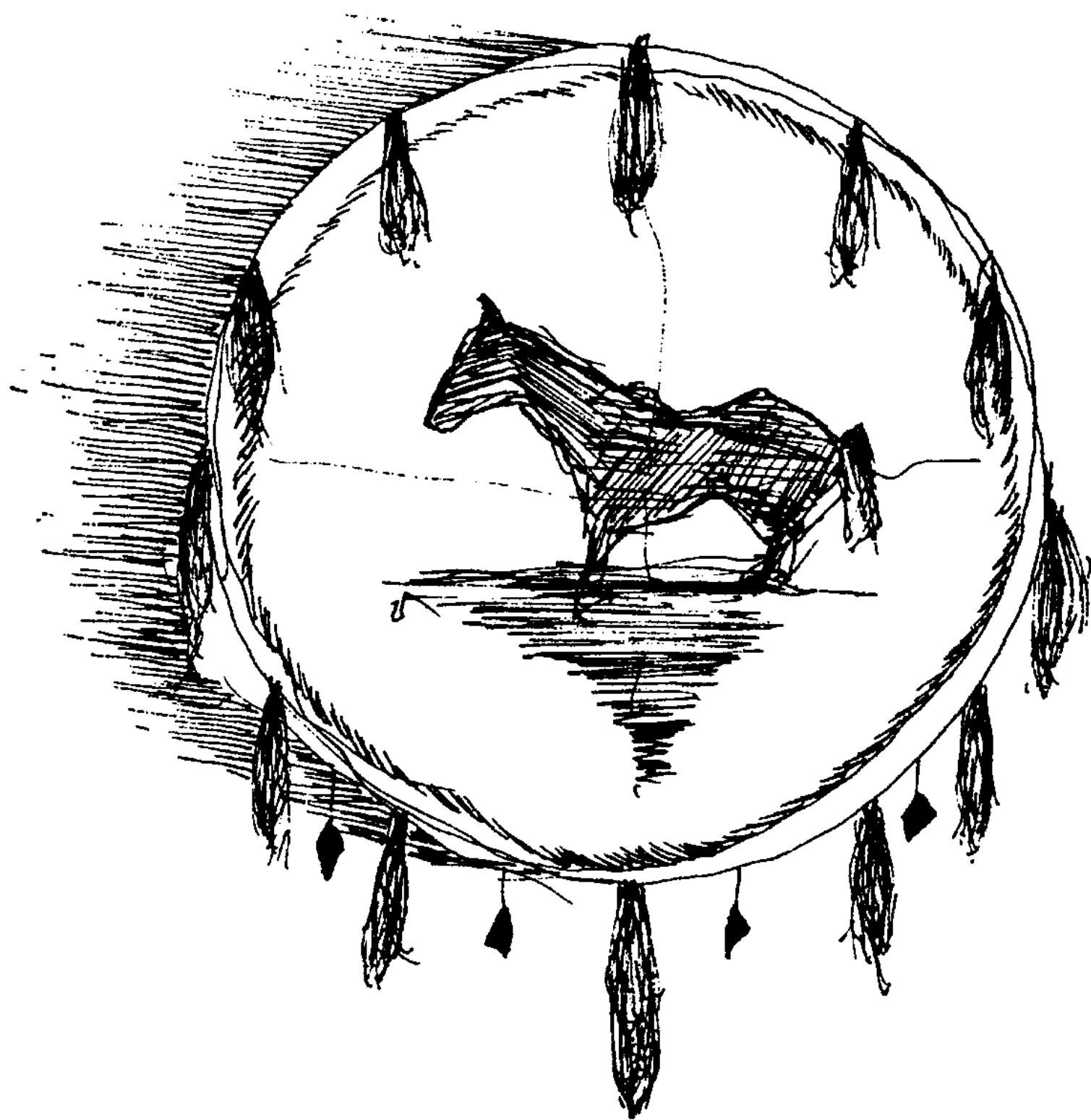
Водомерка был сыном Согбенной Спины и, как и его отец, – горбат от рождения. Он не мог стоять прямо, а был всегда согнут, как ветка можжевельника. В пору яркой луны он бродил одиноко у реки, горюя о смерти девушки Прекрасные Уста, затоптанной лошадьми. К реке пришли враги, но Водомерка, напугав, обратил их в бегство своим щитом и добыл два лучших ружья. Щит его был изготовлен юношей-мастером по имени Много Сорок.

Ночной порой по залитой лунным светом воде девушка по имени Прекрасные Уста явилась Водомерке. Она была прекрасна и непередаваемо грациозна. Ее податливое тело изгибалось и сияло, как луна. Плавнo приближаясь по берегу, она встала рядом с Водомеркой. Протянув руку, она коснулась щита. И тут горю Водомерки пришёл конец.

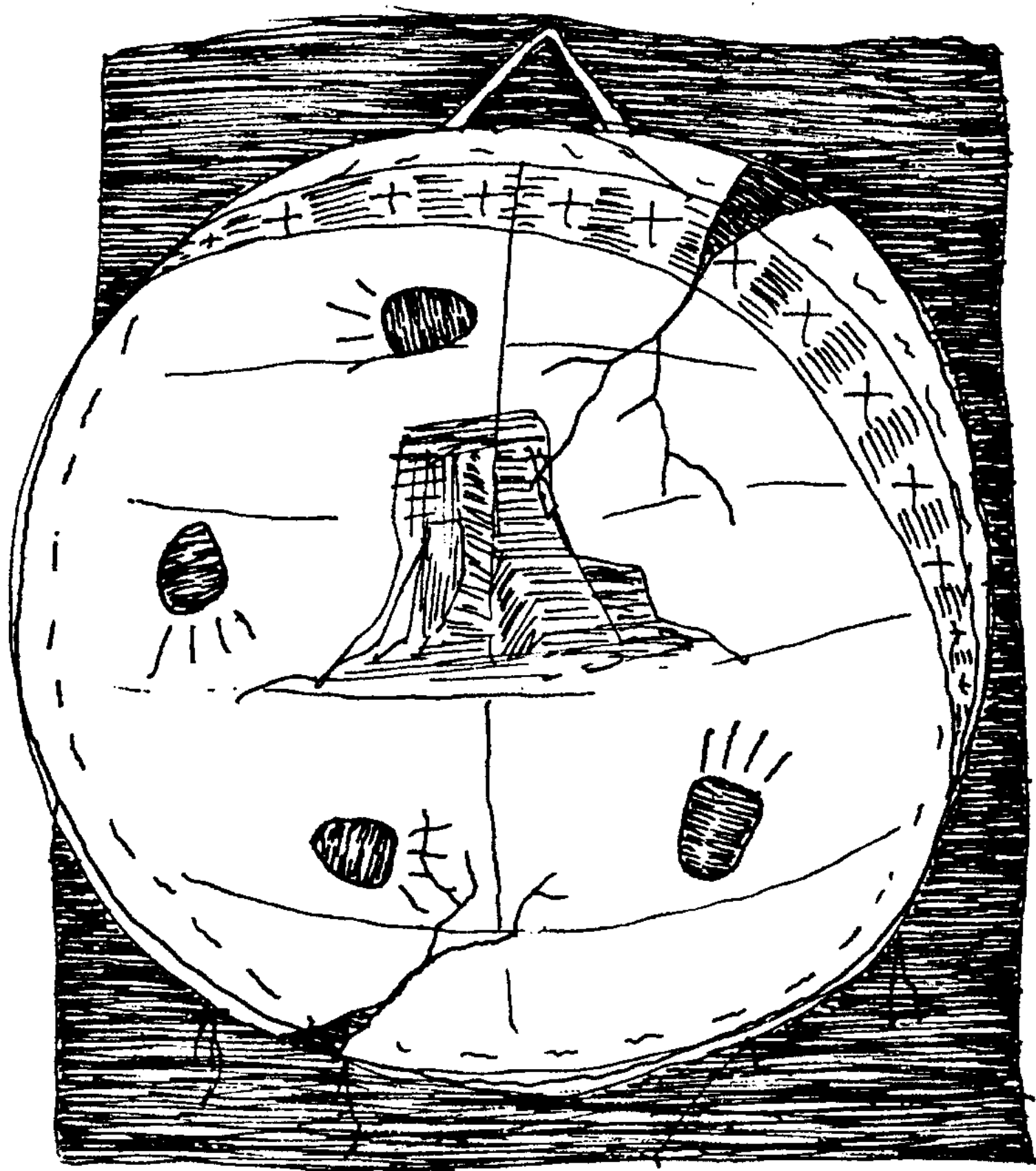
Щит, о котором пеклись собаки

Этим щитом владел Долгие Ноги. Вся история о щите неведома. Ведомо же вот что. Долгие Ноги был мечтателем. Жил он один, вдали от лагеря. Был он отшельником и водил дружбу только с собаками. Его считали очень мудрым и восхищались его независимостью. Он никогда не был женат, не имел и детей. Щит его, старый и могущественный, нашли вблизи Горы Дождей, где Долгие Ноги умер от старости. Четыре собаки пеклись о нём. Обращаться к ним следовало с почтительностью и печалью.

Щит лошадей, вязнувших в топях

Прошла череда больших бурь, и равнины размокли. Лошадям стало трудно передвигаться. В то время Борода Бизона был ещё молодым человеком. Мальчиком мечтал он об участии в прославленном набеге, и вот как всё приключилось. Лошади стали вязнуть в топях, и воины испугались. Но Борода Бизона повёл воинов в набег пешими, и набег был успешен. Согласно летописи, что вела его жена, Видит Солнце, Борода Бизона тогда дважды добыл удачу. То было в краю охотников за змеями. Щит был сделан мастером по имени Много Сорок. На нём застыл силуэт стоящей лошади, лишенной ног. Украшали его конский волос и кусочки конских копыт.

Щит, привезённый с горы Тсоай

В конце концов всё свелось к этому: Много Собак так полюбила лошадь, принадлежавшая Стрекозе, что он потерял сон. Больше всего остального в мире возжелалось ему завладеть этой лошадью. Однажды он сказал Стрекозе:

– Послушай, не отдашь ли ты мне эту лошадь на мену?

– Ну, нет... Ну, я не знаю, – ответил Стрекоза. – А что ты дашь мне за лошадь?

– Я дам тебе щит моего деда, – ответил Много Собак, – древний щит, привезённый с горы Тсоай.

– Хо! – изумился Стрекоза; вся неуступчивость его разом исчезла. – Это прославленный щит, – сказал он.

– Да, – подтвердил Много Собак.

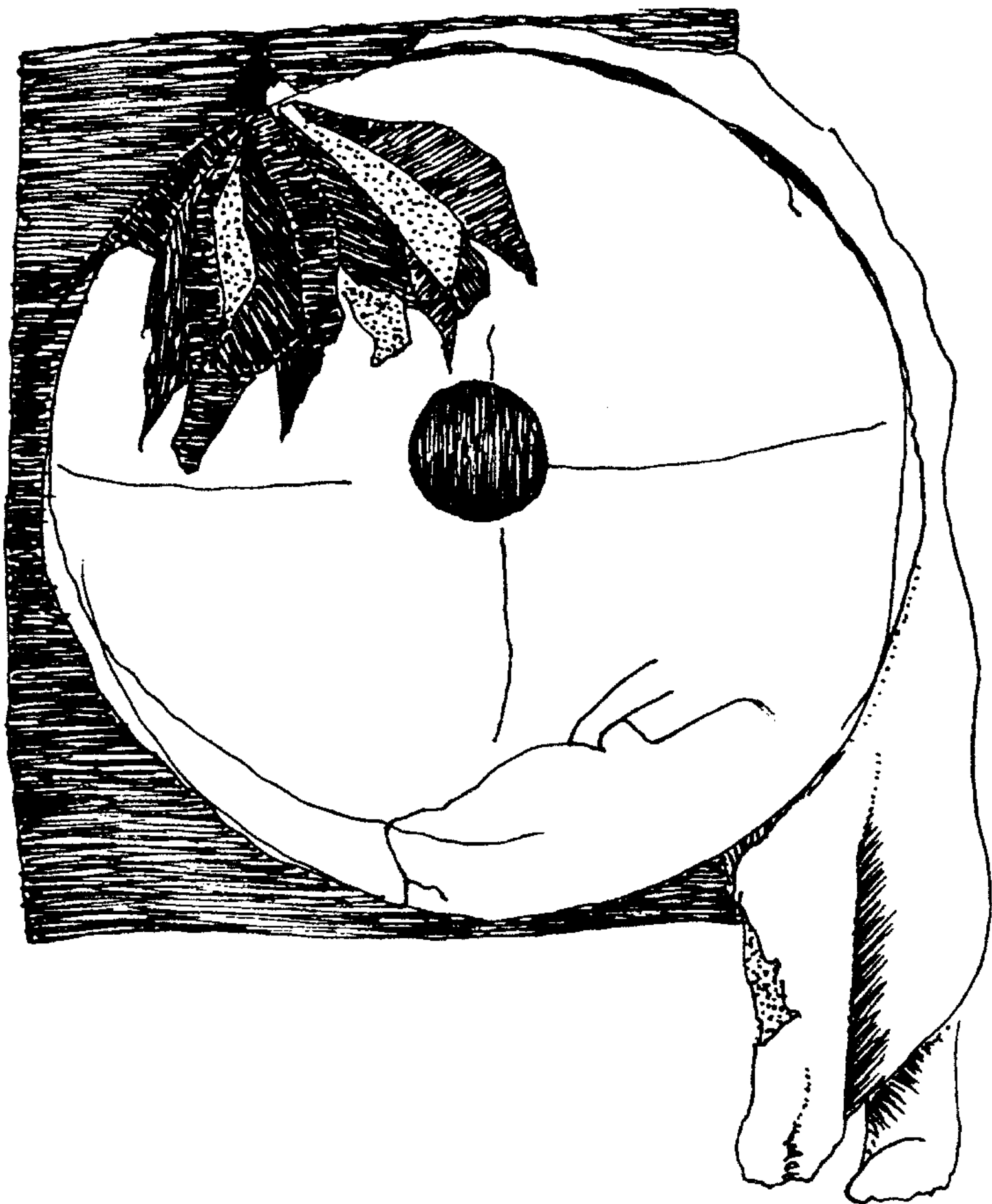
– Лошадь моя – добрая охотница, – произнёс Стрекоза вдруг. – Это сильная, быстрая охотница с чёрными ушами.

Не стоило ему говорить так, и он устыдился.

– Да, я знаю, – ответил Много Собак. – Так сменяешь?

– Хорошо, – отвечал Стрекоза.

Кончилось тем, что Стрекоза отдал Много Собак восемь лошадей за щит, привезённый с горы Тсоай.

Щит двух вещей снов

Пробудившись, Тёмная Вода напряженно вслушивалась, затаив дыхание. В отдалении слышался топот бегущей лошади – копыта быстро стучали по твёрдому зимнему насту. Странно, в нём не было погони, лишь ровный топот копыт, верный ритм бегущего коня. Он усилился, затем ослабел, потом пропал вовсе. Она не успела и вскрикнуть. Потом ей пришло в голову, что этого ведь никто больше не слышал. Мать и отец, двое сестёр были тут же, до них можно было дотянуться рукой, а они не слышали. Они мерно дышали в глубоком сне. Ни один пёс во всём лагере ничего не учуял. Вокруг простиралось одно лишь глубокое, чуткое безмолвие. Наутро она поведала отцу своему, Зелёной Рубахе, о том, что слыхала.

– Лошадь добежала до самой кущи ив у Ручья Голодного Ребёнка, – сказала она. Нахмурившись, Зелёная Рубаха сначала не говорил ничего. Затем произнёс:

– Я грезил о том же – ещё до того, как ты родилась: о щите с совиными перьями.

И в самом деле, в куще ив оказался щит. Он был старинный и очень красивый.

– Давным-давно этот щит явился мне в вещем сне, – молвил Зелёная Рубаха, – но пришёл только с твоим сном. Отныне, показывая его своим друзьям и врагам, я стану говорить: «Глядите! Вот мой щит и щит моей дочери!».

The Shield is a personal flag
 of Shields for the Circle of the

Three

of

of

of

of

of

of

Phi Phi

Magic

Wishes

Shield

Power

and

Come upon

Ships and

was him of

times. There is a

the head for

washing

186

Человек, сотворенный из слов
(эссе)

Я хотел бы связать здесь воедино несколько разных идей и попутно уточнить характер взаимоотношений между словом и жизнью. Мне представляется, что в известном смысле все мы сотворены из слов, что самая суть нашего бытия заключена в слове. Слово – стихия нашего мышления, наших мечтаний и поступков, нашей повседневной жизни. Мы не можем существовать без нравственных понятий, имеющих словесное выражение.

На одной из наших бесед ставился вопрос: что являет собой американский индеец?

Ответ однозначен: «индеец» – это представление конкретного человека о себе самом, притом представление нравственного порядка, ибо им определяется отношение человека к другим людям и окружающему миру в целом. И чтобы представление это (эта идея) было полностью понято, оно должно обрести словесное выражение.

Вот мне и хочется высказать некоторые мысли и о нравственных идеях, которыми мы руководствуемся, и о словах, их выражающих. Мне хочется, кроме того, высказаться о таких предметах, как экология, устная повествовательная традиция, воображение. Для начала позвольте мне рассказать одну историю.

... Однажды вечером произошло нечто странное. Я уже написал большую часть книги «Путь к Горе Дождей» – по сути дела, всю книгу, кроме эпилога. В тот вечер я изложил еще одно старинное предание индейцев племени кайова и составил комментарий к книге – исторический и автобиографический. Вымотан я был до предела.

Рукопись лежала передо мной освещенная лампой. Пусть небольшая, но готовая, точнее – почти совсем готовая. Я уже сочинил второе из двух стихотворений, обрамляющих книгу. В общем, по сути дела, сказал все, что

задумал. Но все же мне не хватало какого-то существенного «предпоследнего» куска. И я снова стал писать...

«13 ноября 1833 года, в первый послеполуночный час, мир, казалось, пришел к концу. Покой ночи внезапно нарушился; в небе вспыхнули слепящие искры света, света такой силы, что люди пробуждались от сна. С густотой ливня по всей Вселенной падали звёзды. Некоторые были ярче Венеры, а одна, как говорили, была больше Луны». Дальше я стал писать о том, что этот вот ливень метеоров над Северной Америкой, этот звездопад, со времени которого прошло 137 лет, был одним из самых ранних событий, занесенных в летописи кайова. Этот феномен так порастил их воображение, что они вспоминают о нем до сих пор. Он оставил зарубку в народной памяти.

«Живая память народа, – писал я, – и несущая ее устная традиция слились для меня раз и навсегда в образе сказительницы Ко-сан».

Я решил, что наконец пришло время написать об этой старой женщине. Ко-сан принадлежит к числу самых достойных людей, каких я встречал на своем веку. Однажды июльским днем в Оклахоме она сказывала и пела для меня, и это был сон, мечта. Когда я родился, она уже была старухой; она была взрослой, когда появились на свет мои дед и бабка.

...Ко-сан сидела неподвижно, обхватив ладонями плечи. Невозможно было представить себе, что подобная уйма лёт – целый век – может так спрессоваться и дать столь чистый концентрат человеческой сущности. Голос ее дрожал, но не пресекся ни разу. Песни были печальны. Прихотливая фантазия, горячая любовь к родной речи, радость воспоминания – все это сияло в ее единственном оке. Она свободно вызывала в памяти прошлое, отчетливо помнила все события своей долгой жизни. Могла мысленно

увидеть себя прелестной юной девушкой, диковатой и полной жизни.

Могла представить себе Пляску Солнца.

К тому времени я вновь целиком погрузился в работу. Я уносился мыслью из своей комнаты и своего времени и возвращался в тот июльский день, в Оклахому, к Ко-сан. Мы с ней весело смеялись; у меня было такое чувство, что я знал ее всю свою жизнь – и всю ее жизнь. Мне так не хотелось отпускать ее! Но надо было заканчивать книгу, и я без особой охоты стал дописывать последние фразы:

«Это – все это и еще многое – было святым обетованным поиском, странствием на пути к Горе Дождей. Вероятно, Ко-сан сама ныне мертва. Временами, в тишине вечеров, кажется мне – она дивилась, гадая, кто же она такая. <...> А мысленным взором своим, временами, не прозревала ли она падучих звезд?»

Некоторое время я сидел за столом, глядя на эти строки и пытаюсь одолеть пустоту, вошедшую в мою грудь. Только что написанные слова казались мне чем-то нереальным. Неужели они что-то значат? Неужели в них вообще есть какой-то смысл? В полном отчаянии я стал вновь и вновь торопливо перечитывать последние абзацы. Взгляд мой упал на имя «Ко-сан». И мне вдруг показалось, что все написанное связано с этим именем. Оно словно вдохнуло в строки живую душу. Совершенно неожиданно я ощутил магическую силу слов и имен. «Ко-сан, – позвал я и вновь повторил: – Ко-сан».

И тут эта древняя старуха, одноглазая Ко-сан, вышла из сотворивших ее слов и предстала мне на исписанной странице. Я был потрясен. И все же это было закономерно, иначе и быть не могло.

«А я как раз пишу о тебе, – сказал я запинаясь. – Я думал – ты уж прости, – я думал, может быть, ты уже... Ну, в общем...»

«Нет, – услышал я в ответ, и мне почудилось, что она хмыкнула: – Ты вообразил меня очень точно, вот я и явилась. Ты вообразил меня мечтающей, вот я и грежу. Мне грезится звездопад».

«Но ведь все это только игра моего воображения, – возразил я. – Все это происходит у меня в голове. На самом деле тебя здесь нет».

Я чувствовал – это звучит ужасно грубо, но ничего не мог с собой поделать. Впрочем, она будто поняла меня:

«Думай, что говоришь, внук мой. Ты представил себе, что я здесь, в этой комнате, да? Это уже кое-что. Вот видишь – в воображении твоём я существую, притом – во всей полноте бытия, я жива. Правда, это лишь одна из форм бытия, но, пожалуй, самая лучшая. Если здесь, в комнате, нет меня, внук мой, то уж наверняка нет и тебя».

«Мне кажется, я тебя понимаю. Открой мне, бабушка, сколько тебе лет?»

«Сама не знаю. Порою мне кажется – нет на земле старухи древнее меня. Ты ведь знаешь, что люди кайова вышли на свет из старого полого ствола. До чего же они ясно предстают моему мысленному взору – и как они были одеты, и как возликовали, увидев вокруг себя прекрасный мир. Не иначе как я тогда была с ними. Не иначе как участвовала в давнем переселении кайова с верховий Иеллоустона на Южные равнины, к реке Биг-Хорн; видела я и красные стены каньона Пало-Дуро. Я была с теми, чье становище находилось у подножия гор Уичито, когда начался звездопад».

«Знать, ты и впрямь очень стара, – согласился я. – Сколько же ты повидала на своем веку!»

«Да, пожалуй, что так», – сказала она. Затем, медленно повернувшись кругом, кивнула и вновь обратилась в слова – те слова, что я только что написал. И опять я остался один в комнате...

Мне кажется, человеку хоть раз в жизни необходимо сосредоточиться на мысли о родной земле, память о которой живет в нем. Пусть всецело предастся мысленному созерцанию этой земли – того ее предела, где протекла какая-то часть его жизни. Пусть поглядит на нее со всех возможных точек. Пусть подивится ее красоте, поразмыслит о ней. Пусть представит себе, как зимой и весной, летом и осенью касается ее пальцами, прислушивается к звучащим на ней голосам. Пусть увидит мысленным взором все обитающие здесь живые существа, ощутит легчайшие дуновения ветра. Пусть вызовет в памяти своей сияние дня, все краски утренней зари и вечерней.

...Горы Уичито поднимаются над Южными равнинами длинной изогнутой грядой с востока на запад. Горы эти – краснозем и острые скалы, причем скалы не красные и не синие, а какого-то странного смешанного цвета: так оперение некоторых птиц отливают то красным, то синим. Горы Уичито не столь высоки и могучи, как горы Дальнего Запада, и в окружающий ландшафт вписываются по-иному. Их нельзя представить себе отдельно от равнины. Если подумать о них отвлеченно, они перестанут казаться горами... Смотреть на горы с равнины – одно, а на равнину с гор – совсем другое.

Я стоял на вершине горы Скотт и смотрел вниз на равнину, заполняющую весь окоём. Порывистый ветер налетает на горные склоны, и временами его можно слышать – он шумит, словно река в ущелье.

В давние времена здесь шла бойкая торговля. Лет сто назад кайова и команчи отправлялись от гор Уичито во все стороны на поиски приключений и амулетов, коней и заложников. Порою они пропадали годами, но неизменно возвращались, ибо родная земля крепко держала их. Это священное место, и даже сейчас есть в нем некая первозданность. Антилопы и олени, лонгхорны и бизоны пасутся в лугах или – ближе к горам – прячутся в

тенистых рощах. Именно здесь, считают кайова, появился на свет первый бизон.

К северо-западу от гор Уичито виден поросший травой желтый холм. Он получил название Горы Дождей. На западной его стороне сохранились развалины старой школы, куда моя бабушка (в ту пору девочка-дичок с косами) бегала в одеяле-накидке учить английские слова, означающие предметы и цифры. Там она и похоронена...

Твоё по сути имя – имя камня.
 Смятённый смертью ум живёт в тени
 Неведомого наименованья,
 В котором здесь твоё я слышу имя.
 Багрово, как охотница-луна,
 Светило утра скачет по равнине;
 Гора горит; к полудню – тишина
 Уже в тени, хранящей это имя
 В непроходимой мёртвой плоти камня.

(Перевод А.Сергеева)

Мне интересно вот что: человек изо дня в день видит определенный пейзаж, и увиденное каким-то образом входит в его плоть и кровь. Ведь в процессе жизни именно это и происходит. Ни один человек не может существовать в полном отрыве от родной земли. Такая изоляция невыносима. Рано или поздно мы должны определить свои отношения с окружающим миром – я имею в виду главным образом мир физический: и не только с таким, как он ощущается нами непосредственно, вот в эту минуту, но и таким,

каким он открывается нам – куда более достоверно – в длительной смене лет и времен года. Притом отношения эти должны основываться на категориях нравственности. Полагаю, у нас нет иного пути, если мы хотим осознать и сохранить свою человеческую сущность, ибо она, эта сущность, должна находить выражение не только в практической идее сохранения жизни на земле, но и в этической. И это особенно важно именно сейчас, и именно у нас на родине. Нам, американцам, более чем когда-либо – и в большей мере, чем мы это сами сознаем, – необходимо понять, кто мы и что по отношению к земле и небу. Я говорю прежде всего о самом акте воображения и об этической основе нашего отношения к американской земле.

В 1970 году, без сомнения, довольно трудно представить себе, какой была природа Америки, скажем, в 1900 году. Все нынешнее столетие страна наша только и делала, что отрекалась от пасторального идеала, столь ощутимого в искусстве и литературе XIX века. Одно из последствий технической революции в том и заключается, что нас отрывают от родной почвы. По моему, мы теряем ориентацию, у нас произошло некое психологическое смещение во времени и в пространстве. Мы можем точно знать, где ближайший магазин самообслуживания и сколько осталось до перерыва на обед; но едва ли кто-нибудь из нас знает свое положение относительно звезд или ближайшего солнцестояния. Ощущение естественного порядка стало у нас ненадежным и смутным. Не тронутых цивилизацией мест остается все меньше и меньше.

Точно так же и сфера инстинктивного в нас сокращается – пропорционально утрачиванию нами подлинного представления о ней. И все же я считаю, что мы в силах сформулировать этическую основу своего

отношения к земле – понятие о том, какое значение она имеет и должна иметь в нашей повседневной жизни. Более того – найти такую формулировку представляется мне совершенно необходимым.

Создается впечатление, по крайней мере на первый взгляд, что этичное отношение к родной земле – нечто совершенно несвойственное большинству американцев, а может быть, чувство к ней еще только дремлет в них. Очень многие из нас относятся к родной земле безразлично. В силу некоторых особенностей моего жизненного опыта мне трудно понять, как подобное безразличие могло возникнуть.

... Ко-сан точно помнила, где родилась моя бабушка. «Вот тут», – говорила она и указывала на комель высокого дерева, а дерево это ничем не отличалось от сотни других, росших в низине на берегу реки Уошито. Сам я не видел никаких признаков того, что хоть один человек когда-нибудь здесь побывал, произнес хоть единое слово или хотя бы коснулся ствола кончиками пальцев. А вот Ко-сан сумела воскресить в своей памяти даже новорожденную. Вероятно, она припомнила и голос моей бабушки: долго и сосредоточенно вслушивалась в себя, пока, наконец, не услышала его. В роще стоял неподвижный тяжкий зной. Мне подумалось, что сюда-то, к стволу, наверно, сходятся духи.

Благодаря силе народной памяти Ко-сан могла вызывать в своем воображении тот давний звездопад. Для нее не существовало разницы между ее собственным опытом и общенародным (а в равной мере – между преданиями и историческими фактами). И личный, и общенародный опыт вошли в ее память как нечто единое, и то была память родной земли. Родная земля, которую она видела изо дня в день целых сто лет, как бы и была общим знаменателем всего того, что она знала или когда-либо могла узнать, – а

знание ее было глубинным. Всеми своими корнями она была связана с родной землей, из ее глубин черпала силы, и сил этих хватало на то, чтобы встречать все неожиданности и противостоять стихии хаоса. Это также помогало ей находить объяснение разнообразным явлениям, в том числе и таинственным. Вот и звездопад 1833 года не был для Ко-сан случайным, никак и ни с чем не связанным. Страшный световой ливень в ночном небе должен был закрепиться в народной памяти, и Ко-сан немало тому способствовала, вызывая его в своем воображении, а затем передавая словами представлявшееся ее мысленному взору. Для этой цели ей надо было привести звездопад в соответствие со своим пониманием вселенной. А когда она рассказывала, например, о Пляске Солнца, то повествование это выражало ее связь с жизнью земли, с солнцем и луной.

Сама Ко-сан и ее народ всегда служили нам примером глубоко уважительного, этичного отношения к земле. Нам бы следовало у них поучиться. Безусловно, в нас самих это чувство к природе, к земле пока лишь дремлет, и на мой взгляд – самое время его активизировать. Мы, американцы, должны вновь научиться воспринимать землю и воздух в аспекте этическом. Мы должны относиться к природе этично или же погибнуть – иного выбора нет.

В наше время экология, пожалуй, важнейшая из наук. Мне думается, ни в одной области индеец не может служить таким авторитетом, как в этой. Если есть какое-нибудь качество, воистину выделяющее его среди других народов, то это, бесспорно, уважение к природе и забота о ней.

Но вернемся к теме об устном повествовании.

«Не иначе как я вместе с другими людьми своего племени участвовала в давнем переселении с верховий реки Иеллоустон на Южные равнины: ведь я

видела и антилопу, что резвилась в высокой траве на берегу реки Биг-Хорн, и дремучие леса на горах Блэк-Хиллс. Видела однажды и красные стены каньона Пало-Дуро. Я была с теми, чье становище находилось у подножия гор Уичито, когда начался звездный ливень...»

«Ты и впрямь очень стара, – сказал я. – Сколько же ты повидала на своем веку!»

«Да, пожалуй, что так», – ответила Ко-сан. Затем, медленно повернувшись кругом, кивнула и вновь обратилась в слова – в те слова, что я только что написал. И вновь я остался один в комнате...

Кто же такой сказитель? И о ком говорится в предании? Что можно извлечь из тьмы и силой воображения претворить в бытие? Что можно увидеть мысленным взором и поведать другим? Что происходит, когда я или кто-то другой применяем такую силу, как речь, чтобы воздействовать на неведомое? Вот те вопросы, что интересуют меня более всего.

В глубине души я твердо убежден – мы есть то, что сами о себе представляем. Наш лучший удел – хотя бы вообразить кто мы и что во всей возможной полноте – ведь именно это мы и являем собой на самом деле. Величайшей для нас трагедией была бы жизнь, лишенная воображения.

Слово письменное – это зафиксированная речь. Чтобы серьезно подойти к вопросу о сути речи и литературы, нам прежде всего следует понять сущность устной традиции. Я хочу предложить кое-какие определения, которые могут быть нам полезны, и с этой целью позволю себе поставить несколько кардинальных вопросов и дать на них гипотетические ответы.

1) Что такое устная традиция?

Это процесс, с помощью которого мифы, легенды, предания и вся сумма народного знания формулируются, передаются от одного к другому и

сохраняются в языке с помощью слова устного – в противовес слову письменному. Иначе говоря, устная традиция – это совокупность всех этих элементов.

2) Каково соотношение между искусством и реальностью в рамках устной традиции?

Изучая вопрос об устной традиции в этом контексте, мы должны учитывать, что она предполагает несколько специфический подход к искусству и действительности. Важно, например, то, что искусство... имеет, в частности, и устную форму, а тут первостепенную роль играют такие факторы, как запоминание текста, интонация, модуляции голоса, точность речи, ее краткость, ритм, темп и драматическая насыщенность. Далее: мифы, легенды и вся сумма народного знания – в соответствии с тем содержанием, которое мы вкладываем в эти понятия, – предполагают свой особый порядок действительности. И здесь важна не столько степень точности, с которой воссоздается действительность, сколько воплощение в устное повествование тех картин, что встают перед мысленным взором сказителя.

3) Что такое слова? Что такое речь?

Для наших целей достаточны такие определения: слова – это доступные слуху звуки, систему которых человек выработал для того, чтобы передавать другим людям свои мысли и выражать свои чувства. Речь – это средство, с помощью которого слова используются для формулирования определенного смысла и оказания эмоционального воздействия.

4) Какова природа устного повествования? Каковы его цели и возможности?

Устное повествование – акт воображения, творческий акт, посредством коего человек стремится осуществить свою способность изумляться, постигать

суть вещей, восхищаться. Это также акт, коим человек вкладывает свое «я» в определенные идеи и тем самым сохраняет его. Повествуя о чем-то, человек стремится осмыслить свой собственный жизненный опыт, каков бы этот опыт ни был. Таким образом, возможности устного повествования полностью определяются той мерой, в какой человек способен осмыслить свой опыт.

5) Какова связь между тем, что человек являет собою, и тем, что он говорит? Иными словами, между тем, что он являет собою на самом деле, и тем, что он о себе думает?

Связь эта – довольно нечеткая и вместе с тем – сложная. Вообще говоря, человек наиболее полно осуществляет свое бытие в слове, и только в нем. Бытие человека – это идея, представление его о самом себе. Человек может обрести себя лишь в том случае, если он воплощается в идею, в представление о самом себе, а идея эта облекается в слова. В данном контексте это означает, что наиболее полного воплощения своей гуманистической сущности человек достигает в литературе, а литература – это искусство и продукт воображения (термин «литература» я употребляю здесь в широчайшем его смысле). Безусловно, это нравственный аспект вопроса, но ведь литература сама по себе есть нравственная позиция и словесное выражение нравственных понятий.

А теперь вернемся к звездопаду. И позвольте мне сейчас рассмотреть это событие под другим углом, с несколько иной точки зрения.

В ту позднюю осень 1833 года кайова расположились становищем на Элм-Форк, притоке Ред-Ривер, к западу от гор Уичито. В предшествующее лето они потерпели жестокое поражение в схватке с осейджами. Тай-ме, священный фетиш Пляски Солнца и самый мощный амулет племени, был у них похищен. Никогда еще за время их долгого переселения с севера, за всю эволюцию их прерийной культуры кайова не были так близки к отчаянию.

Утрата Тай-ме оказалась для них тяжелой психической травмой. Как мы уже знаем, в холодный предутренний час 13 ноября 1833 года над Северной Америкой начался звездный ливень. Кайова, разбуженные мертвенным светом падающих звезд, выбегали из своих жилищ, ужасаясь внезапному пришествию призрачного дня.

Я уже отмечал, что событие это одним из первых было занесено в календари племени кайова и навсегда осталось в народной памяти. Тот мертвенный свет в ночном ноябрьском небе имел для них символическое значение. Ибо с наступлением подлинного дня в истории кайова начался новый – и тяжкий – период: последняя из живых дотоле культур Северной Америки стала угасать. Через четыре года после звездного ливня кайова подписали свой первый договор с правительством, за последующие двадцать лет четыре эпидемии оспы и азиатской холеры уменьшили их численность более чем наполовину, лет через тридцать после звездопада у них были отняты табуны, а бизоны, на которых они охотились, – перебиты.

Видите, что получается, когда воображение накладывается на историческое событие? Так возникает предание. Событие приобретает особый, глубинный смысл. Когда потрясенные кайова оправились от испуга, они вообразили, что звездопад имел символическое значение для всей их жизни, что он предрек им горькую участь. Отныне страшное это воспоминание было для них неразрывно связано с представлением о самих себе. Они как бы «присвоили» его, воссоздали мысленно, претворили в представление о самих себе – короче говоря, заново вообразили его.

Только благодаря этому смогли они вынести все, что обрушилось на них в дальнейшем. Не было такого поражения, такого унижения, таких страданий, которых они не могли бы снести, ибо в каждом из них

усматривали определенный смысл. Они могли сказать себе: «Да, это неизбежно должно было произойти в свой черед. Существовавший в мире порядок нарушился, тут сомнений быть не может. Ведь даже звезды сорвались со своих мест». Итак, они вообразили, что во всяком событии заключен свой особый смысл – быть может, это не так уж много, но то была их единственная опора, и ее оказалось достаточно.

Один из самых моих любимых авторов – Айсек Диннесен – говорит: «Все печали можно пережить, если написать о них историю или такую историю рассказать».

Года четыре тому назад меня заинтересовала проблема «устной традиции» в том ее аспекте, в каком термин этот употребляется для обозначения всей сокровищницы долитературного повествовательного искусства в аборигенных культурах Северной Америки. Особенно же я стал задумываться над тем, каким образом мифы, легенды и вся сумма народного знания обретают ту зрелую форму выражения, которую мы именуем «литературой». Ибо, на мой взгляд, литература – конечный продукт определенного эволюционного процесса, и так называемая «устная традиция» – прежде всего одна из стадий этого процесса, стадия необходимая, а быть может, и исходная.

Я начал поиски материала – чисто устного, однородного и в то же время широко отражающего систему культурных ценностей народа. Тут у меня было определенное преимущество: ведь я сам американский индеец и многие годы прожил в индейских резервациях Юго-Запада. С тех пор как я научился воспринимать себя самого и выражать свои мысли с помощью речи, я слышал предания кайова, чьим потомком являюсь. Три столетия тому назад кайова жили в горах неподалеку от истоков реки Йеллоустон (сейчас это

западная часть штата Монтана). В конце XVII века началась длительная миграция на юг и восток. Кайова прошли по нынешней границе Монтаны и Вайоминга к горам Блэк-Хиллс, затем двинулись дальше на юг, вдоль восточных склонов Скалистых гор и вышли к горам Уичито, лежащим в чаше Южных равнин (ныне – юго-западная Оклахома).

Я вновь упоминаю об этом давнем пути, проделанном кайова, ибо в известном смысле он оказался решающим для народного сознания и изменил представление кайова о самих себе. Длительность их миграции исчисляется многими поколениями, а проделанный ими путь – многими сотнями миль. В начале его кайова были отчаявшимися разобщенными людьми, обреченными на унижительную повседневную борьбу за существование. К концу его они стали сообществом воинов, охотников на бизонов. Во время долгого своего пути они сели на лошадей, перед ними открылась ширь равнин, они обрели власть над этими пространствами и высокое чувство судьбы. В союзе с команчами кайова около ста лет были хозяевами южных равнин.

Это переселение и новый золотой век, к которому оно привело, нашли отражение в преданиях кайова и всей их культуре. Несколько лет тому назад я повторил их путь, а, завершив его, побеседовал со стариками и узнал от них много интересного: были тут сведения о прошлом и поучения, факты и вымысел, причем все – в виде устных рассказов, все ценно и значимо само по себе. Я взял переводы нескольких преданий о миграции кайова и расположил их так, чтобы по ним можно было как-то проследить и хронологическую последовательность событий на всем протяжении пути, и сам путь – в смысле чисто географическом. Этот вот сборничек, а поначалу то был всего– на– всего сборник преданий, был выпущен под названием «Странствие Тай-ме» так

называемым «подарочным» изданием, ограниченным тиражом в сто изготовленных вручную экземпляров.

Позднее сборничек этот, дополненный иллюстрациями и комментариями, вышел уже в обычном издании под названием «Путь к Горе Дождей». Книга эта, в известном смысле, экспериментальная, принцип повествования тщательно продуман, и я хотел бы сказать о нем несколько слов. Затем я, с вашего позволения, сошлюсь на текст, чтобы показать, как в нем этот принцип реализуется. А в завершение мне хотелось бы подробно прокомментировать одно из преданий.

В книге отчетливо просматриваются три составляющие: мифологическая, историческая и личная. Сперва дается перевод предания, затем следует двухчастный комментарий: один – исторический, другой – личный, связанный с воспоминаниями автора. Хотелось бы думать, что с помощью этих элементов, вместе взятых, можно наиболее убедительно доказать всю значимость устной традиции.

Для повествования такого типа особенно удобный жанр – хождение. А «Путь к Горе Дождей» и есть рассказ о хождении, насыщенный смыслом, явным и скрытым.

А теперь обратимся непосредственно к тексту.

Предания кайова, включенные в «Путь к Горе Дождей», составляют нечто вроде литературной хроники. В известном смысле, каждое из них – веха на знаменитом пути кайова с верховий реки Иеллоустон к реке Уошито. Из них мы узнаём, что, когда людям племени кайова открылась ширь Великих равнин, они преобразились внутренне, в них проснулись стремление к поиску, жажда открытий. Хотя некоторые из этих преданий восходят ко временам весьма отдаленным, записаны они только сейчас. Одно из них имеет

для меня особенно важное значение. Когда я был ребенком, отец рассказывал мне сказание о стрелоделателе, повторял его частенько, поскольку оно очень мне понравилось, и то, как мне его сказывали, – одно из самых первых моих воспоминаний. Вот это предание:

Жил некогда муж с женой. Ночной порой они были одни в типи. При свете костра мужчина делал стрелы. Через некоторое время он что-то почувствовал. На стыке двух шкур типи было небольшое отверстие. Кто-то стоял снаружи, заглядывая внутрь. Человек продолжал работать, но сказал своей жене: «Кто-то стоит снаружи. Не бойся. Давай говорить спокойно, как обычно». Он взял стрелу и сжал зубами. Потом, как и следовало, приложил ее к луку и прицелился, сначала в одном направлении, потом в другом.

И все время он продолжал речь, будто обращаясь к жене. Но говорил так: «Я знаю, что ты там, снаружи, ибо чувствую твой взгляд. Если ты кайова, то поймешь мою речь и назовешь свое имя». Но ответа не было, и человек продолжал свое дело, направляя стрелу поочередно во все стороны. Наконец, прицел совпал с местом, где стоял его противник, и он спустил тетиву. Стрела вошла точно в самое сердце врага.

До сих пор предание о стрелоделателе было известно лишь очень немногим, оно было непрочным звеном в той самой древней речевой стихии, которую мы именуем устной традицией, – непрочным, ибо сама эта традиция непрочна. Сколько бы раз ни рассказывалось предание, от полного забвения его неизменно отделяет лишь срок жизни одного поколения. Но потому-то его и хранили так бережно. Не будет преувеличением сказать, что оно выражает смысл человеческого бытия. Вот мы и дошли до сути интересующей нас проблемы. Ведь предание о стрелоделателе есть также связующее звено между речью и литературой...

Предание это – замечательное: целостное, исполненное внутренней красоты, точное и по замыслу, и по его воплощению. Над ним стоит задуматься, мы узнаём из него нечто важное, оно помогает постигать глубинный смысл вещей... В конечном итоге, предание это – об устном слове. В сущности, между самым процессом устного повествования и тем, что сказывают, нет разницы. Суть предания не столько в том, как именно стрелоделатель поступает, сколько в том, что он говорит, точнее, в том, что он вообще осмеливается заговорить. Самое важное здесь вот что: стрелоделатель говорит и тем самым ставит под угрозу свою жизнь. Именно эта сторона предания для меня всегда интереснее, ибо здесь устное слово самореализуется в полной мере...

Наше восприятие устного слова очень обострено, и мы сознаем, что есть в природе речи нечто опасное и в то же время притягательное. «Если ты кайова, то поймешь мою речь и назовешь свое имя...»

Есть крайняя степень риска в этом простом обращении, заключающем в себе одновременно и вопрос, и мольбу. В его условной форме – нечто трогательно-деликатное. Именно в этот миг стрелоделатель полностью реализует себя в речи: реальность эта непрочна, положение его опасно, и он сам понимает это не хуже нас. Из незамысловатого этого происшествия мы узнаем все, что определяет и самого стрелоделателя как личность, и его судьбу, а в равной степени – нас самих и нашу собственную долю. Стрелоделатель решается заговорить, ибо у него нет другого выхода: слова, речь – вместилище его знания и жизненного опыта, они дают ему единственную возможность уцелеть. Он инстинктивно отбирает самые существенные слова, делая это с превеликой осторожностью и честностью. «Давай говорить спокойно, как обычно», – говорит он жене. А страшного

неведомого пришельца просит всего-навсего назвать свое имя, то есть подать простейший знак того, что он понят: ему нужно, чтобы в ответе пришельца был некий – самый минимальный – смысл. Но ответа нет, и стрелоделателю открывается то, что не было ему ведомо раньше: перед ним враг, и сейчас он получил над незнакомцем перевес. Это он понимает отчетливо, и такая уверенность сама по себе дает стрелоделателю решающее преимущество над противником, которое он полностью реализует. Замысел его – такой рискованный, требующий безоглядной смелости, – осуществляется успешно.

Предание это очень значительно само по себе. Оно отличается от других тем, что в нем с особой отчетливостью показано, каким образом слово воплощается в смысл. Оно также наводит на мысль о том, что слова несут в себе риск и ответственность. Этим оно как бы стремится подтвердить свою значимость. Оно как бы говорит нам, что в сфере слов все сопряжено с риском. Возможно, это и в самом деле так; не исключено, что истина эта лежит в основе всей литературы.

Стрелоделатель – прежде всего человек, сотворенный словом. Он обретает наиболее полное Словом сотворен человек бытие в слове, он родом из слова, и будущее его – в слове. Иного мира ему не дано. Но это мир ограниченной реальности и неограниченных возможностей...

Из предания явствует, что стрелоделатель одинок, насторожен. Нам ясно также, что, оказавшись перед лицом страшной опасности, он встречает ее единственно возможным для него образом. У меня лично это не вызывает сомнений, и, я полагаю, есть тут нечто такое, что прямо указывает на обусловленность нашего собственного литературного опыта, на смысл, которого нельзя терять.

Наконец, мне хотелось бы отметить еще одну важную особенность человека, сотворенного словом. Ведь сказитель безымянен, о нем вообще не говорится, и в этом заключена своеобразная ирония. Правда, с одной стороны, мы знаем о нем очень мало – лишь то, что он как-то трансформировался в образ стрелоделателя. Но, с другой стороны, больше нам ничего и не надо знать о нем. Он поведал нам о том, что его бытие – в слове, и показал, с каким смертельным риском это сопряжено. У нас, естественно, возникает мысль, что сказитель и стрелоделатель – один и тот же человек и что благодаря силе устного слова он не только уцелел, но и намного пережил других людей. Как мы только что отметили, лишь слова, речь позволяют стрелоделателю выжить. И вот над чем особенно стоит поразмыслить: ведь стрелоделатель пережил бесчисленное множество поколений – он жив и поныне.

Приложение

Пиктографические летописи кайова

Рисунчатая запись событий как способ ведения пиктографических летописей бытовала у многих племен Великих равнин Северной Америки. Народы, населявшие американские степи, явились носителями уникальной культуры кочевых охотников на бизонов. Культура степных племен окончательно сложилась к середине XVIII столетия и жила и развивалась лишь до 60—70-х годов XIX века, просуществовав лишь чуть более ста лет. Однако ученых до сих пор поражает феноменальность как степной культуры в целом, так и многих из отдельных ее составляющих.

Одним из таких удивительных явлений кочевой культуры американских индейцев стали пиктографические летописи. Эти хроники не похожи не только на исторические эпосы других народов земного шара, но и на исторические произведения других индейских народов Америки.

Пиктографическое летописание было известно среди племен сиу (тетонов, санти, янктонов и янктонаев), черноногих (пиеганов, кайна и сиксика), кайова, кайова-апачей и манданов. Кроме того, подобные летописи описаны в работах о кутенаях, арапах, по-нках и апачах.

Впервые пиктографические «перечни зим» были обнаружены исследователями в конце 60-х – начале 70-х годов XIX века в резервациях тетонов. В 1877 году полковник Гэррик Мэллори опубликовал «перечень зим» Одинокой Собаки из племени янктонаев. С этой публикации и началась история изучения индейских летописей.

Ныне науке известно более семидесяти пиктографических летописей американских индейцев. Но и сейчас иногда находятся неизвестные «перечни», хранящиеся в маленьких музеях и архивах или у индейских

владельцев. Около шестидесяти летописей уже опубликовано в различных научных и популярных изданиях.

По определенным характерным признакам, присущим всем «перечням зим», их можно разделить на три основных типа:

1. *Вербальный* (устный). Эти «перечни» не имели пиктографической записи и воспроизводились хранителями по памяти. Летописи данного типа ограничивались 50 — 60-тью годами.

2. *Классический*. Пиктограммы, символизирующие те или иные годовые события, наносились на выделанную шкуру, а позднее на ткань или бумагу. Каждая пиктограмма имела и словесное выражение, запоминавшееся хранителем в виде устной формулы, состоявшей из определенных фраз.

3. *Письменный*. С созданием письменности на индейских языках и с освоением индейцами английского языка летописи стали записывать в тетрадах. Здесь исчезают пиктограммы, но остается традиционный порядок фраз в поименовании (словесной формуле) каждого года.

* * *

Открытие календарей кайова для науки произошло в 1892 году, когда американский антрополог Джеймс Муни получил в дар знаменитый ныне «перечень зим» Сет-тана (Маленького Медведя). Летопись принес двоюродный племянник вождя, носивший то же имя. Муни писал впоследствии, что индеец отдал календарь, «не требуя ничего взамен, сказав, что он хранит эту летопись уже очень давно, но теперь он стар, а теперешняя молодежь забывает историю своего народа, и поэтому он желает, чтобы летопись перевезли в Вашингтон и сохранили вместе с другими вещами, собранными среди кайова, чтобы белые люди могли всегда помнить о том, что совершили индейцы кайова».

Заинтересованный Муни вскоре узнал о существовании у кайова еще нескольких календарей. Результатом его исследований стала монография «Календарная история индейцев кайова», увидевшая свет в 1898 году. В ней Муни подходит к проблеме изучения индейских пиктографических летописей с другой стороны, нежели упомянутый нами полковник Мэллори. Последний, не имея другого материала кроме нескольких «перечней зим» сиу, изучал летописи как феномен интересный сам по себе и как пример передачи идей с помощью пиктографических знаков. Джеймс Муни смотрел на календари кайова главным образом как на источник существенно помогающий заполнению лакун в истории племени.

Традиции пиктографического летописания у различных племен Великих равнин были довольно схожи. Летосчисление (точнее, «зимосчисление») у кочевых племен велось одинаково: новый год начинался с первым осенним снегопадом (именно поэтому они «считали» зимы).

Как и многие летописи сиу, большинство кайовских календарей являются характерным примером классического типа пиктографических летописей.

И все же летописи кайова существенно отличаются от летописей сиу, где год (зима) именовался по какому-то одному событию и, соответственно, обозначался одной пиктограммой.

Календари кайова включают по два пиктографических знака на каждый год: один символизирует главное событие зимних месяцев, а другой – летних. Зимний знак отличался темной (черной) полоской, проведенной непосредственно под пиктограммой. Она символизировала «мертвый» сезон в природе.

Летний знак обычно включал в себя условное изображение хижины Кадо . В некоторых «перечнях» вместо Кадо рисовался разветвленный ствол тополя – священного дерева и символа Пляски Солнца. Если Танец Солнца по каким-либо причинам не проводился, то летний знак изображался просто между двумя зимними пиктограммами.

Каждой пиктограмме хранитель присваивал соответствующую устную формулу (поименование). Формула для зимнего знака оканчивалась словом «саи» (зима), а для летней пиктограммы – «Кадо» (палатка для Танца Солнца) или – «пай» (лето). Пиктограмма была призвана отобразить главное событие сезона и в будущем помогать хранителю и его преемникам вспоминать соответствующую устную формулу.

Описание обычной практики вынесения «перечней зим» их хранителями на публику служит дополнительным пояснением роли календарей в жизни степных индейцев. Долгими зимними вечерами хранители демонстрировали свои летописи и вместе с вождями и воинами обсуждали произошедшие за год события, достойные занять место в летописи. После подробного обсуждения, разумеется, обставленного подобающим ритуалом, хранитель добавлял новый пиктографический знак к уже существующим.

В дорезервационный период пиктограммы наносились на выделанную шкуру бизона или лося костяными инструментами с помощью натуральных красок. Для удобства «чтения» в большинстве летописей кайова пиктограммы выстраивались спирально по ходу часовой стрелки, начинаясь от края и заканчиваясь в центре шкуры. При кочевом образе жизни кайова шкуры быстро ветшали. Вероятно, этим и объясняется ограниченность начала кайовских летописей 1820–30-ми годами.

Исторические события, отмеченные в летописях, раскрывают нам и отношение самих индейцев к своей истории. Все хроники, включая кайовские, фиксируют события, произошедшие внутри определенного племени или группы. Зачастую главным и достойным занять место в календаре событием называли какое-то вполне рядовое происшествие или явление вроде постоянного сидения в тени из-за жаркой погоды (лето 1855). Так проявляются черты, присущие летописям как произведениям народной историографии с характерным для нее взглядом изнутри индейского общества, и именно в этом состоит главная ценность подобных хроник.

Интересна также своеобразная аристократичность кайовских календарей. Постоянно упоминаются маленькие военные отряды, отправляющиеся в набег. Участвуют в этих походах лишь воины, принадлежащие к элите кайовского общества. Рассказывая о результатах набегов этих отрядов, хранители забывают об огромных военных походах, предпринимавшихся каждое лето после церемонии Танца Солнца.

Кроме таких глобальных задач, как сохранение истории племени, летописи преследовали и более прозаические цели. Любой индеец кайова благодаря летописи мог назвать дату своего рождения, свадьбы и других знаменательных событий личной жизни. Так, Сет-имкия, известный также как Спотыкающийся Медведь, рассказывал, что он был годовалым ребенком в лето «Отрезанных голов» (1833), женился же он летом «Пыльного Танца Солнца» (1851). А вот Пол Сетк'опте появился на свет в лагере племени шайенов зимой после «Дождливое Танца Солнца» (1853) и присоединился к кайова осенью после «Оспенного Танца Солнца» (1862).

Смена хранителей «перечней зим» так же осуществлялась вполне определенным образом. Настоящий хранитель мог выбрать приглянувшегося

и заинтересованного историей племени юношу и со временем обучить его премудростям летосчисления. Зачастую преемники были родственниками хранителей, как, например, в случаях с Сет-таном и Дохасаном.

Когда хранитель старел или по каким-то иным причинам не мог более продолжать хронику, то летопись переходила его преемнику. Будущий хранитель «платил» старому, даря тому лошадей или какие-либо ценные вещи. Конечно, такие передачи сопровождались особыми церемониями, поскольку «перечни зим» имели выдающееся религиозное и мистическое значение. Благодаря подобной преемственности пиктографические летописи и дошли до наших дней.

* * *

Проблема бытования пиктографических летописей, несмотря на большое количество сохранившихся хроник, до сих пор изобилует вопросами. Бесперывные войны с белыми поселенцами и американской армией, когда целые деревни со всем имуществом предавались разграблению и огню, стали причиной обширных белых пятен.

Уничтожение всего индейского как проявления дикости и варварства, многократные попытки ассимиляции коренного населения Америки – все это привело к печальным результатам. И тем не менее традиции летописания не исчезли. Многие хроники продолжают заполняться и по сей день.

Живы традиции пиктографических летописей и в современной литературе американских индейцев, в чем можно убедиться на примере повести Н. Скотта Момадэя «Путь к Горе Дождей».

Г. Б. Борисов

Перечни зим кайова и кайова-апачей

Перечень зим Анко (1864-1892).

Тип классический, пиктограммы расположены в линию, слева направо, по две на каждый год. В первом варианте пиктограммы были выполнены черным карандашом в маленькой тетради. Впоследствии перерисованы цветными чернилами на замше по просьбе Джеймса Муни.

Перечень зим Анко, *помесячный* (август 1889 – июль 1892).

Тип классический, пиктограммы расположены в линию, слева направо. В первом варианте пиктограммы выполнены черным карандашом на двух страницах в той же маленькой тетради. Впоследствии перерисованы на вышеупомянутой замше.

Перечень зим Дохасана (1833-1892).

Тип классический, пиктограммы расположены по спирали по часовой стрелке, начинаясь с края, по две на каждый год. Пиктограммы выполнены цветными карандашами на твердой манильской бумаге.

Перечень зим Сет-тана (1833-1892).

Тип классический, пиктограммы расположены по спирали по часовой стрелке, начинаясь с края, по две на каждый год. Пиктограммы выполнены цветными карандашами на твердой манильской бумаге.

Перечень зим Адо-ете (1850-1879).

Тип классический, по две пиктограммы на каждый год.

Перечень зим Ки-ко (1861-1887).

Тип классический, пиктограммы расположены по спирали по часовой стрелке, начинаясь с края, по две на каждый год.

Перечень зим Джорджа Пуло (1832/33-1900/01).

Тип письменный.

Перечень зим Джорджа Ханта (1826-1900/01).

Тип письменный.

Перечень зим Мэри Баффало (1832/33-1906).

Тип письменный.

Перечень зим Ан-аи-ти, вариант 1 (1855-1884).

Тип классический, пиктограммы нанесены на рулон ткани (ок. 6 м 30 см), по две на каждый год.

Перечень зим Ан-ан-ти, вариант 2 (1856-1940).

Тип классический, пиктограммы нарисованы в старой бухгалтерской книге, вместе с карандашными записями Ричарда Эйитсона, Джеймса Очия и Фрэнка Дойето.

Перечень зим О-за-те (1827-1886).

Тип классический, пиктограммы изображены на твердой бумаге.

Перечень зим Гоки (1880-1890).

Тип классический, пиктограммы нанесены на трехметровый – рулон ткани.

Перечень зим музея Пенхендл, ежедневный.

Тип классический.

Перечень зим Пола'ний-катона (ок.1790-?)

Тип классический.

ПЕРЕЧЕНЬ ЗИМ СЕТ-ТАНА/ДОХАСАНА

1833 — 1892

Автором данного документа выступает хронист кайова Сет-тан, или Маленький Медведь. Однако известна и более ранняя хроника, использующая те же пиктограммы, составленная вождем Дохасаном и принадлежавшая двум поколениям его семьи. Эти летописи разнятся лишь в двух знаках.

Нами воспроизводятся графические прорисы пиктограмм, а также словесные формулы и — в сокращенном виде — комментарии к ним по изданию Джеймса Муни (J. Mooney. *Calendar History of the Kiowa Indians*. — Washington, 1898).

Адалхонгиа эхагйэ-де саи

Зима, когда захватили деньги

Зима 1832/33 г.

В результате схватки с отрядом американских торговцев кайова захватили много денег серебряными монетами. При этом погиб Гуиконгйя, Черный Волк. Деньги кайова видели впервые, а торговцев приняли по ошибке за техасцев, своих давних врагов, в отличие от янки, с которыми прежде не встречались.

Имкодалтэ-де паи

Лето, когда им отрезали головы

Лето 1833 г.

Лагерь кайова атаковали осейджи, убив и обезглавив пятерых воинов, немало женщин и детей и выкрав фетиш Тай-ме, из-за чего тем летом не было Пляски Солнца. Как обычно, осейджи нападали пешими, как и поуни, которые могли пробегать без остановки до ста миль в день. Осейджи не скальпировали, а обезглавливали врагов, как делали это прежде и сиу. Из-за этого побоища был смещен прежний вождь племени, Адате, и вождем стал Дохасан.

Де-негйэ-де саи

Зима, когда падали звезды

Зима 1833/34 г.

Под утро 13 ноября над всей Северной Америкой прошел сильный метеоритный дождь. Родите-

ли будили детей со словами: «Вставайте, вставайте, происходит что-то ужасное!»

Это яркое событие широко используется индейскими сказителями в качестве твердой хронологической вехи и отмечается практически всеми летописями прерийных племен.

[Лето возвращения Гунпэндамэ]

Лето 1834 г.

Девушка по имени Знахарство, Привязанное к Шесту, была выкуплена у осейджей после резни предыдущего года и возвращена в родное племя американскими драгунами.

Лето этого года не обозначено характерным знаком Пляски Солнца, поскольку фетиш Тай-ме все еще находился вне племени.

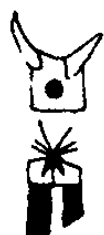

Па-тон эхотал-де сии

Зима, когда убили Бычьего Хвоста

Зима 1834/35 г.

Во время набега на мексиканцев несколько кайова были окружены и уничтожены врагами, пока разыскивали своих коней. Остальные, оказавшись в меньшинстве, отошли.

Донпэ Кадо

Тростниковая Пляска Солнца

Лето 1835 г.

Обряд проходил в обильной тростником местности на южном берегу реки Кэнедиэн, когда состоялся набег на побережье, в котором кайова захватили пленника немецкого происхождения, получившего впоследствии имя Кайова Датча.

Зима 1835/36 г.

То-эдалте, Большелиций, был убит в военном походе на мексиканцев.

Гуи на Кадо

Пляска Солица на Волчьей реке

Лето 1836 г.

Обряд состоялся на Вулф-Крик, рукаве Северной Кэнедиэн.

Кинахиате эхотал-де саи

Зима, когда убили Кинахиате

Зима 1836/37 г.

Воин по имени Муж погиб в походе на мексиканцев в низовьях Рио-Гранде.

Сэкота эотон-де паи

Лето, когда перебили шайенов

(Или Акадо паи — Лето рыдающей Солнечной Пляски).

Лето 1837 г.

Событием года стало нападение шайенов на лагерь кайова, команчей и апачей. Их преследовали до стойбища и истребили всех (48 человек), причем было захвачено священное копье и обрядовый жезл боевого братства воинов-собак.

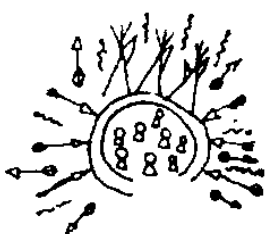

Адалтем эткуэган-де саи

Зима, когда волочили голову

Зима 1837/38 г.

В Техасе на типи троих команчей напали враги. Осажденные стали отстреливаться, а потом отступили к лагерю кайова. Вернувшись, они обнаружили убитого арапаху. Его оскальпировали, а голову поволокли на аркане в стойбище.

Гуи-пагья сэкота имдохэпа-де паи

Лето, когда шайены напали на лагерь у Вулф-Ривер

Лето 1838 г.

Мстя за поражение, шайены в союзе с арапахами напали на объединенный лагерь кайова,

команчей и кайова-апачей, но не смогли его захватить. Поскольку у шайенов были ружья, им удалось убить нескольких воинов и женщин.

[Тен-пизкиа ранен]

Зима 1838/39 г.

Этой зимой кайова отразили нападение на свой лагерь отряда арапахов и уничтожили его. В схватке был ранен в ногу отец Сет-тана, Победитель Сердец.

Пихо Кадо

Солнечная Пляска на полуострове

Лето 1839 г.

Обряд Солнечной Пляски состоялся на излучине южного берега реки Уошито, излюбленном месте проведения этой церемонии. Никаких особых происшествий не отмечено.

Тэдалкоп саи

Зима оспы

Зима 1839/40 г.

Вторично (после 1818 г.) кайова испытали эпидемию оспы, занесенной к ним осейджами, и племена поспешно рассеялись, спасаясь бегством. Это бедствие, начавшись на Миссури в 1837 году, унесло свыше трети всего населения равнинных племен. В частности, манданы просто вымерли: из 16 000 человек осталось только 31.

Гуадал Доха Кадо

Солнечная Пляска у Красного Утеса

Лето 1840 г.

Обряд Солнечной Пляски был проведен в устье Мустанг-Крик в Техасе. Событием года стало заключение мира между арапахами и шайенами с одной стороны и кайова, команчами и кайова-апачами — с другой, по инициативе шайенов. В целом, с тех пор этот мир действительно соблюдался.

Каи сабина дам саи

Зима, когда ушли в поход с кожаными колчанами

Зима 1840/41 г.

Поскольку молодые воины уже отправились в набег на мексиканцев, взяв с собой все лучшее вооружение, то старики ушли в поход, вооружившись старыми луками и колчанами из бизоньей кожи.

Лето 1841 г.

Истребление поуни у Таин Доха, Белого Утеса. Битву вели арапахи, но после резни между ними и кайова был заключен мир.

Адалхэбэ-киа эхотал-де саи

**Зима, когда убили Волосы с Одной Сто-
роны**

Зима 1841/42 г.

Этот человек был видным вождем. Такую прическу делали, чтобы были видны подвески с другой стороны. При нападении техасских солдат на лагерь кайова у Меченых равнин (Льяно Эстакадо) было убито пятеро следопытов врага и захвачена часть лошадей. В той стычке пал и упомянутый вождь.

Эдалдэ Кадо

Двойная Пляска Солнца

Лето 1842 г.

Обряды были проведены на Сандэнс-Крик и Северной Кэнедиэн, поскольку сразу два человека из разных стойбищ получили в вещих снах соответствующие указания.

Гаа-кодалте хем-де саи

Зима, когда умер Воронья Шея

Зима 1842/43 г.

Вождь умер осенью 1842 года; он был от-
чимом пленника-немца Боин-эдала.

Энтсенкуадал-де Кадо
Солнечная Пляска с гнездом
Лето 1843 г.

161

Пляска 1834 года запомнилась тем, что по ее окончании на центральном шесте обрядовой палатки обнаружилось воронье гнездо с уже снесенными яйцами. После того Большой Лук и Пинающая Птица ушли в набег в Техас, где угнали много лошадей.

Зима 1843/44 г.

Отмечено следующее происшествие. При подготовке к Пляске Солнца женщины срубали дерево для центрального шеста, а воины их сопровождали. Часто они приглашали женщин сесть на лошадь позади себя. Порой это вызывало ревность мужа.

В тот раз, по приглашению вождя Дохасана, одна женщина села к нему на лошадь, и это так раздосадовало мужа, что он ударил ее ножом. Жена оправилась от раны, а Дохасан укорял мужа тем, что ему следовало бы быть разумнее, ибо Дохасан — великий вождь и к тому же слишком стар, чтобы бегать за женщинами.

Кодалпэкиэ Кадо
Дакотская Пляска Солнца
Лето 1844 г.

Группа дакотов посетила кайова для проведения Пляски Солнца и обмена подарками (лошадьми) на Кайова-Медисин-Крик. Изображен дакот в характерном нагруднике из длинных раковин или костяных трубок.

Этаха-ики эхотал-де саи
Зима, когда пал Военный Убор
Зима 1844/45 г.

Во время похода двухсот воинов союзных племен кайова, апачей и команчей в Мексику они осадили каменный форт, подожгли

его и перебили защитников. При этом погиб Военный Убор, а отряд отправился еще дальше, и в одной из стычек пал его вождь Большой Лук. Таким походам обычно предшествовала «передача трубки», когда инициатор посылал трубку по воинским союзам, а те передавали ее из рук в руки, и выкурившие ее лица отправлялись в набег.

Тсо-кодал Кадо
Пляска Солнца Каменного Ожерелья
Лето 1845 г.

Пляска происходила где обычно, а памятным событием стала смерть девушки по имени Каменное Ожерелье, любимой дочери отца, который оплакивал ее все время проведения обряда.

Зима 1845/46 г.

Торговец Уильям Бент построил торговую факторию на реке Южной Кэнедиэн в Техасе. Этот шаг был вызван перемещением степных племен на юг в связи с истреблением бизонов.

Па-гунхенте эопэн-де Кадо
Солнечная Пляска, когда Безрогий Бык был принят в союз ка-итсенко
Лето 1846 г.

В бою члены воинского союза *ка-итсенко* должны были возглавлять любой прорыв и отстаивать насмерть занятый рубеж. Прием в члены проводился только во время Солнечной Пляски.

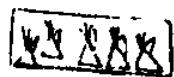
Предводитель *ка-итсенко* носил черную ленту, а остальные — красную. Член союза мог выдать на время свою ленту любому воину по его просьбе вместо собственного участия в деле; однако подозрение в трусости могло привести к лишению звания *ка-итсенко*. По старости ленту с почетом передавали молодому кандидату.

Сенпага этага-де саи**Зима, когда попали стрелой в Усатого***Зима 1846/47 г.*

Пока кайова стояли лагерем на Элк-Крик, притоке Ред-Ривер, группа поуни угнала часть их лошадей. Кайова бросились в погоню и вернули украденное. Сет-энгия схватился с одним из поуни в поединке. Пытаясь ударить противника копьем, он поскользнулся на снегу, и поуни порвал ему верхнюю губу пущенной стрелой.

Манка-гуадал эхотал-де паи**Лето, когда убили Красные Рукава***Лето 1847 г.*

Кайова вместе с команчами отправились на поиски поуни и в Канзасе встретили группу торговцев из Санта-Фе. Кайова отказались участвовать в нападении на них, и вождь команчей Красные Рукава обозвал Сет-энгию трусом. Первая же пуля ранила Красные Рукава, и он попросил помощи, но оскорбленный Сет-энгия отказал ему.

Зима 1847/48 г.

Всю зиму кайова простояли на Уайт-Ривер, притоке Южной Кэнедиэн.

Опэн Кадо**Пляска Солнца, когда принимали в союз ка-итсенко***Лето 1848 г.*

Обряд состоялся на реке Арканзас в Колорадо. В ка-итсенко было принято несколько воинов.

Зима 1848/49 г.

Стоя лагерем на реке Арканзас, кайова задумали большую охоту на антилоп. Это было редким явлением, необходимость в котором возникала лишь при недостатке бизоньего мяса. Происходило это зимой, когда антилопы сби-

вались в стада. Две группы (мужчины и женщины) окружали дичь и ловили руками или арканами.

Майиагйа Кадо
Холерная Пляска Солнца

Лето 1849 г.

Обряд состоялся в лето, когда осейджи занесли к кайова холеру. Эпидемия началась сразу по завершении обряда. Едва фетиш Тай-ме был убран, как люди начали скоростно умирать. Многие кончили жизнь самоубийством, а остальные рассеялись по равнинам, ожидая спада болезни.

Зима 1849/50 г.

Кайова убили нескольких поуни, застигнув их при попытке украсть лошадей. На языке кайова «поуни» означает «волки».

Воинов, вернувшихся из успешного похода без потерь, обычно чествовали танцем скальпов. Они на скаку врывались в лагерь, стреляя и имитируя нападение, а затем начиналась подготовка к пляске. В ней принимали участие только женщины и участники похода. Танец несколько раз повторялся в течение месяца, а потом скальпы обычно жертвовали, привязывая к дереву или шесту на холме, с молитвой Солнцу.

Эготэ Кадо
Пляска Солнца в зарослях китайской вишни

Лето 1851 г.

Обряд происходил на Бивер-Крик в верховьях Северной Кэнедиэн.

Тангуана эхотал-де саи

Зима, когда убили Оленя

Зима 1850/51 г.

Воин по имени Олень возглавил небольшой отряд, совершивший набег в Тамолипас, за

Рио-Гранде. Преследуя мексиканца, Олень попал под его выстрел, но и сам успел поразить врага.

Паин Кадо

Пыльная Солнечная Пляска

Лето 1851 г.

Это было в Канзасе. Во время проведения Солнечной Пляски все время дул сильный ветер, поднимавший в воздух тучи пыли. Когда по завершении обряда племя откочевало, поуни украли жертвенные приношения, оставленные на шесте, в том числе и флаг. Потом они догнали кайова и заявили, что пришли для мирной торговли. Вожди Дохасан и Сет-энгия встретили их. Поуни попросили подвезти их сумки, поскольку сами они шли пешком. Но, зная коварство поуни, вожди открыли сумки и обнаружили лишь кизяк и стрелы — другими словами, гости пришли сражаться при первой же возможности. Кайова тут же напали на них и уничтожили, сохранив жизнь лишь бывшему среди них мальчику. Сами они потеряли двоих.

Мэньи догиэхон-де саи

Зима, когда замерзла женщина

Зима 1851/52 г.

Зимой будущий вождь Зепко-етте, Большой Лук, тогда еще юноша, выкрал красивую женщину, чей муж ушел в поход, и привез ее в свой лагерь. Там он спрятал ее в роще и зашел в типи поесть. Отец, зная об этом, задержал его, и женщина, ожидая снаружи, отморозила ноги.

Апэтате Катогизэ (или Хантогизэ-киа) эхотал-де паи

Лето, когда убили Касающегося Облаков (или Железную Рубаху)

Лето 1852 г.

Поуни убили вождя команчей, носившего кольчугу. Это произошло во время неудачного объ-

единенного похода на поуни, устроенного шайенами, арапахами, дакотами и кайова.

Зима 1852/53 г.

Юноша из племени поуни, захваченный в плен Сет-энгией летом 1851 года, сбежал, прихватив с собой двух лошадей, в том числе лучшего в племени коня, Гуадал-тсейу, «Малыша Каурого».

Биасот Кадо
Дождливая Пляска Солнца
Лето 1853 г.

Пляска состоялась там же, где и в 1851 году. Во время проведения обряда сеялся морозящий дождь. В палатке Солнечной Пляски знаменитый воин и шаман нарушил табу, связанное с зеркалами. Вскоре после этого он погиб на охоте, и люди восприняли его смерть как наказание за святотатство.

Зима 1853/54 г.

Вскоре после Пляски Солнца, в Чиуауа, на восток от Сьерра-Мадре, отправился военный отряд, который напал на караван мулов. Мексиканцы поставили фургоны в круг, спрятав мулов в середину. Знаменитому воину Пангуагиате (Жертвующему) удалось проникнуть внутрь круга, и он стал касаться мулов своим луком, обозначая захват, но тут был застрелен мексиканцем. Жертвующий был членом союза *ка-итсенко*, а щит ему сделал Экодалте, Перьевое Ожерелье.

Айэдалдэ на Кадо
Пляска Солнца при Тимбер-Маунтин-Крик
Лето 1854 г.

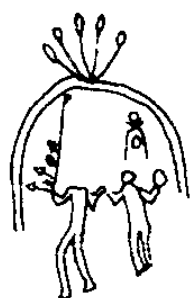
Поход объединенных племен на поуни ради мести за убитого племянника Сет-имкии, Толкающего Медведя. Воины схватились с переселенным на запад

племенем сауков-фоксов. Те имели ружья и перестреляли двадцать человек, в том числе военного вождя Тсен-кон-киэ, Черную Лошадь.

Зима 1854/55 г.

В походе на осейждей или омаха кайова пытались ночью увести лошадей, но их обстреляли, и один воин погиб. У него был щит, сделанный Сет-пате, Медведем, а по ленте видно, что он был из союза *ка-итсенко*.

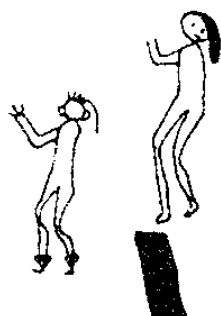

Тогуайо пайда

Лето сидения по-турецки и вытянув ноги

Лето 1855 г.

Пляски Солнца не проводилось. Лето выдалось знойное, трава высохла, а лошади так ослабели, что всадникам часто приходилось делать остановки, давая коням отдохнуть.

Зима 1855/56 г.

Брат Гйакоаонте, убитого предыдущей зимой, прогоревав все лето, зимой отправился мстить. Встретив омаха или осейджа, он убил его.

Сен-эло Кадо

Кактусная Пляска Солнца

Лето 1856 г.

Обряд проходил осенью в местности, богатой кактусами, и женщины набрали много плодов этих растений, ценимых индейцами.

До-гйэкодал-де саи

Зима, когда оставляли типи

Зима 1856/57 г.

Когда часть племени ушла в поход против навахов, а часть во главе с Одиноким

Волком отправилась на охоту, свои типи они оставили на хранение торговцу У.Бенту. По возвращении оказалось, что типи отданы шайенам, а Бент заявил, что передал их «своему народу». В ссоре шайены застрелили лошадь Одинокого Волка и отогнали кайова.

Эпото эжйэда-де Кадо
Солнечная Пляска с проросшей разви-
лкой
Лето 1857 г.

Обряд состоялся в Оклахоме. У воина по имени Кайэнте был священный жезл четырех футов длины, с развилкой, который служил целям личной магии. Владелец вынимал его только на Пляске Солнца. По окончании церемонии он воткнул жезл развилкой вниз, в качестве приношения, внутри палатки.

На следующий год кайова увидели, что жезл перевернут, пустил корни и дал листья, хотя прежде был лишен коры. А через десять лет кайова обнаружили, что он превратился в дерево.

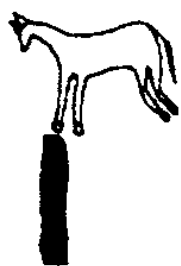
Вскоре после обряда два военных отряда вышли на поиски сауков-фоксов с целью мести. В последовавшей схватке несколько сауков было убито.

Примечательна история происхождения жезла. За восемнадцать лет до того небольшой отряд выступил против мексиканцев из Эль Пасо. В нем был и старый вождь Дохасан. Так и не совершив нападения, они двинулись в обратный путь. В пустыне Хорнада дель Муэрто (Путь Мертвых) они остановились на привал у ручья с пещерой возле него. Там они были окружены мексиканскими солдатами, которые перебили лошадей и загнали кайова в пещеру. Индейцы оказались отрезаны от еды и питья. Они попытались выбраться через другой выход, но были обнаружены, после чего проход был заделан. Через десять дней, отчаявшись, кайова решили идти на прорыв. Ночью они выбрались через верх колодца, все, кроме одного раненого, который не мог передвигаться, и его уговорили, ради спасения других, остаться умирать. Дохасан, выбравшись первым, затянул песню союза ка-

итсенко (ту же, что и Сет-энгия перед гибелью). Один из мексиканцев, услышав звук, выстрелил наугад и серьезно ранил Коньяте. Захватив раненого, все кайова бежали. Они довели Коньяте до Ручья Солнечной Горы. К тому времени ему стало хуже, и он решил, что умрет. Товарищи, будучи не в состоянии везти Коньяте верхом, решили оставить его. Усадив его в тени, у воды, они отбыли, надеясь позже прислать людей для похорон.

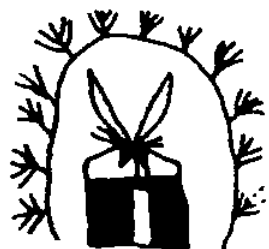
Коньяте остался ждать смерти. Ночью с холма он услышал вой волка. Послышались шаги звериных лап, потом его обнюхали. Однако хищник не разорвал Коньяте, а вылизав раны, улегся рядом. Потом вдали воин услышал звук свистка из орлиной кости, как во время Пляски Солнца, и обрядовую песню. Наконец, ему явился дух Тай-ме и сказал: «Я сжалился над тобой и не дам умереть. Ты увидишь дом и друзей». Тай-ме послал сильный дождь, промывший раны, и долго еще беседовал с ним, наставив в том, какой ему следует сделать щит, и передав магию раздвоенного жезла. Он повелел Коньяте по возвращении изготовить такой жезл. Потом дух оставил его, сказав: «Помощь близится». Коньяте счел, что то были не видения, а реальность.

Между тем кайова встретили по дороге команчей и просили их похоронить Коньяте. Но, прибыв к ручью, те обнаружили, что воину лучше. Они накормили и перевязали раненого, усадили на лошадь и доставили в лагерь родного племени. Тот оправился и прожил много лет. Он изготовил несколько щитов и священный жезл, который носил на Пляске Солнца, а потом передал сыну.

Зима 1857/58 г.

Пока кайова стояли лагерем на притоке Арканзаса в штате Колорадо, поуни, подкравшись, увели у них множество лошадей, в том числе у Тебодала и Сет-энгии. Кайова три дня преследовали их, но разразившаяся ночью пурга заставила их прекратить погоню.

Эдо-бьюни Кадо

Пляска Солнца в круглой роще

Лето 1858 г.

Обряд состоялся в низовьях Мьюл-Крик на реке Арканзас.

Гуикате эхотал-де саи

Зима, когда убили Ложащегося Волка

Зима 1858/59 г.

Кайова совершили набег в Чиуауа и угнали лошадей. За Рио-Гранде на рассвете их настигла погоня из Мексики. Спаслись

все, кроме Ложащегося Волка, который ехал на кобыле, отстававшей из-за своего жеребенка.

Ахин-доха Кадо

Пляска Солнца на Кедровом Утесе

Лето 1859 г.

Обряд проводился близ реки Смоуки-Хилл в штате Канзас из-за того, что там было много бизонов.

Зима 1859/60 г.

Умер старик Шкура на Спине, и над могилой его поставили крест.

Ослабевшего от старости и неспособного поспевать за племенем, родичи намеренно оставили его, причем **об этом** решении старику сообщил его родственник, **вождь** Дохасан. Незадолго перед смертью старик **спросил** Дохасана, где племя намерено зимовать. Тот **ответил**: «Что тебе до этого? Мы тебя не возьмем». Старик, **полагая**, что это шутка, рассмеялся и сказал: «Как же вы меня не возьмете? Вождей не так-то много, и нельзя бросаться ими». Но на следующей **перекочевке** его оставили позади.

Такого рода **вещи** случались среди степных племен, если прямые родственники отсутствовали и о человеке некому было заботиться. Крест, возможно, поставили мексиканцы.

Лето 1860 г.

Во время схватки с отрядом солдат и союзных с ними племен (кэддо, тонкава, вичита и др.) в Арканзасе был убит Появляющаяся Птица.

Адалка-и Доха сая
Зима у Безумного Утеса
Зима 1860/61 г.

После того как Вороний Убор осуществил поход мести на кэддо, кайова провели на утесе пляску скальпов, снятых с поверженных врагов. Из-за ликованья по этому поводу близлежащий утес и получил свое название.

Тоигуат эпэнтсеп-де Кадо
Пляска Солнца, когда крапчатую лошадь оставили на привязи
Лето 1861 г.

Пляска Солнца состоялась на реке Арканзас, возле большой излучины в Канзасе. Во время пляски некто по имени Дойятал-эдал, Большой Юноша, внезапно обезумев, совершил грубое святотатство: разорвав головной убор, он бросил его на фетиш Тайме, а затем при воскурении трубки в честь Солнца отшвырнул ее прочь. Придя в себя, он пожертвовал в честь Тай-ме лошадь, привязав ее к одному из шестов священной палатки.

Такая практика существовала и прежде, хотя обычно лошадей жертвовали, привязывая к дереву или оставляя на холме. Военный вождь Гаапиатан дважды жертвовал лошадь — во время эпидемии холеры 1849 года и оспы 1861-62 годов. В последнем случае он пожертвовал черноухого коня (они считались лучшими) духу оспы, и действительно никто из его родни не умер.

Дойятал-эдал позднее возглавил небольшой военный поход в Мексику, никто из участников которого не вернулся назад.

Тэдалкон саи

Зима оспы

Зима 1861/62 г.

Одна группа кайова отправилась торговать в Нью-Мексико. Они остановились в городке, зараженном оспой. Все уехали, но один остался и купил одеяло, с которым отказался расстаться. По возвращении домой он умер, а эпидемия распространилась на племя, которое вскоре рассеялось на мелкие группы, спасаясь от болезни. Тогда же серьезно пострадали и другие степные племена.

Тэдалкон кийэкан Кадо

Пляска Солнца после оспы

Лето 1862 г.

Обряд провели у впадения Мьюл-Крик в Арканзас.

Эпэтсэт саи

Зима верхушек деревьев

Зима 1862/63 г.

Ранней весной большой военный отряд с несколькими женщинами в своем составе отправился в Техас. Когда они шли по Вулф-Крик, распевая «Походную песнь», то вдруг слышали эхо, отвечавшее как бы с верхушек деревьев. Это явление связали с духами.

«Походную песнь» затягивает в своей палатке организатор небольшого военного отряда, когда он решает пригласить будущих участников. Желаящие, услышав песнь, входят внутрь и подхватывают. Потом хозяин предлагает им выйти, но все берутся за шкуру бизона и продолжают петь, отбивая по ней ритм. В походе песня обычно исполняется на привалах.

Тсодалхенте-де на Кадо

Солнечная Пляска на Ручье Однорукого

Лето 1863 г.

Пляска состоялась на южном берегу реки Арканзас, в Канзасе, возле ручья, прозванного ин-

Адалтон-эдал хем-де саи

Зима, когда умер Большоголовый

Зима 1863/64 г.

Кайова стояли тогда лагерем на Северной Кэнедиэн.

Эсахе Кадо

Солнечная Пляска среди амброзий

Лето 1864 г.

Эти растения изобиловали в месте проведения этого обряда на слиянии Медисин-лодж и Солтфорк.

В летописи Анко отмечается столкновение с американцами в форте Ларнед в Канзасе. Сет-энгия хотел войти в форт, но часовой угрожал ему и вождь застрелил его из лука. Кайова тут же угнали армейских лошадей, и на этом инцидент был исчерпан. К тому времени многие степные племена уже вступили в широкомасштабную войну с США.

Тсенхо саи

Зима, когда пути раскисли от грязи

Зима 1864/65 г.

Из-за обильного таяния снегов почва стала вязкой, сделав передвижение затруднительным.

На большое стойбище кайова совершил нападение следопыт Кит Карсон во главе трехсот солдат, тридцати пяти волонтеров и семидесяти двух ютов и хикарийя-апачей при двух гаубицах. Все молодые воины кайова в это время находились в походе, а из вождей оставался один Дохасан. При отражении атаки, Спотыкающийся Медведь убил одного солдата и одного юта, ранив еще одного пехотинца. Сет-тадел, член военного союза *тонконко*, встав на пути нападающих, затянул боевую песню своего братства: он не имел права отступать, не убив хотя бы одного вра-

га. Кайова отошли вниз по реке к лагерю союзных им племен кайова-апачей и команчей, а потом, вернувшись обратно, бросились в бой с таким ожесточением, что после сражения, длившегося весь день, Карсону пришлось отступить, чтобы избежать полного уничтожения.

Пихо Кадо
Солнечная Пляска на полуострове
Лето 1865 г.

Обряд был проведен на излучине реки Уошито, близ устья Уолнат-Крик.

Зима 1865/66 г.

Умер военный вождь Боевой Убор, Отороченный Черным.

В других летописях сообщается о смерти вождя Дохасана (Маленького Утеса), который был, по словам Д.Муни, величайшим и знаменитейшим из вождей в истории племени. Он стал вождем кайова в 1833 году

и оставался им тридцать лет.

После его смерти никто не смог своим влиянием объединять племя, и совет разделился на две фракции вождей-соперников — Сет-тайнте, Белого Медведя, и Тене-ангопте, Бьющей Птицы. Дохасан был хронистом данной летописи.

Хан-копедал Кадо
Солнечная Пляска с плоским металлом
Лето 1866 г.

Обряд проводился в Оклахоме, в устье Медисин-Крик. Торговец Чарльз Уиттакер привез на продажу листовое «немецкое серебро» (сплав меди, цинка и никеля), иначе «плоский металл», из которого изготавливали подвески для головных уборов, женские пояса, браслеты и другие украшения. Прежде мексиканцы в Силвер-Сити (Нью-Мексико) делали их для кайова из настоящего серебра.

Эпэмадал эхотал-де саи

Зима, когда пал Ударившийся о Дерево
Зима 1866/67 г.

Этот пленный мексиканец, ставший военным кайова, погиб в бою с техасцами, пытаясь угнать лошадей. Это случилось на тракте переселенцев в Калифорнию.

Та-кон эсемтсе-де Кадо

Солнечная Пляска, когда украли Черноухого
Лето 1867 г.

Церемония состоялась на берегу Уошито. Во время Пляски навахи угнали часть табуна, в том числе лучшую скаковую лошадь с черными ушами. Их хватились только по окончании пляски и отправились вместе с шайенами в набег на навахов, в Нью-Мексико. Отряду удалось не только вернуть украденных коней, но и захватить часть лошадей противника.

Эйэдалдэ саи

Зима на лесистом холме
Зима 1867/68 г.

Год знаменитого договора США с союзными племенами южных степей на Медисин-Лодж-Крик в Канзасе. То было излюбленное место проведения Пляски Солнца. В результате переговоров («самых многолюдных в истории степных племен» — Д.Муни), три племени — кайова, апачи и команчи — были официально признаны союзными и помещены в резервацию.

Иатэго дахотал-де Кадо

Солнечная Пляска, когда нас перебили юты
Лето 1868 г.

Лето отмечено печальным столкновением с ютами, когда из трех фетишей Тай-ме два были за-

хвачены врагом. Воин, чей приемный сын погиб в набеге на навахов, решил предпринять поход мести. Они взяли с собой те два фетиша, но в пути выяснилось нарушение табу, связанного с Тай-ме, и часть воинов, разуверившись в этом походе, повернула назад. Это и повлияло на исход столкновения с ютами. Однако захваченные фетиши принесли гибель их новым владельцам, и те, стремясь избавиться от них, отдали фигурки Тай-ме в торговую лавку, где они впоследствии и затерялись, несмотря на все усилия кайова разыскать и вернуть свои святыни.

Тэн-гуадал эхотал-де сани
Зима, когда убили Красного Головного Убора

Зима 1868/69 г.

Небольшой военный отряд отправился в Техас, где в одной из стычек был убит юноша — наследственный хранитель священного копья-зебат, по форме напоминающего стрелу.

Копье-зебат, по-видимому, было заимствовано кайова у племени кроу. Священные копья обрядового назначения известны и у других степных племен.

Этахаи гуэган-де Кадо
Солнечная Пляска, когда добыли боевой убор

Лето 1869 г.

Солнечная Пляска состоялась неподалеку от резервации кайова в Оклахоме. В разгар церемонии Большой Лук принес из похода мести на ютов боевой убор врага, убитого в горах Колорадо.

Домба-этпе-де сани
Зима, когда нас напугал горн
Зима 1869/70 г.

Поскольку соседей кайова, племя шайенов, сильно теснили американские войска, вся зима прошла тревожно. Один из следо-

пытов-сторожей, возвращаясь в лагерь после слежки за солдатами, затрубил в горн, услышав который, весь лагерь в панике бежал на много миль, пока недоразумение не прояснилось.

Эгу гуэкиада-де Кадо

Пляска Солнца с проросшими растениями

Лето 1870 г.

Во время проведения обряда на северном рукаве Ред-Ривер торговцы привезли кукурузу и арбузы. Их семена оказались разбросанными вокруг, и осенью, когда кайова вновь побывали на этом месте, они обнаружили многочисленные проростки.

Сет-энгия этон аган-де сии

Зима, когда вернули кости Сет-энгии

Зима 1870/71 г.

У известного вождя Сет-энгии был сын, носивший то же имя. Несмотря на молодость, он уже выполнял роль тонхуиопда, носителя священной трубки, или предводителя, идущего в походе впереди молодых. Весной 1870 года, накануне предыдущей Пляски Солнца, этот юноша ушел с несколькими спутниками в набег в Техас, где был застрелен при нападении на обитателей какого-то ранчо. По окончании церемонии отец с друзьями отправился в Техас, отыскал кости сына, обернул их в несколько дорогих одеял, укрепил сверток на спине вьючной лошади и привез домой. По дороге он убил и оскальпировал белого человека, и эта месть в какой-то мере облегчила его горе. Добравшись до дома, он поставил отдельное типи с погребальной платформой внутри, на которой, как на постели, поместил сверток с костями сына. Он созвал пир в этом типи, пригласив от имени сына его друзей: «Мой сын зовет вас поесть».

С тех пор он всегда отзывался о сыне так, словно тот спит, и часто ставил еду и питье у его ложа. При перекочевках останки всегда находились на спине вьючной лошади, и все в племени знали об этом. Так

он продолжал заботиться о костях сына до тех пор, пока сам не погиб возле форта Силл год спустя. Тогда кайова захоронили останки его сына.

Лето 1871 г.

Событием года стал арест американцами трех вождей кайова: Сет-тайнте, Сет-энгии и Эдоеетте. Хотя в 1868 году, по заключении в резервацию, племя обязалось

перед правительством вести себя мирно, воины не прекратили набегов. Так, 17 мая отряд из ста воинов во главе с Сет-тайнте и Сет-энгией напал на караван фургонов в Техасе. Было убито семь человек и захвачено четырнадцать мулов. А вскоре после этого Сет-тайнте имел дерзость похвастаться этим перед агентом, который тут же послал за солдатами.

По прибытии они арестовали двух упомянутых вождей, а с ними и Большое Дерево, также участника похода. Все трое под охраной были отправлены в форт Ричардсон в Техасе для суда, но по дороге Сет-энгия напал на конвоира и был застрелен.

Согласно версии кайова, в основных деталях верной, пленники следовали в сопровождении кавалерии и следопытов-тонкава. Сет-энгия ехал в фургоне с одним конвоиром, а прочие — в другом вместе с остальными охранниками. Выехав из форта Силл, они двинулись на юг, в Техас, и тут Сет-энгия начал длинную речь, обращенную к другим вождям, говоря, что он — вождь и воин, слишком старый, чтобы с ним обращались как с ребенком. Затем, указав на дерево, стоящее впереди, у ручья, примерно в миле от форта, он сказал: «Я не уеду дальше этого дерева». Поскольку он говорил на кайова, никто, кроме пленников, не понимал его речь. Затем, возвысив голос, он запел свою песню смерти, песню *ка-ит-сенко*, предводителем которых он был:

Иха хио оя ийя ийя о иха йа йа йо йо

Ахейя ахейя йахейо йа ейя хейо ехейо

Ка-итсенко энэобахема хаа-ипаи-деги оба-ика

Ка-итсенко энэобахема хадамгаги оба-ика

*О Солнце, ты живешь вечно,
А мы, ка-итсенко, живем, умирая.
О Земля, ты живешь вечно,
А мы, ка-итсенко, живем, умирая.*

Кончив петь, Сет-энгия внезапно бросился на конвоира с ножом, который ухитрился скрыть на себе, и тяжело ранил его, но подоспевшие солдаты застрелили вождя в спину.

По версии агента Лори Тэйтема: «Сатанк проявил такую непокорность, что его пришлось посадить в отдельный фургон с двумя охранниками... Джордж Вашингтон, индеец-кэддо, ехал рядом, когда они покидали форт Силл. Сатанк подозревал его и сказал: "Я хочу передать с тобой весть моему народу. Скажи им, что я умер. Я умер в первый же день пути, и кости мои останутся при дороге. Я хочу, чтобы мои соплеменники собрали их и отнесли домой..." Находясь уже примерно в миле от форта, Сатанк запел песню смерти, и, сидя спиной к конвоиру, сорвал с рук оковы, основательно содрав кожу. Затем, с ножом, утаенным ранее, он бросился на возницу, сидевшего спереди фургона, легко ранив одного из солдат. Оба солдата выскочили наружу, бросив свои ружья. Сатанк схватил одно из них и стал заряжать, стремясь убить еще одного врага. Прежде чем ему это удалось, в него вошло несколько пуль, и через двадцать минут он умер, скрипя зубами в тяжких муках».

Хотя Сет-энгия был великим вождем и известным воином, большинство соплеменников боялось его за авторитарность и магию. Верили, будто он был способен убить врага, наведя на него порчу, и будто бы с двумя из своих противников он расправился именно таким образом.

Зима 1871/72 г.

Часть кайова зимовала на Ред-Ривер, а вторая — на Уошито, близ Горы Дождей в Оклахоме. Для заключения мира туда явилась большая группа поуни. То была первая дружественная встреча этих двух племен. После не-

скольких таких встреч и взаимных подарков лошадьми поуни приняли решение переселиться из Небраски, где их притесняли дакоты, на юг и получили от правительства США резервацию в Оклахоме.

Лето 1872 г.

Пляска Солнца не состоялась. Несмотря на правительственный запрет, отряд кайова ушел походом в Канзас, хотя большинство вождей было против него. Вскоре они встретили белых людей в фургонах, которых приняли за землемеров, и начали перестрелку. Тогда был убит один осейдж и ранен мексиканский пленник по имени Биako.

Тегуаго тсан-де саи

Зима, когда пуэбло пришли с визитом
Зима 1872/73 г.

Кайова стояли на реке Уошито, близ Горы Дождей, когда их навестили пуэбло и мексиканцы для торговли «хлебом пуэбло» (или «бискочо») и орлиными перьями. Так повелось издавна, но этот визит оказался предпоследним.

Летопись Анко отмечает в тот год другое событие. Случайный пожар уничтожил знаменитое геральдическое типи семьи вождя Дохасана, так называемое Догиэгиэ гуат — Типи с боевыми картинками. Как и другие степные племена, кайова обладали разветвленной системой геральдики, изобразительно выраженной в росписи щитов и покрышек типи. Геральдические типи, передаваемые из поколения в поколение, имелись в каждой выдающейся семье и ставились в строго определенном месте лагерного круга.

Ийугуа на Кадо

Солнечная Пляска на Мэггот-Крик

Лето 1873 г.

Церемония состоялась на Ред-Ривер в Техасе. Пришли и союзники кайова, племена команчей,

апачей, шайенов и арапахов, которые стали обсуждать вопрос о войне с США из-за пленения Сет-тайнте и Большого Дерева. Однако американцам удалось уговорить их покончить дело миром.

Пока шел обряд *наконкия*, Черный Волк увел жену у Появляющегося Волка, и в отместку за это муж перебил семь лошадей обидчика и угрожал смертью ему самому. Но тут вмешались члены союза *тонконко*, призванные следить за дисциплиной. Если истребление лошадей в подобной ситуации было в порядке вещей, то в чрезвычайной ситуации угрозы человекоубийства *тонконко* должны были вмешаться в конфликт.

Сет-тайнте тсэн-де саи
Зима возвращения Сет-тайнте
Зима 1873/74 г.

Вождь Сет-тайнте был арестован и находился в заключении с 1871 года.

Тсокакана-де Кадо
Солнечная Пляска на краю утеса
Лето 1874 г.

Обряд состоялся у горы, именуемой у кайова Последней (гора Уолш в Оклахоме). В ходе обряда Сет-тайнте, в благодарность за освобождение, отдал свое обрядовое копье-зебат Белой Волосьей Птице, отказавшись от роли вождя в его пользу. Таких копий в племени было два.

Ги-эдал эхотал-де саи
Зима, когда убили Много Мяса
Зима 1874/75 г.

Объединенный отряд из воинов нескольких союзных племен южных равнин, включая кайова, ушел в поход в Техас. В результате кайова оказались замешанными в боевых действиях, развязанных команчами. Армейские части стали преследовать их.

Небольшая группа кайова с Ред-Ривер отправилась за лошадьми в Нью-Мексико, где они убили двоих мужчин, взяли в плен женщину и угнали лошадей в отместку за неудачу предыдущего набега. На обратном пути они встали лагерем в горах и сидели, рассказывая друг другу истории, когда на них напали солдаты. Ги-эдал сразу же получил смертельную рану, но, укрывшись за камнем, убил одного солдата и ранил другого. Нападение было отбито, но в результате конфликта ряд воинов кайова был отправлен в тюрьму форта Мэрион во Флориде.

То было последнее возмущение племен южных равнин против американцев.

‘Кион-тон Кадо

Весенняя Пляска Солнца с любовным романом

Лето 1875 г.

Обряд был проведен у излучины северного рукава Ред-Ривер, неподалеку от Последней Горы. Из-за прошлогоднего конфликта племя эскортировали солдаты. Название обряд получил оттого, что двое юношей выкрали себе невест, когда те пошли за водой к реке.

Зима 1875/76 г.

В результате конфликта с американцами у степных племен были конфискованы тысячи лошадей, которых распродали по решению правительства, а вырученные деньги использовали на покупку домашних животных — овец и коз — с целью изменения образа жизни индейцев от охотничьего и кочевого к пастушьему и оседлому. В Мексике с этой целью было закуплено большое стадо скота (3500 голов), которое перегнали со значительными потерями на Индейскую Территорию и стали раздавать «перспективным» семьям. Вскоре, однако, стада стали сокращаться из-за плохого присмотра, употребления в пищу вместо разведения и так далее, так что через несколько лет от них ничего не осталось.

Ийугуа на пэхэдал Кадо

Солнечная Пляска у развилки ручья Мэггот-Крик

(Или *Раи-тэлий-де Тсенко Эдасемкопа-де*

Кадо — Солнечная Пляска, когда угнали лошадей Солнечного Юноши).

Лето 1876 г.

В дни обряда мексиканцы угнали табун лошадей.

Зима 1876-77 гг.

Женщина по имени Агабаи, На Вершине Холма, будучи больной, обещала человеку по имени Иапа (Малыш), считавшемуся целителем, что если он ее вылечит, то она выйдет за него замуж. Это ему удалось, и женщина действительно вышла за него, но вскоре покинула, и тот в отместку убил ее.

Дэ-метане на Кадо

Пляска Солнца на Реке Девушки Звездного Дерева

(Или *А гат-ходал Кадо — Солнечная Пляска кори*).

Лето 1877 г.

Обряд проводился на территории современного округа Грир в Оклахоме, на притоке Ред-Ривер, прозванном у кайова Рекой Древа Звездной Девы, от знаменитого дерева, выросшего из ростка, использовавшегося в священном жертвоприношении Звездным Девам, или Плеядам. Армейское подразделение сопровождало кайова на бизонью охоту, а затем до места Пляски. Тем летом разразилась эпидемия кори, унесшая жизни больше двух тысяч детей.

Коп-тауде-до-тседал-де саи

Зима Сигнальной Горы

Зима 1877-78 гг.

Той зимой кайова стояли лагерем западнее форта Силл, у подножия Сигнальной Горы,

названной так из-за каменной сигнальной станции, построенной на ее вершине. Десяти вождям кайова осенью поставили дома, и девять семей поселились в них, но несколькими годами позже эти дома уже пустовали или были сданы белым арендаторам, а их владельцы вернулись жить в типи.

Адалде Кадо

Двойная Солнечная Пляска

Лето 1878 г.

В тот год часть племени отправилась на охоту, а другая осталась дома. Независимо друг от друга обе половины племени приняли разные обеты о проведении Солнечной Пляски. И поэтому одна состоялась в обычное время, а после этого зелень на священной палатке обновили, и второй обряд продолжался еще четыре дня. Правительственные войска вновь присутствовали, следя за проведением обряда.

[Зима гибели Белой Воловьей Птицы]

Зима 1878-79 гг.

Вследствие недостатка бизонов Это-таин, или Белая Воловья Птица, которого прозвали также Владельцем Стрел (ведь именно ему Сет-тайнте передал священное копье-стрелу), в сопровождении конвоя поехал за бизонами в Техас, на Ред-Ривер. Там его застрелили, оскальпировали и отрезали палец с кольцом. Видя, что белые чиновники не реагируют на это, группа кайова, возглавляемая братом убитого, отправилась в Техас, где они убили и оскальпировали белого человека, отомстив таким образом за брата и друга. Это-таин был уважаемым человеком в племени.

Тсен-пиэ Кадо

Пляска Солнца, когда питались кониной

Лето 1879 г.

Из-за полного исчезновения бизонов людям пришлось питаться собственными лошадь-

Тэжигиэ саи

Зима победы над глазом

Зима 1879-80 гг.

Отряд кайова отправился, вероятно, на поиски врагов-навахов. Среди них был воин по имени Пододал, который говорил, будто понимает совиный язык. Ночью он сообщил спутникам, чтобы Короткая Рубаха, предводитель отряда, не спал и следил за лошадьми, поскольку навахи сделают попытку их увести. Ночью Пододал стрелял в кого-то, а поутру поблизости обнаружили следы крови. На следующую ночь сова поведала Пододалу, будто на том месте лежит раненый навах. Отправившись туда, кайова обнаружили один только глаз, над которым, возвратившись в лагерь, они провели пляску скальпов.

Лето 1880 г.

Церемония Солнечной Пляски не проводилась — по всей видимости, из-за полного отсутствия бизонов.

Все лето люди сидели дома.

Зима 1880-81 гг.

Событием сезона стала постройка дома — вероятно, для Пола Зантама, который возвратился с востока, где был рукоположен епископальным священником для служения среди кайова.

Кадо сэлэти

Солнечная Пляска знойного солнца

(Или Солнечная Пляска, когда случилось кровотечение у юноши)

Лето 1881 г.

Обряд состоялся в конце августа вместо июня из-за трудностей, связанных с поисками би-

зонов. Одного все же удалось добыть. В ходе обряда у одного из юношей открылось кровотечение.

186

Имдадоа-де сайа

**Зима, когда играли в магическую игру
«до-а»**

Зима 1881-82 гг.

Вождь кайова Па-тепде, Датекан, был также шаманом. Он и один из вождей апачей провозгласили, будто обладают особым магическим даром к одной игре. В начавшемся состязании апач проиграл, потеряв множество добра. На состязании присутствовало много родичей Датекана, и вождь стремился поддержать древний обычай, когда соперничают две стороны, разделенные очагом, и играют с особого рода палочкой, пряча ее в руке и пытаясь незаметно передать члену своей команды. Если его разгадали, то палочка переходит к сопернику, и все повторяется, пока не будет объявлен победитель. Эта игра происходит под ритм особого рода песен и проводится обычно сразу в нескольких типи, причем женщины играют отдельно от мужчин.

Лето 1882 г.

Вождь Дохасан, чьей наследственной обязанностью было поставлять бизонов для обряда, не сумел добыть ни одного, и поэтому Пляска не состоялась.

Согласно представлениям кайова, изначально бизоны жили в подземной пещере, из которой были выпущены великим героем Синти и распущены им по равнинам на радость детям-индейцам. В связи с исчезновением бизонов почти все степные племена полагали, что бизоны вовсе не подверглись истреблению (представить себе такое они были не в состоянии), но что белые будто бы вновь заперли их под землей, дабы подчинить себе индейцев. Считалось, что с помощью молитв и обрядов бизонов можно вернуть. Поэтому в каждом племени стали объявляться шаманы, бравшие на себя эту миссию.

Среди кайова в 1882 году Датекаан, Всегда Хранящий Свое Имя, объявил, будто в священном видении он получил наказ вернуть бизонов. Он принял имя Па-тепде, Бизоны Выходят. К тому времени его уже знали как шамана. Предыдущей зимой он победил в игре соперника-вождя. Теперь он воздвиг священное типи, перед ним — шест с бизоньей шкурой, изготовил священную рубаху с синими бусами и красное одеяло с орлиными перьями. Со священной трубкой в руках он затворился в типи, творя священные обряды. У него появилось множество приверженцев, которые приносили ему немало даров. Спустя год, так и не добившись результатов, он объявил, будто сила его не действует из-за нарушения табу кем-то из соплеменников и что теперь до новой попытки надо ждать пять лет. Он умер, не дожив до этого срока.

Зима 1882-83 гг.

Событием сезона стала смерть женщины по имени Бот-эдалте, Большой Живот.

Адалкатои Кадо

Солнечная Пляска с не-персами

Лето 1883 г.

Не-персы, или проткнутые носы, после «замирения» американскими войсками в итоге знаменитой неудавшейся попытки вождя Джозефа увести племя в Канаду, прибыв на Индейскую Территорию (в Оклахому), посетили кайова и апачей во время проведения ими Солнечной Пляски, состоявшейся на северном берегу Уошито, в десяти милях от Рэйни-Маунтин-Крик. То была первая встреча кайова с не-персами, хотя в преданиях племени имеются упоминания о них, относящиеся к поре пребывания кайова на севере (до миграции на юг).

Зима 1883-84 гг.

Многие к тому времени уже имели и дом, и типи, проживая то там, то там по желанию. В тот год немало индейских

детей было отправлено в индейскую школу-интернат в Чилокко (Канзас). Хотя это и не отмечено в хронике, но, вероятно, именно в тот год к кайова от мескалеро-апачей был занесен пейотизм.

188

Лето 1884 г.

Солнечной Пляски не было. Кайова стали наниматься перевозчиками грузов.

Зима 1884-85 гг.

Племя зимовало близ агентства, на Уошито, возле дома Сет-копте. По словам агента, в то время все кайова, за исключением девяти семей, жили не в домах, а в типи.

Пихо Кадо сэн

Солнечная Пляска на маленьком полуострове

Лето 1885 г.

Изображена петля на реке Уошито, где состоялся обряд. Вождю Дохасану пришлось отправиться в Меченые Равнины (Техас), чтобы добыть бизона.

Зима 1885-86 гг.

Пока большинство из кайова ездили в агентство за провизией, степной пожар уничтожил типи со всем имуществом в обоих стойбищах племени.

Лето 1886 г.

Из-за отсутствия бизонов Солнечная Пляска не проводилась. Тем летом кайова впервые получили денежную плату за сдачу в аренду травяных пастбищ белым скотоводам.

Зима 1886-87г.

Пейи, или Сын Песка, племянник вождя Солнечного Юноши, без спроса позаимствовав у дяди лошадь, выслушал от него

потом строгие попреки. Он был настолько потрясен, что, сказав: «У меня нет ни отца, ни матери, ни брата, и никому я не нужен», вышел и застрелился из револьвера.

Кадолиэ на Кадо

Солнечная Пляска на Дубовом ручье

Лето 1887г.

Хотя в хронике Сет-тана этого не отмечается, кайова провели в тот год Пляску Солнца, бизона для которой пришлось купить у фермера в Техасе. Агент дал разрешение на проведение церемонии, но «без варварства» и с условием, что это будет в последний раз.

Зима 1887-88 гг.

Этой зимой кайова получили плату за аренду пастбищ отчасти деньгами, а отчасти скотом. Брать скот многие отказывались, а некоторые не брали и денег, опасаясь, что это обман для того, чтобы лишить их оставшихся земель.

Лето 1888 г.

Солнечной Пляски не проводилось. Новый агент наложил запрет на этот обряд, пригрозив, что в противном случае позовет войска. Человек по имени Па-ингия, В Середине, начал пророчествовать о возвращении бизонов и скором уничтожении белых людей, которые погибнут в вихре пожара, тогда как погибшие прежде индейцы и традиционная жизнь возвратятся. К нему примкнуло немало сторонников, но когда в назначенное время все осталось по-прежнему, люди покинули пророка, оставив его, однако, без наказания.

Тем не менее на следующий год с появлением Мессии (Вовоки) в землях пайютов, который стал основоположником движения «Пляска Духов», Па-ингия стал утверждать, что это и есть начало исполнения его пророчеств и пытался организовать пляску на реке Уошито.

Зима 1888-89 гг.

Кайова стояли лагерем на Уошито, поблизости от дома Головного Убора в Перьях. Тогда же умер вождь Солнечный Юноша.

Лето 1889 г.

Солнечной Пляски не проводилось, и все сидели по домам.

Зима 1889-90 гг.

Никаких событий зимнего полугодия не отмечено.

Типи изображает зимнее стойбище.

Эпото этода-де Кадо

Солнечная Пляска, когда раздвоенный шест оставили стоять

Лето 1890 г.

Вопреки желанию агента кайова собрались устроить Солнечную Пляску. Тот послал за войсками в форт Силл, и по совету вождя команчей Квана Паркера, переданному через Спотыкающегося Медведя, вскоре (после ожесточенных споров) все разошлись, так что солдаты нашли только центральный шест и недостроенную священную палатку. То был конец Пляски Солнца у кайова.

Па-энгия тсен-де саи

Зима, когда пришел Сидящий Бык

Зима 1890-91 гг.

К кайова пришел пророк Пляски Духов из племени арапахов по имени Сидящий Бык. Пляска впервые состоялась на реке Уошито, в устье Рэйни-Маунтин-Крик. Явилось все племя. Тогда же кайова направили Гаапиатана, Деревянное Копье, к северным племенам и к самому Мессии за подтверждением истинности учения. Вернувшись в феврале 1891 года, тот убедил соплеменников в несостоятельности пророчеств Мессии.

Другая пиктографическая хроника, составленная Анко, в качестве события сезона указывает гибель трех школьников-кайова, один из которых был высечен учителем. В результате все трое сбежали из школы-интерната, решив добраться до дома, преодолев тридцать миль по горным тропам. Ночью начался буран, и хотя они с великим трудом всю ночь шли, все же недостаток сил, холод и голод сломили их, так что через несколько дней мальчики были найдены замерзшими. Их обнаружила поисковая группа кайова. Все были настолько возмущены, что это едва не привело к бунту. Были вызваны войска, но в конце концов все обошлось без последствий, хотя сам учитель, виновный в происшествии, срочно бежал.

Лето 1891 г.

Солнечной Пляски не было. Юноша по имени Идущий Змей был застрелен в порядке самозащиты белым человеком, пытавшимся вернуть лошадь, которую, как он считал, у него украли.

Зима 1891-92 гг.

Никакого события не отмечено, но летопись Сет-тана регистрирует формирование индейского военного подразделения в форте Силл как роты «L» 7-го эскадрона кавалерии США. Она состояла в основном из кайова.

Лето 1892 г.

Событием сезона стала эпидемия кори. Она началась среди учащихся резервационной школы. Суперинтендант приказал отправлять больных домой, а агент допустил это. На месте же предупредить ситуацию было некому. Напротив, не зная причин болезни, родители зачастую купали детей в холодной воде, что неизменно приводило к их смерти. Год спустя Д.Муни застал кайова в глубоком трауре. Повсюду родичи оплакивали не только детей, но и их родителей, умер-

ших от горя. Имущество усопших сжигали. По обычаю, мужчины и женщины в знак траура наносили себе ножевые раны, отрубали фаланги пальцев и накоротко обрезали волосы.

Тогда же кайова, апачи и команчи направили в Вашингтон делегацию с просьбой позволить сдачу пастбищ в аренду, имея в виду всю территорию резервации. Разрешение было получено, также как и плата за предыдущие годы. На эти деньги были закуплены строительные материалы, так что вскоре в резервации стало уже шестьдесят домов.

Магические щиты степных воинов

В прериях бытовало четыре типа щитов: танцевальные (облегченный вариант боевых), священные щиты святых мужей, миниатюрные (уменьшенная копия боевого), которые брали иногда в дорогу вместо оригинала, и собственно боевые щиты. Щит являлся мистической святыней, наполненной «силой», и в жизни степного индейца ей уделялось серьезное внимание. Изготовление щитов и чехлов к ним заказывалось особым мастерам и шаманам, хранителям священных трубок. Добыть такую святыню в битве считалось очень престижным. Известны случаи гадания на щитах – например, у кроу, которые, подбрасывая щит, по его падению предсказывали результаты предстоящего военного похода. С эстетической точки зрения щиты представляли собой произведения высокого искусства. Изображения наносились как на сам щит, так и на его чехол (причем нередко они были разными). У шайенов члены одного из боевых братств носили красные щиты, и считалось, что композиции на них восходят к легендарному герою племени, Доброму Знахарству. Изображение черепахи служило символом долголетия. Члены братства медведя носили на щитах изображение своего покровителя. Нередко щит погребали вместе с владельцем.

Т.Майлз «Мистические воины степей»

T.E.Mails. The Mystic Warriors of the Plains.

N.Y., 1972. – Pp. 486-509.

В соответствии со своей военной и социальной организацией кайова и апачи обладали системой геральдики, которая нашла яркое выражение в росписи и орнаментации их щитов и типи. Прежде бытовало около пятидесяти видов щитовых композиций, использовавшихся в обоих

племенах, и все воины, носившие щиты с одним образом, составляли тесное братство, с общим боевым кличем, раскраской, обрядовыми табу и правилами. Каждая уважаемая семья обладала и геральдическим типом, занимавшим особое место на лагерной стоянке. Специальные запреты и правила относились к типу так же, как и к щитам; и права, связанные с происхождением, регулировались столь же строго, как имущественные права в европейском обществе.

Д. Муни «Календарная история индейцев кайова»

J. Mooney. Calendar History of the Kiowa Indians.

Washington, 1898. – P. 243.

В записях, посвященных щитам кайова, Муни говорит о том, что подобно прочим племенам равнин, кайова и кайова-апачи дорезервационных времен брали в битву щиты, сделанные из бизоньих шкур. Эти щиты, как зачастую и их чехлы, расписывались священными изображениями, способными, по представлениям владельца, обеспечить ему защиту. Эти композиции восходили к видениям или вещим снам. Вот почему смысл изображений на щитах неясен в отличие от «конторских» рисунков или изображений на рубахах. В них устанавливалась личная связь владельца с источником силы, и для постороннего она была бессмыслицей.

Перед боем, в целях активизации силы щитов, устраивались воинские пляски. Среди характерных видов щитов у кайова Муни выделяет щиты Тайме, бизоньи, птичьи, медвежьи и миниатюрные (5-6 дюймов в диаметре).

У каждого щита имелось наружное и внутреннее оформление различного рисунка и убранства (внутреннее – обычно тайное и более тщательно отделанное), большая и малая тренога, декоративный покров, стиль раскраски владельца и его лошади. Каждый особо значимый тип щита

имел варианты рисунка. Со щитами были связаны определенные истории и песни.

В частности, характерно происхождение бизоньих щитов, из которых самым древним Муни называет щит 1770 года, владелец которого, Носящий Бизонью Ногу (род. 1816), в то время был уже самым старым человеком в племени. В легенде о происхождении этих щитов говорится, как двух женщин, спасавшихся от поуни, начал преследовать медведь. Они оказались в месте, где стояли большая скала и дерево. Одна из них влезла на дерево, а другая, Старая Бизониха, забралась на скалу. Вскоре медведь задрал ту, что спасалась на дереве, но добраться до Старой Бизонихи не смог. Ночью она бежала, и, пережидая грозу, нашла убежище в бизоньей туше, проникнув в дыру, прогрызенную койотами. Пока она спала, бизон поведал ей о бизоньем щите и его мощной силе. На другой день Старая Бизониха вернулась домой и научила мужа, как сделать семь бизоньих щитов, которые потом сама раскрасила.

Иконография бизоньих щитов была различной: синий центр мог означать бизонье лежбище; короткие красные линии – землю, разрытую бизоньими копытами; желтый бордюр – пыль, поднятую при отряхивании. Все они украшались подвесками из волос бизона и ястребиными перьями. Число некоторых видов щитов строго ограничивалось, но число бизоньих постоянно возрастало, поскольку каждый владелец мог изготовить вариант для сына или другого юноши, уплатившего за работу. С течением времени бизоньих щитов у кайова скопилось больше всех прочих – в какой-то момент их оказалось двадцать семь. Двенадцать отмечено в 1867 году, но лишь один уцелел к 1897 году, когда Муни купил его для коллекции Смитсоновского института.

Воины кайова, владельцы бизоньих щитов, имели особый статус (бизоньих сновидцев), поскольку видели вещий сон о бизоне – то были целители, останавливавшие кровь при ранении от пули или стрелы. Любой военный поход кайова, по возможности, сопровождал бизоний сновидец. В битве они выпускали хрюкающие звуки, подражая бизону. Носили они и особый головной убор – красные шапки из вылинявших бизоньих волос с украшениями из ястребиных перьев с красными полосами. Готовясь к битве, владелец бизоньего щита окрашивал левую половину головы и тела красным, а правую – белым цветом. Лицо покрывалось красно-коричневой краской, красное пятно наносилось на лоб и белые – на подбородок. Владельцам таких щитов запрещалось дотрагиваться до огня бизоньим рогом, хвостом или копытом, и тот же запрет касался гостей его типи. Им нельзя было есть сырого мяса от почек, печени или места, куда была нанесена рана. В типи владельца бизоньего щита нельзя было ломать костей этого животного.

Р. Мак Кой «Искусство щитов»

Mc Coy, Ron. Miniature Shields.

James Mooney's Fieldwork Among the Kiowa and Kiowa-apache.

«American Indian Art Magazine» Summer 1995. – Pp. 64-71.

Когда падали звезды

Свое индейское имя, Тсоай-тали, я обрел в шесть лет от старика кайова Пул-хоо.

То была примечательная личность, и я много думал о нем. Среди занимавших его вещей было осознание истории.

И вот он начал завязывать отношения со временем, собственной старостью и непокоем. Он завел журнал, где стал записывать рисуночным письмом, одно за другим, события, отмечавшие развитие его народа.

Когда я увидел эту летопись, то представил себе Пул-хоо за своим делом – и было то дело священным.

Он входит в спальню и притворяет дверь. Из ящика стола он достает книгу и очки, он всегда держит их вместе. Конторская книга, приобретенная в Форте Сил, обернута красной тканью. Он хранит ее издавна, и она значит для него немало. Он прикасается к ней особым образом с привычной заботой. Это календарная история народа кайова с 1833 года.

Пул-хоо не помнил, как пришел он к такому видению истории, не помнил, отчего решил рассказать ее в картинках на бумаге, но эта книга стала важным делом его жизни. Поначалу он заносил в нее события, отмеченные в более древней летописи, на расписанной шкуре, затем – то, что выпало на долю собственной памяти. А в старости он полюбил обращаться во времени вспять, и хотя не умел ни читать, ни писать, календарь дал ему эту возможность.

То было средство осознания собственного места в мире, он мог как бы прозреть всю долгую полосу от самого своего прихода и ощутить в жилах силу, пришедшую в движение с его рождением.

До того же лежала лишь тайна, своего рода исход, доисторичный и непроницаемый – реальность вне какого-либо объема, протяженности или

любого иного смысла, кроме мифа. Он мало ведал об этом, что почти не заботило его: кайова вступили в этот мир, познали страдание и торжество и странствовали, пройдя дальний путь от своей первородины. Но все это стало для Пул-хоо единым мгновением, как если бы весь мир возник тем утром 13 ноября 1833 года, когда небо наполнил тот удивительный звездопад – самый мощный из когда-либо отмечавшихся метеоритных дождей.

Он раскрыл книгу на первой странице, и то был *Де-пегйя-де сии* – ноябрь 1833 года, и падали звезды. Он прикрыл глаза, чтобы лучше видеть их. Они были повсюду во тьме, воистину, столь бесчисленные и сияющие, что сама ночь сотрясалась от них.

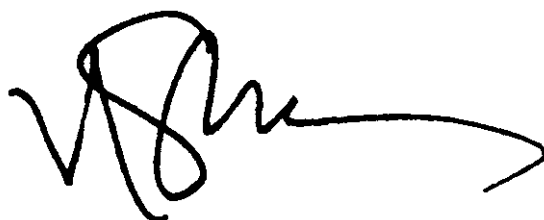
Они летят как искры, думал он, и представил еще стройные, заостренные листья, обращенные к солнцу, и чистейшие блики искрящиеся на воде. И пока он созерцал в этом забытии, звезды превратились наконец в нечто такое, чего он никогда не видел, да и не увидит иначе – вне своего воображения и кровной памяти.

И верно – они не были подобны ни искрам, ни листьям, ни бликам на воде. В каком-то более древнем и почти совершенном единстве движения и света звезды кружились по всему окоему его внутреннего зрения. Они катились и меняли пути, приближались и нависали – и медленно и безмолвно тонули в бездне.

Безмолвно... Мужчины, женщины, дети метались вокруг среди вспышек света, округлив глаза, с искаженными страхом ртами, но он не слышал их метаний и криков. И все же окружающее безмолвие не казалось ему странным. Было так, словно земля – пусть даже лишь та земля, которую он ведал – скатывалась в застывшую черную тьму.

И пусть этот сверкающий хаос был неким образом лишь частью его сиюминутного восприятия на грани бреда, как и безмолвие – уделом, в который неумолимо падали звезды. Они взмывали и падали сияющими линиями, измеряющими пространство и время, определяя вечность.

А он глядел на них, стоя у пределов времен и за ними. Пул-хоо умер в 1939 году, прежде, чем я по-настоящему смог узнать его. Но я представляю его именно так. И вот он уходит, погруженный в свои видения, этот старик, давший мне имя...

Примечания

Путь к Горе Дождей

Первый вариант этого произведения вышел в свет в 1967 году отдельным изданием под названием «Странствие Тай-ме» тиражом в 100 экземпляров. В нем еще отсутствовал авторский план повествования, а иллюстрации были выполнены другим художником. Собственно повесть «Путь к Горе Дождей» опубликована в 1969 году (The Way to Rainy Mountain. – Albuquerque, University of New Mexico Press) в подарочном исполнении. Все последующие издания по сей день уже в мягкой обложке повторяют первоначальный макет. Традиционную пиктографию летописных хроник кайова искусно стилизовали графические работы Эла Момадэя, отца писателя, известного индейского художника.

На русском языке повесть впервые опубликована в подстрочном переводе Зараховича в альманахе «Бригантина» (М.: Молодая гвардия, 1977). В настоящем сборнике публикуется перевод Д.А.Налепиной и А.В.Ващенко. Оформление соответствует первоизданию на языке оригинала.

Альфред Моррис (Эл) Момадэй, или Хуан Тоа, Боевое Копье (1913-81) – сын Маммедэйти, Стоящего Высоко, и А-хо (оба кайова). Родился в г. Маунтин-Вью, Оклахома. В пуэбло Химес, Нью-Мексико, в 1947 году возглавил программу обучения искусствам и ремеслам, принесшую ему международную известность. Считал себя художником-самоучкой. Композициями на мотивы пейотизма, Солнечной Пляски и бизоньей магии продолжил преемственность традиционной живописи индейцев степей. Лауреат ряда художественных премий.

Солнечная Пляска или **Пляска Солнца** – важнейший религиозный обряд и празднество в культуре степных индейцев, сопровождавшийся

личными жертвоприношениями, обетами и обновлением связей между племенами. Кайова проводили его ежегодно, летом.

Срок церемонии устанавливался согласно вещим снам. Хранитель фетиша Тай-ме (см. следующее прим.), игравший роль распорядителя, объявлял о нем во всеуслышание, проезжая со священным амулетом по лагерю. Празднеству предшествовала охота, во время которой супружеская пара убивала бизона, чья шкура потом помещалась на священном столбе. После очищения в парильне двое юношей из воинских союзов отправлялись выбирать дерево для центрального столба обрядовой палатки, предназначенной для Пляски. Дерево срубали и, с четырьмя остановками по пути для выкуривания трубок, приносили в лагерь. Дерево для священного столба срубала женщина-пленница, а представители воинских союзов рыли под него яму и устанавливали. На развилке вверху подвешивались шкура бизона, пожертвования и фетиш Тай-ме. Затем довершалось строительство самой священной палатки. После этого проводился танец старух, с последующим воскурением трубки, и другие пляски. Выносились и развешивались декорированные щиты со священными амулетами, и проводилось обрядовое «введение» бизонов в священную палатку. Приготовления к празднеству занимали шесть дней, на время которых, в целях обеспечения обновления племени и магической активизации сил плодородия в природе, снимались сексуальные запреты.

Д. Муни отмечает: «Пляска Солнца проводилась у кайова летом, примерно в середине июня, и из-за ответственности обряда дерево под центральный столб всегда срубает пленница. Точно так же из-за страха перед немилостью Тай-ме, с которым связано немало запретов, у них имеется пленник, захваченный в Мексике еще ребенком и приставленный к Тай-ме

для той же цели – поворачивать фетиш, помещать на общее обозрение; и в случае нарушения какого-либо запрета наказание падает на пленника, а не на племя. Едва ли стоит упоминать, что мексиканский пленник столь же глубоко верит в святость Тай-ме, как и сам хранитель».

Сама Солнечная Пляска продолжалась четверо суток под руководством хранителя Тай-ме и четырех его помощников, сведущих в песнях и обрядах. Все это время они плясали без пищи и воды. За эти подвиги они получали приношения лошадьми и бизоньими шкурами. В жертву Солнцу в ходе обряда приносились лошади, а также человеческое тело в виде срезанных лоскутков кожи. Участники ожидали вещих снов и видений, давали обеты. В последний день танцоры прекращали свой пост и принимали особый напиток, настоянный на корнях.

Одной из задач Пляски было, исцеление недугов и обретение благ и милостей от Тай-ме и Солнца. Церемония должна была принести изобилие бизонов и процветание всей окружающей жизни. Она ассоциировалась с весной и началом лета. Обряд служил мощным средством единения племени.

Тай-ме – священный фетиш в виде куклы, предположительно заимствованный кайова у кроу. Считается, что первоначально их было три, но два впоследствии были утрачены. Тай-ме являлся центральной святыней Пляски Солнца. Запретами для фетиша были встречи и контакты с медведем, скунсом, зайцем и зеркалом.

Д. Муни так описывает появление Тай-ме:

«Древнее изображение Тай-ме было из замши, со стеблем индейского табака вместо головного убора. Это замшевое изображение хранилось в знахарской палатке вместе со всеми прочими украшениями и жертвами... Нынешний Тай-ме – один из трех. Два из них были первоначально

заимствованы у кроу через одного мужчину арапах– хо, который был женат на женщине кайова, а третий был захвачен у племени черноногих.

Согласно преданию, один бедный арапахо, не имевший лошадей или иного добра, посетил со своим племенем Солнечную Пляску кроу и долго и истово плясал перед их фетишем в надежде, что тот сжадется над ним и дарует достаток. Главный хранитель фетиша кроу наградил его, отдав фетиш, несмотря на протесты соплеменников, разгневанных такой милостью, оказанной чужаку. После этого счастье улыбнулось арапахо: он угнал много лошадей и приношениями в честь Тай-ме добился многих милостей с его стороны. Он жертвовал лошадьми (оставляя их на привязи в священной палатке), пока его собственный табун не стал наибольшим. Будучи теперь богатым, он вновь посетил племя кроу. И когда он... отправился домой, взревновавшие кроу, тайно последовав за ним, отвязали Тай-ме от шеста перед его типи и выкрали, "словно Рахиль, укравшая богов отца": Обнаружив пропажу, арапахо сделал две копии... Позднее он женился на женщине кайова и ушел жить в ее племя, а Тай-ме взял с собой, так что тот стал магическим талисманом кайова. С тех пор Тай-ме передавался в его семье, а в жилах хранителя, соответственно, всегда текла часть крови арапахо... Примерной датой, когда кайова обрели нынешний фетиш Тай-ме, получается 1770 год. Как уже говорилось, у них и ранее имелся обряд и равнозначный фетиш из замши. Из двух фетишей, притом, что оба были той же формы и материала, один, «Мужчина», был маленьким (в несколько дюймов высотой), тогда как другой, «Женщина», был значительно выше. Кайова считают, что кроу по-прежнему владеют оригиналом, украденным у арапахо».

Черные Холмы (Блэк Хиллс) – местность, расположенная к западу от бэдлэндс, или «дурных земель» в Южной Дакоте. Название заимствовано,

по-видимому, от дакотского Паха Сапа (Черная Земля), Для дакотов эта местность была священной – как, впрочем, и для ряда других степных племен. Считается, что кайова в ходе своей миграции некоторое время жили в области Черных Холмов еще до появления там дакотов и даже позднее считали эту землю своим домом.

Меченые Равнины (Льяно Эстакадо) – прерии между западной частью Техаса и восточной частью Нью-Мексико, лишённые внешних примет и вех, отчего маршруты здесь издревле приходилось размечать особым образом.

Пало Дуро – каньон в Техасе, где разыгралась финальная битва так называемой «войны на Ред-Ривер» (1874 г.), когда американские войска под командованием полковника Р.Макензи окружили лагерь кайова, обратили их в бегство, а затем сожгли палатки-типи и уничтожили 1048 лошадей.

Ахо – бабушка Момадэя. На языке кайова ее имя созвучно слову «ахо» – «спасибо». Эта связь часто проводится в литературной критике повести, хотя поначалу на встречах с читателями автор не подтверждал ее. Однако позднее он использовал это слово в значении «спасибо» в стихотворении «Молитва».

Башня Дьявола – Гора Тсоай, или Каменное Древо, – отдельно стоящая скала необычной формы, напоминающая пень от исполинского дерева (геологически – след вулканической активности). Находится близ города Сандэнс в штате Вайоминг. Почитается как святыня у многих степных племен. У дакотов именуется также Медвежьим Типи. В связи с тем, что когда-то у подножия этой скалы старейшина Пул-хоо присвоил юному Момадэю его индейское имя Тсоай-тали (Юноша Каменного Древа), мотив горы Тсоай сделался одним из важнейших в творчестве писателя.

...кайова вступили ... в этот мир через полый древесный ствол. –

Миф о Первотворении у кайова довольно фрагментарен. Он использует мотив Мирового Древа, связующего миры и эпохи, что обыгрывается в стихотворении «Истоки», открывающем эту повесть. Д.Муни так пишет об этом: «Согласно мифологии кайова, имеющей близкие параллели у других племен, их первопредки явились из полого тополиного ствола по воле некоего сверхъестественного прародителя. Он постукивал по стволу, и они выходили наружу до тех пор, пока не подошла очередь беременной женщины, которая застряла, преградив путь тем, кто шел за ней, чем и объясняется немногочисленность племени. То же существо даровало им Солнце, поделило сутки на день и ночь, истребило злых чудовищ и страшных зверей. Оно же обучило их навыкам охоты и, наконец, удалось, заняв свое место среди звезд».

Язык жестов – особая система коммуникации, выработанная племенами степей, принадлежавшими к различным языковым группам.

...ушедшие в ссоре из-за вымени. – Согласно мифу кайова ушли из верховьев реки Йеллоустон из-за ссоры, расколовшей племя надвое. Спор о праве на добычу или право охоты в данной местности – распространенный мотив в мифах о разделении племен. Ушедшие на юго-восток пересекли Йеллоустон, подружились с кроу и на некоторое время осели в области Черных Холмов.

О мотиве разделения родов или племен Д. Муни указывает: «Говорят, что война между делаваками и шавано началась со спора детей из-за кузнечика. Сами кроу, согласно их истории, отделились от своих родичей хидатса, или минитари с Миссури, по точно такой же причине – из-за ссоры

двух вождей в дележе бизоньей туши... Сходная история объясняет происхождение одного из родов у дакотов».

Вот одно из древнейших воспоминаний племени. – Здесь, как и в ряде других случаев, автор опирается на пиктографические летописи кайова, которые именовались также календарными хрониками, а у дакотов – перечнями зим.

Десять Медведей, или Парра-ва-самен, (1792– 1873) – вождь и оратор племени команчей, обычно представлявший их на мирных переговорах с американскими властями. Несмотря на миротворческие позиции и поездки в Вашингтон для защиты прав соплеменников, он стал свидетелем заключения команчей в резервацию. Умер в форте Силл.

...пой песнь собаки. – Возможно, здесь имеется а виду так называемая «песня смерти», песня– вызов, запевавшаяся воином, принадлежавшим к какому-либо воинскому братству, перед дерзким предприятием или в безысходной ситуации. (См. также рассказ о смерти вождя Сет-энгии).

Она поняла, что перед нею Солнце. – Здесь начинается пересказ солярного мифа, относящегося к эпохе Первотворения. Адалбеахья, или Солнечный Юноша, является мифологическим героем и наставником кайова. Запрет мужа-Солнца, согласно Д.Муни, состоял в том, чтобы не трогать *помм бланш*, если верхушка ее объедена бизоном. Мотив нарушения запрета из-за вырывания куста или дерева, репы или плода камаса довольно распространен среди племен Северной Америки.

Игральный обруч. – Форма кольца во многих случаях имела обрядовое значение у североамериканских, особенно степных, племен. То же относится и к играм, связанным с обручем.

Этнограф Муни – имеется в виду Джеймс Муни (1861-1921), выдающийся американский этнограф, начавший как энтузиаст, а завершивший карьеру штатным сотрудником Бюро американской этнологии Смитсоновского института. Автор монографий «Религия Пляски Духов и восстание сиу 1890 года» (1896) и «Летописная история индейцев кайова» (1898), ставших классикой американской этнографии. Известна и книга Муни о заклинаниях чероки. Всего ему принадлежит свыше шестидесяти печатных работ.

...раскололо надвое. – С этого места солярный миф переходит в близнечный, распространенный у североамериканских племен в многочисленных версиях.

Десять священных укладок «тали-даи». – Именуются еще десятью бабушками и, по свидетельству Д. Муни, «хранятся у того же числа хранителей. Главным является Тиебодал, старейший в племени, и у него автору однажды довелось увидеть кисет, в котором хранится святыня и который никому из людей, кроме, вероятно, самого хранителя, не разрешается раскрывать... Кисет, отороченный скальпами, хранится в специальном типи... Его используют при очищении в парильне, поскольку человек может пожелать принести ему личную жертву, а не публичную, как для Тай-ме».

Пейотль – кактус-галлюциноген, являющийся главным инструментом и объектом поклонения в обрядах так называемой Туземной Американской

Церкви (пейотизм), возникшей на рубеже XIX-XX вв. у индейцев юго-запада США на соединении традиционных и христианских идей.

Дохасан (букв., Утес, ок. 1805-66) – известный вождь кайова, представитель потомственной ветви вождей. Руководил племенем с 1833 года вплоть до ухода из жизни, пользуясь абсолютным авторитетом общепризнанного лидера. Его племянник стал «хронистом», составив пиктографическую летопись истории племени за 1832-92 гг.

Кэтлин Джордж (1796-1872) – известный американский художник и путешественник, оставивший обширную галерею портретов и зарисовок жизни и быта многих индейских племен Северной и Южной Америки, а также немало литературных записок об их культуре и обрядах.

Трубочный камень – красноватого цвета минерал, добываемый индейцами в естественном карьере в юго-восточной части Миннесоты, для изготовления священных трубок. Иногда именуется катлинитом, по имени Дж.Кэтлина, впервые его описавшего.

В летописи Сет-тана... – Материал о календарных хрониках степных племен и воспроизведение летописи Сет-тана

Меса (исп., букв., стол). – Здесь, возвышенное плато или столовая гора.

Арройо (исп., букв., ручей). На американском Юго-западе так именуются глубоко врезуемые в мягкую породу овраги, становящиеся руслами ручьев во время паводков.

Гаатиатан (букв., Деревянное Копье, ок.1860– 1931) – последний из вождей кайова. В период движения Пляски Духов отправился к Мессии,

чтобы лично удостовериться в его силе. Впоследствии ездил в Вашингтон, стремясь облегчить племени переход к оседлой жизни. Был признан правительством в качестве последнего главного вождя племени.

Гуипаго (букв., Одинокий Волк, ок. 1820-79) – один из известных верховных вождей кайова. Подписал в 1867 году договор с правительством США, по которому племя согласилось отправиться жить в резервацию. После смерти Сет-энгии и Сет-тайнте он стал главным вождем племени. Считалось, что он обладал магическим даром.

Потеряв в стычке с техасцами сына и племянника, Одинокий Волк развернул враждебные действия против белых поселенцев на юге Великих равнин. После ряда сражений он сдался генералу Р.Макензи в форте Силл и отбыл тюремное заключение в форте Мэрион во Флориде.

Преемником его стал Маммедэйти, или Маманти, дед автора повести.

«Щит, что станет мною»

Серия состоит из шести ранних «щитовых» художественно-литературных композиций Момадэя, выставлявшихся им в 1979 году и ныне хранящихся в собрании А.В.Ващенко.

Впервые опубликована в брошюре: Н. Скотт Момадэй. В присутствии Солнца: собрание щитов. – М.: Кинокомпания SRS, 1993 (тираж 300 экз.), в качестве издания, приуроченного к визиту Момадэя в Россию и открытию выставки его работ «Круги времен».

Публикация явилась результатом двухдневного визита (27-28.IX.1991) переводчика в дом писателя в Тусоне, Аризона, когда представилась возможность уточнить у автора литературную часть этих работ.

В настоящем сборнике удалось существенно повысить качество воспроизведения этих работ.

Из книги Чарльза Вударда «Голос предков. Беседы с Н. Скоттом Момадэем» // Woodard, Charles L. Ancestral Voice. Conversations with N. Scott Momaday. – Lincoln, 1989. Щ Рр. J70, 176, 177. г– В настоящем сборнике этот фрагмент служит послесловием к серии «Щит, что станет мною» и предваряет серию «В присутствии Солнца: собрание щитов».

Рисунки в конторских книгах. – Речь идет о рисунках, сделанных индейскими пленниками, содержащимися в заключении начиная с 1860-х годов в американских фортах. Выменивая или получая в подарок цветные карандаши и краски, они заполняли листы конторских книг (другой бумаги не было) сотнями композиций на бытовые, обрядовые и исторические темы. То было продолжением развитой у степных индейцев пиктографической

традиции записи личных подвигов на рубахах, покроях типи и воинских щитах.

....в подарочном издании... – В оригинале стоит «fine edition». Момадэй, наделенный даром художника и писателя одновременно, тяготеет к такому типу издания, сочетающему художественное изящество, высокий уровень полиграфического исполнения, минимальный тираж с пронумерованными экземплярами (иногда с элементами ручной работы) и особый статус самого события, рассчитанного на коллекционеров. «Странствие Тай-ме», «Путь к Горе Дождей», «В присутствии Солнца», как и некоторые другие книги автора, выходили в подобных изданиях прежде, чем появиться массовым тиражом.

В присутствии Солнца: собрание щитов

В США книга впервые вышла в свет в 1992 году подарочным изданием в 140 экземпляров с посвящением Лори, младшей из дочерей писателя. Впоследствии она не раз перепечатывалась в массовых изданиях.

На русском языке публиковалась отдельной брошюрой в Москве в 1993 году Кинокомпанией SRS.

«История хорошо сделанного щита» – стихотворение в прозе из раннего сборника Момадэя «Танцор с погремушкой» (1976). Здесь служит эпиграфом, однако существует и в изобразительном варианте в виде «щитовой» композиции с текстом.

Ойяте ... опетон. – Первые строки «Слова о Степном Щите», приведенные на языке дакота–сиу, взяты из документального источника.

Сидящий Бык (Sitting Bull, Татанка Йотанка, 1834-90) – один из наиболее влиятельных и известных вождей хункпапа-сиу; шаман, предсказавший поражение генерала Кастера в сражении при Литл-Бигхорн в 1876 году. Убит во время взлета религиозно-мессианского движения Пляски Духов. Его жизни и деятельности посвящена довольно обширная литература.

... и непременно в присутствии Солнца. – Знаток равнинных культур Томас Майлз отмечает: «В повседневной жизни щит помещали на треноге позади типи, с западной стороны, для защиты от злых духов; это называлось – sunning (От англ. "sun" – "солнце", -г-Прим. ред.), так как щит набирался благой силы от Солнца». (Т.Е. Mails. The Mystic Warriors of the Plains. – N.Y., 1972. – Pp. 486-509).

...захвачен дивом и ужасающим наслаждением... – Понятия «wonder» (диво, изумление, чудо) и «delight» (наслаждение) выступают основополагающими категориями эстетики Момадэя, имеющими отношение к пониманию искусства как магии и откровения.

«Щит, который вернулся». – Согласно пояснению автора на встрече с читателями в Москве 9.XII. 1993 г. сюжет навеян реальным происшествием. В данном стихотворении автор как бы предрек возвращение в племя знаменитого щита, принадлежавшего вождю Сет-энгии. Щит считался утерянным, и многие годы о нем ничего не было известно. Однако щит все это время хранился в семье коменданта форта Силл, где Сет-энгия томился в заключении и неподалеку от которого погиб. В 1991 году, по инициативе одного из белых исследователей культуры кайова, святыня была возвращена в племя, что стало поводом для общего ликования и торжества.

«Щит Бот-тали». – Согласно пояснениям автора Бот-тали был историческим лицом — великим воином. Он был невысок, но очень силен и дерзок в бою. Он фигурирует также в стихотворении 1976 года «Страх Бот-тали».

«Самый заурядный щит». – Здесь описывается щит, доставшийся автору от отца и хранящийся у него.

Акеа-де (букв., стояли они лагерем) – традиционный зачин сказителей-кайова.

Мас-о-Менос (исп.) – имя героя символично и означает «Более или Менее».

... добыл удачу... – т.е. совершил воинский подвиг.

«Щит лошадей, вязнувших в топях». – История этого щита в действительности навеяна обстоятельствами отступления кайова под натиском американской кавалерии.

Знакомство с повествовательной манерой Момадэя выявляет наличие повторов, являющихся вариациями, акцентирующими особую важность определенных мотивов и эпизодов программного содержания, превратившихся в художественном мире писателя в сквозные темы и лейтмотивы. Помимо горы Тсоай к числу таких мотивов относятся история стрелоделателя, звездопад 1833 года, темы медведя, миграции кайова, а позднее – образ воинского щита и тема Билли Малыша, разбойника Старого Запада.

Человек, сотворенный из слов

В оригинале: «The Man Made of Words».

Эссе представляет собой доклад, прочитанный на Первом съезде американских ученых индейского происхождения в Принстонском университете в 1970 году.

Впервые опубликовано в книге: Indian Voices. The First Convocation of American Indian Scholars. – San Francisco, 1970. В настоящем издании публикуется по тексту в сборнике «Я связан добром с землей». Из современной литературы индейцев США. – М.: Радуга, 1983. Перевод на русский язык С.Митиной.

С появлением этого эссе метафора «человека, сотворенного из слов», закрепилась в американской литературе и часто применяется в критике к личности и творчеству самого Момадэя.

Лонгхорны – порода крупного рогатого скота, отличающаяся длинными (до шести футов) рогами особой формы; стала символом и приметой Старого Запада США и ковбойской профессии. На территории США начала разводиться в Техасе, куда попала из Мексики. Предки ее, как считается, были завезены на американский континент испанскими переселенцами в 1500-х годах из Андалузии.

Айсек Диннесен – псевдоним популярной датской писательницы баронессы Карен Бликсен (1885-1962), лауреата многих литературных премий, автора знаменитых «готических рассказов». Много лет писательница прожила в колониальной Кении и написала об этом книгу «Из Африки». Эта книга оказала некоторое влияние на творчество Момадэя, что сказалось, в частности, на повести «Путь к Горе Дождей».

Когда падали звезды

Текст приводится по изданию: N. Scott Momaday. The Man Made of Words: Esseys, Stories, Passages. – New York: St. Martin's Press, 1997.

Перевод с английского А.В.Ващенко. На русском языке публикуется впервые.

